



**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4/2018

г. Донецк 2018



**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»**

**ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНБАССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»**

(Юридические науки)

**Научный журнал
№ 4 / 2018**

Выходит 4 раза в год. Сетевое издание.

**Донецк
ДЮА
2018**

УДК 34

Главный редактор –	Р. С. Алимов, канд. юр. наук, доцент
Ответственный редактор –	А. К. Поправко, канд. филос. наук, доцент
Ответственный секретарь –	Е. А. Горячева, канд. экон. наук
Редакционная коллегия	А. М. Моисеев, д-р юр. наук, С. В. Лихачев, д-р юр. наук,
(Донецкая Народная	А. В. Броварь, д-р ист. наук, <i>(Донбасская юридическая</i>
Республика):	<i>академия)</i> , В. Г. Севка, д-р экон. наук <i>(Национальная</i>
	<i>академия строительства и архитектуры, г. Макеевка)</i> , Г.
	Н. Гапотченко, канд. юр. наук <i>(Донбасская юридическая</i>
	<i>академия)</i> , В. В. Ковалева, канд. юр. наук <i>(Донбасская</i>
	<i>юридическая академия)</i> , П. И. Павленко, канд. юр. наук
	<i>(Донбасская юридическая академия)</i> , В.И. Козюберда,
	канд. юр. наук, <i>(Донбасская юридическая академия)</i> , В. А.
	Комаров, канд. юр. наук <i>(Донбасская юридическая</i>
	<i>академия)</i> , С. Ю. Мироненко, канд. юр. наук <i>(Донбасская</i>
	<i>юридическая академия)</i> .
Иностранные члены	С. В. Шевелева, д-р юр. наук <i>(Юго-западный</i>
редакционной коллегии:	<i>государственный университет, г. Курск, Россия)</i> .
Журнал зарегистрирован	В Научной Электронной библиотеке (НЭБ) – головном
	исполнителе проекта по созданию Российского индекса
	научного цитирования (РИНЦ) (лицензионный договор №
	596-11/2016 от 10 ноября 2016 г.).
	В Министерстве информации ДНР. Свидетельство о
	регистрации средства массовой информации – Серия ААА
	№ 000169 от 14.11.2017 г.
	Внесен в перечень рецензируемых научных изданий, в
	которых должны быть опубликованы основные научные
	результаты диссертаций на соискание ученой степени
	кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
	наук Приказом МОН ДНР от 08.05.2018 г. № 433.
Основатель и издатель –	Государственное образовательное учреждение высшего
	профессионального образования «Донбасская
	юридическая академия», г. Донецк.
	Журнал утверждён к изданию Ученым советом
	Донбасской юридической академии, протокол № 8 от
	04.05.2018 г.
	<i>Язык публикации:</i> русский, английский.
	Все права защищены. Перепечатка и переводы
	разрешаются только с согласия автора и редакции.
Адрес редакции:	ул. Лебединского, д. 9, г. Донецк, 83049.
	Тел.: (071) 338-39-90; e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru

Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки: научный журнал / под ред. Р. С. Алимова. – Вып. 4 / 2018. – 141 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://donbassla.ru/zhurnal-nauki>

© Государственное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Донбасская юридическая академия», 2018

**Gosudarstvennoe obrazovatelnoe uchrejdenie
Vyshego professionalnogo obrazovaniya
«Donbasskaya yuridicheskaya akademiya»**

**VESTNIK
GOSUDARSTVENNOGO OBRAZOVATELNOGO
UCHREJDENIYA VYSHEGO
PROFESSIONALNOGO OBRAZOVANIYA
«DONBASSKAYA YURIDICHESKAYA
AKADEMIYA»**

(Yuridicheskiye nauki)

**Nauchnyi Zhurnal
№ 4 / 2018**

Vykhodyt 4 raza v god. Setevoe izdanie.

**Donetsk
DYA
2018**

UDK 34

Editor-in-Chief –	R. S. Alimov, PhD, Sc.(law)
Executive Editor –	A. K. Popravko, PhD in Philosophy, Lecturer
Executive secretary	K. A. Goryacheva, candidate of economic sciences
Editorial board (Donetsk People Republic):	A. M. Moiseev, Dr. Sc. (Law); S. V. Likhachev, Dr. Sc. (Law); A. V. Brovar, Dr. Sc. (History) (<i>Donbass Law Academy</i>); V. G. Sevka, Dr. Sc (Economics), (<i>National Academy of contruction and architecture, Makeevka</i>); G. N. Gapotchenko, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>); V. V. Kovaleva, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>); P. I. Pavlenko, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>), V. I. Kozyuberda, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>); V. A. Komarov Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>); S. Yu. Mironenko Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>).
Foreign members of editorial board:	S. V. Sheveleva Dr. Sc. (Law) (<i>Southwestern State University, Kursk, Russia</i>).
The journal is registered	Of the Scientific Electronic Library - (SEL) – the chief executive of the project on determining Russian Science Citation Index (RSCI) (license agreement № 596-11/2016 of November 10, 2016). In Ministry of information of DPR. Testifying to registration of means of mass information is Series of AAA № 000169 from 14.11.2017 year. Included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of the candidate of sciences should be published, for the academic degree of the Doctor of Sciences Order of the Ministry of Education and Science of the DPR dated 08.05.2018 No. 433.
Founder and Publisher	The state enterprise of higher professional education “Donbass Law Academy” Recommended for printing by Academic Board of Donbass Law Academy. Minute № 8 dated 04.05.2018 year. <i>Language of publication:</i> Russian, English All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only with the agreement of the author and publisher
Address of publisher and editorial:	83101, Donetsk, Lebedinsky Street, 9. Tel. (071) 338-39-90; e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru

Herald of the Donbass law Academy. Legal science: scientific journal / edited
by R. S. Alimov. – Vol. 4 / 2018. – 141 p. [Electronic resource]. – Mode of access:
<http://donbassla.ru/zhurnal-nauki>

СОДЕРЖАНИЕ

Алимов Р. С.

Вступительное слово главного редактора.....7

Гончаров С.П., Ярошенко Д.Г.

Электронная петиция как проявление демократии в Российской Федерации.....8

Бекман Й.

О признании Донецкой Народной Республики.....17

Нассис К.

Принцип *ne bis in idem* как неотъемлемое право личности, предусмотренное европейским законодательством.....26

Броварь А.В., Гордеева А.Ю.

Новый международный терроризм и поиск основных элементов терроризма.....41

Головченко И.К.

Основные проблемы государственно-правового строительства в Донецкой Народной Республике.....50

Грабельников В.А., Щербань Г.Ю.

Компьютерное преступление. Виды, способы совершения.....57

Кудоковцева А.Н.

Проблемы института безвестного отсутствия лица или признания его умершим.....64

Малеткина О.И.

Историко-правовое развитие русского парламентаризма.....72

Мироненко С.Ю.

Особенности квалификации кражи, совершенной в соучастии.....82

Окорокова А.И.

Состав преступления при обстоятельствах необходимой обороны и превышения ее пределов.....91

Павленко П.И., Журба В.В.

О защите общества от информационно-психологического воздействия: политико-правовой аспект.....98

Панчук Г.Н., Гончарова Д.А.

Институт тайны как правовой режим информации ограниченного доступа.....107

Поправко А.А.

К вопросу о классификации цифровых прав личности.....115

Семеняка Я.Н.

Правовое становление местного самоуправления в непризнанных государствах.....123

Чамлай В.В.

Проблема правовой и социальной защиты сотрудников органов внутренних дел СССР периода 30-х начала 60-х гг. XX ст.....131

CONTENTS

Alimov R.	
Opening remarks by the Chief Editor.....	7
Goncharov S.P., Yaroshenko D.A.	
Electronic petition as the manifestation of democracy in Russian Federation.....	8
Backman J.	
Problems concerning diplomatic recognition of Donetsk People's Republic (DPR).....	17
Nassis C.	
The ne bis in idem principle as an individual right in the european law.....	26
Brovar A., Gordeeva A.	
New international terrorism and search of the basic elements of terrorism.....	41
Golovchenko I.	
Main problems of state and legal building in Donetsk People's Republic.....	50
Grabelnikov V., Shcherban G.	
Computer crime. Kinds, methods of performance.....	57
Kudokotseva A.	
The problems of the institute of an immortal absence of the person or recognizing the following of the face.....	64
Maletkina O.	
Historical and legal development of russian parliamentarism.....	72
Mironenko S.	
Peculiarities of qualification of the craft, performed in the participation.....	82
Okorokova A.	
Composition of the crime under the circumstances of the necessary defense and exceeding its limits.....	91
Pavlenko P., Zhurba V.	
About protecting society from information-psychological influence: political-legal aspect.....	98
Panchuk G., Goncharova D.	
Institute of mystery as a legal regime for information of limited access.....	107
Popravko A.	
To the classification of digital rights of the individual.....	115
Semenyaka Y.	
Legal formation of local government in an unrecognized states.....	123
Chamlay V.	
The problem of legal and social protection of employees of organs of internal affairs of the USSR of the period of the 30 th - 60 th XX century.....	131

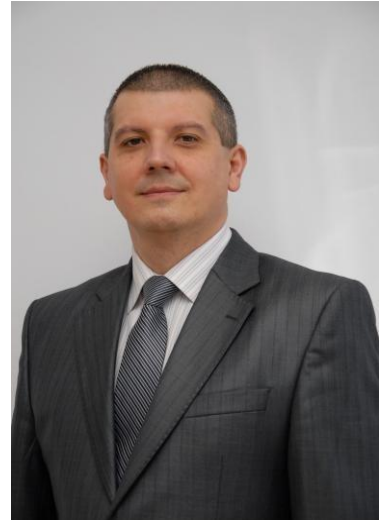
**Сердечно приветствую читателей,
авторов и издателей очередного сборника научных трудов
«Вестник Донбасской юридической академии.
Юридические науки»!**

Не всякий человек на планете читает научные издания, но именно в них аккумулируется объективная информация, нужная всем. Статьи, собранные в новом научном журнале «Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки», безусловно, будут способствовать пополнению и обновлению научной базы.

Нынешний период по праву можно назвать «веком науки», ибо она играет очень важную роль в жизни всего человечества. Вклад в копилку мировой науки вносят представители разных стран и народов. Свое место в этом перечне занимают и российские ученые, и ученые Донецкой Народной Республики. Все они являются гордостью нашего народа. Они не только приумножают

славу отечественной науки, но и вносят весомый вклад в развитие гуманитарных наук. Современный уровень развития научной социально-гуманитарной мысли требует интеграции всего имеющегося в мире интеллектуального потенциала. Научный журнал «Вестник Донбасской юридической академии» призван консолидировать усилия ученых в решении этой важнейшей проблемы. Нашей конечной целью является создание отвечающего высоким стандартам периодического научного издания, в котором будут представлены результаты деятельности отечественных и зарубежных ученых в области юриспруденции. Журнал «Вестник Донбасской юридической академии», номер которого Вы держите в руках, призван стать эффективным центром научной интеграции, в котором будут публиковаться ученые-юристы из всех регионов России, ДНР, ЛНР, а также представители науки, чьи исследования соответствуют целям и задачам журнала. Считаем, что это позволит отечественным ученым быстро и эффективно интегрироваться в российское научное пространство, объединить свои усилия с учеными, проживающими за пределами ДНР.

Хотелось бы выразить слова признательности в адрес Ректора Донбасской юридической академии С. П. Гончарову за обеспечение возможности выхода научного журнала «Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки» в таком формате. Благодарю также всех членов редакционной коллегии журнала за проделанную работу, а всем будущим авторам журнала желаю новых научных и творческих успехов!



С уважением, Алимов Р. С.
главный редактор научного журнала
«Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки»,
кандидат юридических наук, доцент

УДК 342.4: 347.471

С.П. Гончаров

Ректор ГОУ ВПО «Донбасская
юридическая академия»
(e-mail: donbassla@mail.ru)

Д. Г. Ярошенко

Аспирант ГОУ ВПО «Донбасская
юридическая академия»
(e-mail: karakulx@mail.ru)

ЭЛЕКТРОННАЯ ПЕТИЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу такой формы проявления демократии в Российской Федерации как электронная петиция. Являясь частью референдумного процесса петиционный референдум хоть и не активно, но развивает институт электронного местного референдума, и параллельно электронной демократии в России. Также анализируется место электронных петиций во взаимоотношениях общества и государства, рассматриваются основные положения, связанные с подачей онлайн-обращений.

Ключевые слова: электронная петиция, местный референдум, демократия, общественная инициатива, общественный контроль.

Yaroshenko D. A.

Goncharov S.P.

ELECTRONIC PETITION AS THE MANIFESTATION OF DEMOCRACY IN RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the analysis of this form of manifestation of democracy in the Russian Federation as an electronic petition. Being part of the referendum process, the petition referendum, though not active, is developing the institution of an electronic local referendum, and parallel to e-democracy in Russia. Also, the place of electronic petitions in the relations between society and the state is analyzed, the main provisions related to the submission of online appeals are examined.

Key words: electronic petition, local referendum, democracy, public initiative, public control.

Для реализации народных инициатив в мировой практике существует целый ряд механизмов. Они могут отличаться субъектами, адресатом, порядком внесения, правилами рассмотрения и реализации. Современная Россия на сегодняшний день обладает лишь одним таким механизмом под названием «Российская общественная инициатива».

Актуальность темы исследования заключается в эффективном и главное качественном решении проблемных вопросов на местном уровне путем подачи гражданином или группой граждан электронной петиции посредством Интернет-

ресурса «Общественная российская инициатива». Взаимодействие граждан с органами местного самоуправления при помощи электронной петиции и разрешение насущных социально-экономических вопросов общества позволит сформировать у граждан в Российском государстве правосознание, направленное на понимание и решение проблем на местном уровне. Процесс подачи электронной петиции также может способствовать тому, чтобы люди чаще обращались к нормам местного и федерального законодательства. А это в значительной степени позволит улучшить качество жизни.

В настоящий момент интернет-ресурс «Общественная российская инициатива» не пользуется особой популярностью и имеет слабое нормативно-правовое регулирование, которое требует улучшений и уточнений. В первую очередь необходимо совершенствовать правила рассмотрения и последующей реализации общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива».

В настоящий момент на сайте размещено 12216 инициатив. Исходя из того, что на сайте отсутствуют статистические данные (что можно назвать еще одним недостатком данного интернет-ресурса), очень сложно определить количество общественных инициатив, поданных гражданами, касающихся решения местных вопросов и общегосударственных. По той же причине нет возможности проследить количество тех инициатив, которые были приняты, и тех, которые были отклонены. Многие авторы указывают еще и на такую проблему как отсутствие отчета о реализации принятой инициативы.

По мнению Е. А. Казьминой к причинам малой популярности данного интернет-ресурса относится недостаточная информированность граждан о таком механизме подачи общественных инициатив. Большинство граждан не имеют навыков пользования глобальной сетью Интернет, а некоторые и вовсе не имеют доступа к ней [3, с. 75]. По нашему мнению следует добавить и такую проблему, что значительное количество граждан чаще всего не имеют понятия о тех проблемах, которые их окружают.

Анализ научных исследований. Разработкой вопросов, касающихся как местного референдума в целом, так и особой его части – электронной петиции – занимались такие ученые как Кокотов А. Н., Нудненко Л. А., Напалкова И. Г., Суханова Д. Е., Рукавшинникова И. В., Кабашов С. Ю., Казьмина Е. А.

Целью настоящего исследования являются рекомендации и предложения по уточнению и совершенствованию нормативно-правового регулирования электронной петиции на местном уровне для качественного формирования правосознания граждан.

Поскольку общественная инициатива является основой для решения вопроса о назначении местного референдума, обратимся к определению дефиниции «местный референдум». В Энциклопедическом словаре законодательных дефиниций дается следующее определение: местный референдум, проводимый в соответствии с Конституцией РФ, Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в

референдуме граждан Российской Федерации», иными федеральными законами, конституцией (уставом), законом субъекта РФ, уставом муниципального образования среди обладающих правом на участие в референдуме граждан РФ, место жительства которых расположено в границах муниципального образования (ст. Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации») [1, с. 487].

По нашему мнению местный референдум в местном самоуправлении играет важную роль, так как граждане лично принимают в нем участие, тем самым повышая свою правовую культуру, правосознание, снимая социальную напряженность в обществе и постепенно преодолевая правовой нигилизм.

Статья 130 Конституции РФ закрепляет право граждан осуществлять местное самоуправление путем проведения референдумов[4].

Кокотов А. Н. справедливо отмечает, что вопросы, выносимые на местный референдум, не должны ни в какой мере ограничивать или отменять права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации. Стоит согласиться и с мнением данного автора о том, что выносимые на референдум вопросы не должны противоречить законам Российской Федерации и должны иметь точную формулировку во избежание неоднозначного толкования [5, с. 299–300].

Нудненко Л. А. провела классификацию местных референдумов по следующим критериям: по кругу субъектов, выступающих с инициативой, по территории проведения, по содержанию выносимых вопросов [6, с. 143–144].

В зависимости от субъекта, выступающего с инициативой, местный референдум бывает: петиционный; референдум, созываемый по инициативе органов местного самоуправления; референдум, созываемый по инициативе главы муниципального образования.

Наибольший интерес сегодня представляет петиционный референдум, поскольку он хоть и не активно, но развивает институт электронного местного референдума, и параллельно электронной демократии в России.

Под петиционным референдумом мы понимаем голосование, которое исходит от определенного количества граждан, которые подписали петицию о проведении местного референдума по какому-либо вопросу. Во всех странах мира, в том числе и в России, граждане активно занимаются реализацией петиционных референдумов. Так, Указом Президента РФ [7] были утверждены правила рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива».

«Российская общественная инициатива» создана с целью решения социально-экономических вопросов на различных административно-территориальных уровнях, а также совершенствования государственного и муниципального управления. Согласно п. 1 упомянутого выше Указа под общественной инициативой понимается внесение предложений гражданами Российской Федерации по разрешению различных вопросов. В качестве примера можно привести инициативу на муниципальном уровне № 23М40805. Суть ее заключается в предотвращении самовольного неуправляемого разрушения

архитектурного наследия г. Краснодар. Человек, внесший данную инициативу, в качестве практической значимости указывает, что одобрение данной инициативы будет способствовать обеспечению комфортной городской жизни, повышению уровня культуры, увеличению доходов от туризма, преодолению утечки кадров в развитые города, предотвращению самоуправства и произвола со стороны местных жителей [11].

По состоянию на 7 мая 2018 г. за инициативу проголосовало 30 граждан Российской Федерации, против – 3.

На сайте Российской общественной инициативы голосовать и размещать инициативы могут граждане, которым исполнилось 18 лет, и при условии, что они прошли государственную регистрацию в Федеральной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме».

С целью объективного понимания механизма системы идентификации и аутентификации следует рассмотреть данные понятия более подробно. Так, в учебном пособии электронного правительства и электронного документооборота дается следующее их определение: аутентификация (authentication) – это обязательное и однозначное соответствие идентификатора относительно объекта с последующей проверкой достоверности вводимых данных субъектом и сопровождающейся подтверждением подлинности субъекта [2, с. 185]. По нашему мнению в век цифровых технологий аутентификация с юридической точки зрения необходима с целью контроля за недобросовестными пользователями, которые проявляют свою волю к инициированию социально-экономических вопросов на местном уровне, а также в процессе голосования.

Идентификация (identification) – это процесс, вследствие которого происходит присвоение объекту уникального идентификатора [2, с. 193]. Когда речь идет об идентификации на Интернет-ресурсе «Российская общественная инициатива», то это паспорт гражданина Российской Федерации. По нашему мнению аутентификация и идентификация – это два последовательных электронных процесса, которые обеспечивают правопорядок в плане реализации инициативы по социальным и экономическим вопросам на местном уровне.

Перед размещением инициативы на сайте в обязательном порядке проводится ее экспертиза. По прошествии не более двух месяцев должно быть принято одно из трех решений: размещение инициативы; отказ в размещении инициативы; изменение уровня реализации инициативы.

В пункте 7 правил рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет ресурса «Российская общественная инициатива», сформулированы требования к содержанию текста инициативы, к которым относятся: запрет на нецензурные и оскорбительные выражения, угроза жизни и здоровью граждан, призывы к осуществлению экстремистской деятельности. В случаях, если данные требования будут нарушены, то за уполномоченной некоммерческой организацией остается

право на снятие данной инициативы без проведения экспертизы. Стоит отметить, что после процедуры снятия инициативы некоммерческая организация обязуется в электронной форме уведомить об этом гражданина, направившего ее. На наш взгляд целесообразно также ввести юридическую ответственность за:

а) нарушение правил со стороны гражданина относительно содержания инициативы;

б) неуведомление о снятии инициативы некоммерческой организацией.

Будет правильным внести также изменения в п. 7 и добавить срок, в который некоммерческая организация будет обязана уведомлять граждан о снятии инициативы.

Некоммерческая организация вправе снимать инициативы в случаях, если:

а) инициатива противоречит действующей Конституции Российской Федерации, общепризнанным нормам и принципам международного права, нарушает законные интересы граждан;

б) общественная инициатива каким-либо образом нарушает ст. 6 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [8];

в) гражданин или группа граждан, подавших инициативу, не описали проблему, по которой её необходимо разместить, или ж не предложили пути решения данной проблемы, либо варианты ее решения являются необоснованными.

На наш взгляд будет логичным изменить механизм формирования инициативы и разработки путей ее решение. В первую очередь необходимо сформировать инициативу. Далее создать раздел предложений по разработке решений, где каждый участник сможет высказать свое мнение по разрешению данного вопроса. Лишь после этого инициатор или группа инициаторов сформирует уже из всех предложений одну целостную поэтапную программу, которую следует реализовать после проведения голосования.

По нашему мнению такой подход позволит привлечь всех участников к разработке программы, а затем и к голосованию на интернет-ресурсе «Российская общественная инициатива». Это позволит вырабатывать действительно достойные программы по улучшению качества жизни на местном уровне и самое главное – это будет единая программа, разработанная с учетом мнения большинства (если не всего) местного населения. Стоит отметить, что привлечение населения к разработке программы позволит достичь качественного понимания сущности проблемы, возникшей на местном уровне, к творческому процессу в ходе изысканий путей преодоления проблемы, и граждане будут чаще обращаться к местному и федеральному законодательству, что позволит повысить уровень правовой культуры и преодолеть правовой нигилизм среди населения.

Если некоммерческая организация приняла решение о размещении общественной инициативы, то в поддержку инициативы местного уровня следует набрать не менее 5 % голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего муниципального образования. Голосование считается начатым со дня размещения инициативы и длится на протяжении одного года.

По мнению Тамаевой А. М. срок в один год, который выделяется на голосования, является чрезмерным периодом, так как за такой период инициатива может утратить свою актуальность, проблема, по которой была вынесена инициатива, может быть решена и к тому же утрачивается смысл интернет-голосования, который должен быть опосредован оперативностью, а не медленной работой [12, с. 52]. По нашему мнению на сегодняшний день данный срок является оптимальным хотя бы по причине того, что количество граждан, знающих о существовании данного интернет-ресурса, достаточно небольшое. Возможно в дальнейшем, когда Российская общественная инициатива наберет популярность, будет логичным снизить выделяемый на голосование срок.

Гражданам предоставляется право голоса в поддержку инициативы или же против нее, следовательно, результат голосования подсчитывается по формуле «один человек – один голос».

После голосования в случае если инициатива получила требуемое количество голосов, некоммерческая организация обязуется направить ее в электронной форме в экспертную рабочую группу с целью проведения экспертизы и дальнейшего принятия решения о разработке соответствующего нормативно-правового акта и других мер по реализации данной инициативы.

По нашему мнению целесообразно установить и конкретные сроки, в которые должна уложиться комиссия в разработке необходимых мер по реализации инициативы, а также установить срок уведомления некоммерческой организацией экспертной группы. Такой подход позволит избежать умышленного затягивания принятия решений со стороны «Российской общественной инициативы» и экспертной группы.

В качестве рекомендаций по контролю принятий решений и разработке мер реализации экспертной группы на местном уровне, гражданам следует обращаться к общественному контролю. Согласно ст. 3 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [10] граждане Российской Федерации имеют право принимать участие в осуществлении общественного контроля. Данная статья предоставляет гражданам возможность осуществлять контроль как лично, так и в составе общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих объединений. Закон позволяет проводиться общественный контроль в следующих формах: общественного мониторинга, общественного обсуждения.

Для того, чтобы электронное голосование в лице Российской общественной инициативы приобрело популярность, следует внедрить электронную агитацию по экономическим и социально значимым вопросам местного значения. Так, согласно ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9] информирование участников местного референдума по вопросам местного референдума признается как деятельность по распространению информации.

Осуществлять информирование участников местного референдума по поводу проведения местного референдума имеют право следующие субъекты: органы местного самоуправления, комиссии, физические лица и юридические.

Согласно ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информирование участников местного референдума и агитация по вопросам местного референдума признается как деятельность по распространению информации.

По аналогии данного закона достаточно реально создать электронную агитацию как через местные средства массовой информации, так и через глобальную сеть Интернет: это могут быть местные публичные группы в социальной сети «vk.com», «odnoklassniki.ru» и других, а также рассылка по электронной почте. Таким образом, социальные сети будут сообщать о том, что на Интернет-сайте Российской общественной инициативы создана инициатива на местном уровне по определенному вопросу.

С целью надлежащего оформления и дальнейшей реализации принятой и проголосованной на местном референдуме инициативы необходимо осуществлять общественный контроль. Главной особенностью общественного контроля является его широкий инструментарий, при помощи которого он может осуществляться и иметь возможность прибегать одновременно ко всем формам в рамках одного общественного контроля – это существенно позволяет влиять на объективность работы экспертной группы.

Таким образом, можно утверждать, что местный электронный петиционный референдум в Российской Федерации способствует удобному и главное качественному инициированию социально-экономических вопросов на местном уровне, что для государства и общества является положительным фактором, позитивно влияющим на правовое сознание граждан посредством совместного решения наболевших вопросов на местном уровне.

Для улучшения качества нормативного регулирования следует внести изменения в правила рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». К таким изменениям мы относим:

- введение срока, в которые экспертная группа обязана вложиться для разработки мер по реализации общественной инициативы;
- установление конкретного срока уведомления некоммерческой организацией экспертной группы.

Для последовательности и надлежащего качества предложений по инициативе целесообразно сформировать механизм «создание предложений» путем введения раздела на сайте, в котором граждане смогут на определенную тему предлагать свои пути решения экономических и социально значимых вопросов на местном уровне и уже только потом с качественной программой проводить голосование.

Наряду с указанным выше рационально будет создать механизм проведения электронной агитации как через местные средства массовой информации, так и через глобальную сеть Интернет (рассылка с помощью электронной почты, размещение информации в различных сообществах и т.д.).

В качестве рекомендаций мы предлагаем также обращаться к общественному контролю с целью эффективности наблюдения процесса работы

экспертной группы, что по нашему мнению позволит улучшить качество и эффективность принимаемых экспертной группой решений.

И в качестве наиболее значимой и на наш взгляд уместной рекомендации следует признать следующее: без понимания и анализа тех вопросов, которые волнуют граждан России по функционированию интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», невозможно наладить эффективный механизм действия электронной петиции на местном уровне.

Список литературы

1. Законодательные дефиниции: Энциклопедический словарь / под ред. И. В. Рукавишниковой, И. Г. Напалковой, Д. Е. Сухановой. – М.: Норма ИПФРА-М, 2013. – 672 с.

2. Кабашов, С. Ю. Электронное правительство. Электронный документооборот. Термины и определения: учеб, пособие / С. Ю. Кабашов. — М.: ИНФРА-М, 2017. – 320 с.

3. Казьмина, Е. А. Правовые последствия поддержки гражданами Российской Федерации общественных инициатив, направленных с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» / Е. А. Казьмина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2015. – № 3(41). – С. 74–76.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.04.2014. – № 15.

5. Муниципальное право: учебник для бакалавров / под. ред. А. Н. Кокотова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 567 с.

6. Нудненко, Л. А. Непосредственная демократия и местное самоуправление в России: монография / Л. А. Нудненко; Мин-во образования Рос. Федерации. Алтайск. гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 299 с.

7. О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»: Указ Президента РФ от 04.03.2013 г. № 183 (вместе с «Правилами рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива») (ред. от 23.06.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 11.03.2013. – № 10. – Ст. 1019.

8. О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.07.2004. – № 27. – Ст. 2710.

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (принят ГД 8 июля 2006 г.; ред. от

23.04.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.07.2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.

10. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный Закон от 23 июля 2014 г. № 212 ФЗ (принят ГД 04.07.2014 г., в ред. от 29.12.2017 г.) // Российская газета. – 23.07.2014. – № 163.

11. Предотвратить самовольное неуправляемое разрушение архитектурного наследия Краснодара / Официальный сайт «Российская общественная инициатива» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.roi.ru/40805/> (дата обращения: 07.05.2018).

12. Тамаев, А. М. Российская общественная инициатива как проявление открытого правительства / А. М. Тамаев // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № 3(58). – С. 48–53.

УДК 341.7

Йохан Бэкман

Доктор общественно-политических наук, доцент, Университет г. Хельсинки (Финляндия)
(e-mail: johanbek@inbox.ru)

О ПРИЗНАНИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Dr. Johan Bäckman

PROBLEMS CONCERNING DIPLOMATIC RECOGNITION OF DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC (DPR)

Статья анализирует процессы и перспективы признания ДНР с комплексной точки зрения дипломатии, журналистики, психологии и др. Статья является черновиком монографии по данным вопросам. Цель анализа - доказать уникальность процесса признания ДНР и показать, что процесс признания, также и само признание, являются комплексными. Также, наша цель доказать, что в случае с ДНР, помимо несуществующего признания де-юре, есть широкая "серая" сфера возможностей признания де-факто. Статья предлагает изучение исторической аналогии как главного метода изучения этих вопросов.

Ключевые слова: ДНР, Новороссия, Русский Мир, Финляндия, признание, ГДР

Введение. Признание ДНР – широкий, комплексный и особенный процесс. Ведь признание не может быть только официальным решением о создании дипломатических отношений между двумя странами в соответствии с международным правом, как обычно констатируют в литературе о государственном признании. Если определять понятие признания в самом широком смысле этого слова, тогда вся деятельность жителей ДНР и иностранных сторонников ДНР в отношении данного государства, являются частью процесса признания ДНР. Итак, признание можно разделить на две основные части:

- 1) признание своими жителями и гражданами ДНР и их поддержка государственным структурам;
- 2) признание иностранными гражданами, организациями и государством на разных уровнях.

Признание ДНР среди своих граждан: есть особый патриотический дух, активное участие в разных общественно-политических процессах, также, активное участие местных граждан в самоуправлении республики. Признание

ДНР среди иностранных граждан – более комплексный процесс. Есть немало количество иностранных граждан, которые поддерживают республику, посетили ее, которые создавали в своих странах представительские центры ДНР, своеобразные представительства непризнанной республики. Есть Великая Россия, которая признала паспорта и документы ДНР. Хотя официальное юридическое международно-правовое признание ДНР пока получила только от одного государства – Южной Осетии. Хотя и здесь, создана особая сфера сотрудничества и признание среди непризнанных новых республик (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, ДНР, ЛНР, Нагорный Карабах). Эти «маяки Русского Мира» являются важными элементами в международных процессах формирования нового патриотического и свободного духа, а также создания многополярного мирового порядка. Не секрет, что многие жители и также сторонники ДНР идентифицируются не только как сторонники ДНР, но также и как сторонники Новороссии, Русского Мира, или самой России. Не секрет, что немало жителей Донбасса хотят, если возможно, срочной интеграции в Россию. Одновременно, есть идея Новороссии, пока геополитическая мечта, со своей символикой, которая объединяет местных и иностранных сторонников. И наконец, сам Русский Мир, широкое геополитическое и духовное понятие, которое объединяет всех сторонников молодых республик и многих иностранных сторонников и наблюдателей.

Далее, наша цель – анализировать комплексные процессы признания ДНР на родине и за рубежом.

Основными понятиями в процессе развития и создания новых государственных формирований, являются:

Понятия Русского Мира:

- Советский Союз
- Евразия
- Евразийский экономический союз
- Русский Мир
- Новороссия
- Малороссия
- Донецкая Народная Республика
- Киевская хунта
- Бандеровцы

Понятия Западного Мира

- «Украина»
- «Пост-советское пространство»
- «Цветные революции»
- «Пророссийские сепаратисты»
- «Гибридные угрозы»
- «АТО»

Основанием признания государства является признание его названия. Первый шаг в процессе признания – это проникновение этого названия в сознание людей, а также, упоминание в книгах, журналах и статьях, международных

документах, договорах, официальных документах. Забавно, что название «Новороссия» весьма популярное в книгах и журналах¹.

Итак, не удивляет, что уже в 2015-м в Западном Мире велась активная борьба против ключевых названий, особенно против понятия Новороссии. Попытались как можно меньше его использовать в западной прессе, или вообще запретить его использование. Это означает, что данное понятие имеет более сильное психологическое влияние и связано в первую очередь с тем, что понятие дэ-факто имеет далекие исторические корни, а также с тем, что с понятием связан особый дух. Хотя, затем стало известно, что понятие Новороссии имеет меньшее официальное измерение и в России, является «тихим» понятием, влияние которого можно констатировать как скрытое, растущее.

Основными элементами на фоне процесса признания, являются общие идеологические принципы понятий Русского Мира и его противоположного «Западного Мира». Особенность в том, что в Русском Мире, любой человек понимает особенности и значение этих понятий, но на западе политики, журналисты и т.н. эксперты вряд ли могут понять, что это понятие на самом деле означает. Ведь в глубинном сознании Русского Мира особые понятия и идеалы государственности связаны в частности с т.н. непризнанными или т.н. самопровозглашенными государствами.

Понятие Русского Мира существует вместе с определенными параллельными геополитическими и международно-правовыми понятиями – т.н. «постсоветское пространство». Но придется констатировать, что именно непризнанные новые государства – это корни Русского Мира, и их позиция особенная. Сосредоточение на новых непризнанных государствах – это особая энергия, которая связана с особым имперским духом вокруг них.

Если в Западном Мире хотели бы полностью остановить развитие признания ДНР, надо было изначально полностью запретить использование данного термина в прессе. Забавно, что множество западных изданий, в частности отказались использовать терминологию «АТО» в полной мере. Чаще всего использовали терминологию АТО по поводу «пророссийских сепаратистов». Но основная терминология АТО про «террористов» и «оккупацию российскими вооруженными силами», – очень мало использовалась или использовалась с подозрением. Если сначала говорили о «так называемых народных республиках», или «так называемой Донецкой Народной Республики», к 2017-му году слова «так называемые» даже иногда забывали. Также, для западной аудитории, попытались объяснить, что такое Новороссия. Забавно, что в западной прессе намного больше писали, например о Новороссии или «так называемых» республиках, чем использовали терминологию АТО про «террористов» или «временной оккупации» российскими вооруженными силами. Это означает, что для Западного Мира – терминология Русского Мира более привлекательна, чем терминология АТО.

Деятельность представительских центров ДНР. С 2016-го года в разных западных государствах начали регистрировать представительские центры ДНР

¹См. например, Новороссия восставшая из пепла. – М.: Книжный мир, 2014; Губарев П. Факел Новороссии. – СПб: Питер, 2016.

(ПЦДНР). В данный момент, такие юридические лица существуют в Финляндии, Германии, Франции, Греции, Италии, Чехии. Уставы этих организаций аналогичны – они поддерживают и развивают отношения местных властей и граждан с ДНР. Одновременно, в этих странах, т.н. посольства Украины, активизировались с требованиями к местным властям ликвидировать данные структуры. Итак, в данный момент только в Чехии структура ликвидирована решением суда. Также, во Франции, на ПЦДНР подали в суд. В Италии прокуратуре предъявили список 25 граждан Италии с требованиями возбудить против них уголовные дела, но итальянцы особого внимания не придали, всего лишь открыли какое-то досье.

Одними из самых эффективных мер развития признания ДНР являются туристические поездки граждан западных стран в ДНР. Итак, в 2016-м году финские туристические делегации посетили ДНР два раза. Это вызвало весьма широкий резонанс в Финляндии. Если участники данных туристических поездок являлись членами какой-либо политической партии или общественной организации, внутри этих структур сразу возникала бурная дискуссия и внутреннее разбирательство в связи с ДНР. Главный вывод о том, что туристы могли своими глазами увидеть, что общая картина о событиях в ДНР в западной прессе – лживая и противоестественная, исходящая из терминологии АТО и позиции украинской прессы. Ведь никакой «оккупации вооруженными силами России» никто не видел. Такого нет, и никогда не было.²

После летней поездки финских туристов, в Хельсинки создали «Комитет Признания ДНР», который затем был зарегистрирован как «Общество Дружбы Финляндия-Новороссия», с участием члена молодежного крыла политической партии «Национальная Коалиция», господина Вилле Сипиля, который также был участником туристической поездки. Партия «Национальная Коалиция» резко отреагировала на событие, запретила своим членам участие в мероприятии, и в итоге Вилле Сипиля, под давлением, отказался от дальнейшего участия в деятельности общества. В многочисленных материалах и статьях в финской прессе³ т.н. посол Украины в Хельсинки угрожал туристам уголовными преследованиями на Украине, на основе якобы «незаконного пересечения госграницы Украины». Этим финские туристы были весьма обижены, ведь иностранный посол не имеет права диктовать финнам, куда ездить, с кем общаться или какие организации создавать. Таким образом, резкие реакции т.н. посла Украины в Хельсинки, в итоге были выгодны ПЦДНР, организовали повторные поездки, в мероприятиях стало участвовать больше людей, и т.д.

Связи с «Национальной Коалиции» – не единственные отношения ДНР с главными политическими партиями Финляндии. Уже в августе 2014-го года в финском городе Пори состоялся круглый стол, который получил широкий национальный резонанс в Финляндии⁴. Известные политики социал-демократической партии Финляндии, Микко Эло, Евгения Хилден-Ярвенперя и

² Отчет деятельности представительского центра ДНР в Финляндии (декабрь 2017-февраль 2018). // Архив ПЦДНР в Финляндии.

³ <https://www.uusisuomi.fi/kotimaa/200947-kokoomusnuori-sotkeutui-venaja-mielisten-vyyhtiin-minua-kaytettiin-hyvaksi>

⁴ <https://yle.fi/uutiset/3-7395334>

Пиркко Турпейнен-Саари организовали круглый стол для полного зала, с широким общественным резонансом в местных СМИ. Участники констатировали, что США виноваты в кризисе на Украине, санкционная политика против России не нужна, и местные СМИ искажают реальность о ситуации. Забавно, что тогдашний министр иностранных дел Финляндии Эркки Туомиоя, тоже из социал-демократической партии страны. Также, госпожа Хилден-Ярвенперя заявила, что она работает пресс-атташе в представительстве ДНР в Хельсинки (тогда же ПЦДНР Финляндии действовала на основе доверенности, организацию зарегистрировали позже). Участие сторонников ведущей партии сильно повлияло на статус представительства ДНР в Финляндии. Главный результат: из-за широкого резонанса в СМИ большинство финнов узнали, что есть ДНР. Уже про «сепаратистов» не говорили. Ведь местные СМИ же не могут назвать своих известных и уважаемых политических деятелей «террористами» или «сепаратистами».

Также, в руководстве общественной организации «Защитников мира» Финляндии появился серьезный раскол, после неоднократного визита члена правления данной организации, господина Стига Лонга в ДНР. Ведь организация не могла после этого просто уволить своего важного члена, хотя одновременно, проукраинские заявления организации потеряли свою силу после посещения Лонгом ДНР.

Финские власти также, отказались преследовать финских добровольцев, которые воюют в рядах войск ДНР и ЛНР в Донбассе. Финское законодательство не запрещает финским гражданам участвовать в чужих войнах, и не преследуют их после возвращения домой, в отличие от некоторых других европейских стран (например, известные дела в Великобритании, Эстонии).

Один из ключевых вопросов с точки зрения признания – это паспортный вопрос. Известно, что РФ признает документы ДНР, в том числе паспорта. Гражданин может пересекать границу ДНР-РФ с паспортом ДНР. Уже появились граждане ДНР с гражданством Финляндии, поэтому, следует отметить, что гражданин ДНР-Финляндия может пересекать границы ДНР-РФ без визы и затем вернуться на родину в Финляндию через границы Финляндия-РФ без визы. Если будет нормализован процесс пересечения границы РФ-Финляндия гражданина ДНР-Финляндия без визы РФ, это может повлиять положительно на процесс признания ДНР за рубежом. Ведь гражданин Финляндии должен иметь право вернуться на родину в Финляндию с финским паспортом, и если у него или нее есть паспорт ДНР, он должен имеет право съездить на родину через РФ.

Все это позволяет охарактеризовать отношение Финляндии к ДНР как особое. Финляндия, конечно, не признает ДНР, и не собирается устанавливать с ней дипломатические отношения, но одновременно, представители правительственных партий, были готовы поддерживать ДНР, также, у финских властей, никаких претензий к регистрации ПЦДНР в Финляндии не было. Дополнительно, финские власти не намерены преследовать финских добровольцев в войсках ДНР.

Важным шагом в процессе признания можно считать создание министерства иностранных дел непризнанного государства, в целях развития внешнеполитических отношений данного государства. Здесь важно отметить, что ДНР имела свой МИД уже с самого начала, но ЛНР создала МИД только с 2017-го года, факт который ограничивает развитие внешних отношений. В данный момент ДНР имеет множество представительских центров в зарубежных странах, когда ЛНР пока их намерен создавать.

Особенности финской внешней политики – «Финляндизация». Особое отношение Финляндии к ПЦДНР связано с тем, что Финляндия имеет дипломатическую традицию поддерживать непризнанные государства на своей территории (например, ГДР, Палестина, Тайвань).

Хотя здесь особо интересный прецедент – де-факто непризнание новых Прибалтийских государств Финляндией в 1991-м году. Даже страны Прибалтики после т.н. возвращения независимости в связи с распадом СССР стали поводом для особой финской тактики. Когда у финнов попросили признание «новых» Эстонии, Латвии и Литвы, Финляндия неожиданно отказалась, но добавила, что раз Финляндия не признала т.н. советскую якобы «оккупацию» этих стран в 1940-м году, признание этих государств финнами уже с 1918-го года осталось в силе. (Дважды нам же не стоит признать одно и то же.) Таким образом, финны одновременно «признали» и «не признали» «новые» или «старые» Прибалтийские государства, и все стороны остались довольными.

Во многом Финляндия себя ведет так же с ДНР. Данное хитрое искусство внешней политики финнов называется «Финляндизацией». Сам термин придумали завистливые западногерманские и пронатовские политики уже в 1960-м году, когда они сами не могли справиться, но видели, как финны всегда найдут выход, которым все довольны.

Финские власти никаких мер против юридического лица ПЦДНР не предприняли, хотя с другой стороны, они особо не поддерживают его существование. Когда т.н. посольство Украины в Хельсинки в декабре 2017-го года обратилось в МИД Финляндии в связи с деятельностью ПЦДНР с требованиями «реагировать» на «пропаганду терроризма» и т.д., финский МИД ответил как-будто ПЦДНР не существует: Финляндия констатировала, что она не признала ДНР и не считает ее существующим государством, а также, что Финляндия поддерживает санкционный режим ЕС. Таким образом, Финляндия решила не упоминать про ПЦДНР, как-будто он не существует. Если МИД Финляндии упомянул бы о ПЦДНР, можно было бы констатировать, что Финляндия какую-то особую роль сыграла для ПЦДНР. Ведь финны поняли, что любая попытка вмешиваться в деятельность ПЦДНР, может только усилить ее позицию в итоге, что ДНР – серьезная геополитическая сила в эпицентре важнейших евразийских процессов в формировании многополярного мира. Таким образом, политика «Финляндизации» стремится к сохранению и усилению статуса Финляндии в любых условиях.

Украинское посольство в Хельсинки регулярно реагирует на мероприятия ПЦДНР тремя способами:

- 1) протестами в твиттере;
- 2) заявлениями на сайте посольства, и
- 3) нотами в МИД Финляндии.

Но финские власти никак не реагируют, всего лишь повторяют позицию Финляндии о том, что страна не признала ДНР. Финские СМИ отреагировали на заявления украинского посла легким юмором⁵. До сих пор финские СМИ и финские власти ни разу не использовали терминологию «АТО» – т.е. слово «террористы» – в отношении ДНР. На самом деле, реакция украинского посольства в отношении ПЦДНР является положительным моментом – ведь именно таким путем многие финны получили информацию о существовании ПЦДНР и о его деятельности.

Но это противоречиво со стороны Финляндии, раз финские власти никаких мер против ПЦДНР не предприняли. Таким образом, политика МИДа Финляндии вызывает подозрение у граждан: они отрицали существование ДНР, но не отрицали существование ПЦДНР. Очевидно, что позиция финских властей к ПЦДНР отличается от позиции властей Франции и Чехии. Видимо, причина в том, что Финляндия не является членом военного блока НАТО и может проводить более независимую внешнюю политику.

Финская внешняя политика стремится к гарантированию безопасности Финляндии и укреплению статуса нейтралитета и в будущем, в любых условиях, и поскольку мы не знаем, как будут развиваться события в Донбассе, Финляндия стремится гарантировать свой сильный нейтралитет и в будущем. Если целостность ДНР будет гарантирована и интеграция с Россией совершится, Финляндия может упомянуть о том, что они в какой-то мере поддерживали ДНР уже в начале. Если кризис в Донбассе будет продолжаться долго, Финляндия может сослаться на то, что она никогда не отказывалась от политики ЕС по поводу целостности т.н. Украины.

Сотрудники ПЦДНР проводили сравнительное юридическое исследование по поводу правового статуса непризнанных государств и статуса ПЦДНР в Финляндии. Статус ПЦДНР пока низкий, но отсутствие резких реакций со стороны финских властей усиливает его статус. Также широкая публичная дискуссия вокруг мероприятия ПЦДНР, в том числе в центральных СМИ Финляндии в 2014-2016 гг., привели к тому, что большинство финнов знают о существовании ПЦДНР и ДНР. Кроме того, крайне вялая реакция финских властей на протесты т.н. посольства Украины усиливает статус представительского центра.

Сотрудники ПЦДНР проводили опрос среди профессоров международного права Финляндии по поводу изучения статуса ДНР и его повышения. Современный статус ДНР в Финляндии сравнили с Сахарской Арабской Демократической республикой (САДР), которая представлена в Финляндии через Фронт Полисарио (Народный фронт за освобождение Сегиет-эль-Хамра и Рио-де-Оро). САДР представлена в Финляндии через иностранца, который имеет офис в помещении организации «Защитников мира». Этот статус весьма низкий (ниже

⁵<https://www.is.fi/kotimaa/art-2000005379771.html>

ДНР), учитывая, что САДР является членом Африканского Союза и международный суд ООН признал ее суверенитет. Проблематичной является позиция Марокко, которая нарушает международное право в отношении САДР, поддерживаемой Францией и Испанией. Эксперты пришли к выводу, что Финляндия вряд ли может предложить что-либо для повышения статуса ДНР, но изучение возможностей продолжается. Также есть важные аналогии, в частности, по поводу непризнанного Финляндией Тайваня, с которым Финляндия имеет торговое представительство. Кроме того, более широкие исторические аналогии существуют с положением представительства ГДР в Финляндии. По вопросу ГДР и ПЦДНР проводится отдельный анализ.⁶

Важная часть деятельности ПЦДНР в Финляндии – это издание книг. В ходе деятельности центра были изданы несколько качественных изданий финскоязычной литературы, которые получили широкий резонанс в стране, также которые являются доступными в сетевых книжных магазинах и библиотеках. Первая работа – отчет по истории событий в 2014–2015 гг. вместе с анализом сотрудничества США с нацистскими преступниками во время холодной войны, книга «Возрождённый из руин Донбасс» известного финского автора Матти Росси (1934–2017)⁷, также, воспоминания финских добровольцев на фронте, книга Петри Вильякайнена «Война Вили – В защиту Финляндии в степях Донбасса 2015–2018 гг»⁸, и воспоминания другого анонимного финского добровольца, псевдоним Лаури Карху, «Последняя пуля – Заметки о войне, которая не существует; написано в степях, траншеях, селах и городах Донбасса 2015–2017»⁹.

Характерно, что доброволец Петри Вильякайнен считает, что он защищает Финляндию и финнов от агрессии США в Донбассе. Его вклад, по его мнению, усиливает нейтралитет и позицию Финляндии. Также, добровольцы доказывают, что никакой «оккупации» нет, ДНР – действительно государство своих местных граждан. Забавно, что известный в Финляндии автор М. Росси в названии своей книги «Возрождённый из руин Донбасс» ссылается на название гимна ГДР «Возрождённая из руин». Это доказывает, что для финской интеллигенции, которая в свое время имела близкие отношения с ГДР, современный ДНР имеет особое значение. Также, упоминает, что Финляндия может реализовать с ДНР ту же внешнеполитическую тактику, которую она использовала в случае с ГДР.

Прецедент ГДР. Сотрудники ПЦДНР обратили внимание на положение непризнанной ГДР в Финляндии в 1950–1970-х годах и на аналогию с положением непризнанной ДНР в Финляндии¹⁰. С помощью изучения литературы по этому вопросу выяснилось, что прослеживаются чёткие аналогии:

⁶ Отчет деятельности представительского центра ДНР в Финляндии (декабрь 2017-февраль 2018). // Архив ПЦДНР в Финляндии.

⁷ Rossi M. Raunioista nousee Donbass. – Helsinki: Johan Bäckman Publications, 2015.

⁸ Viljakainen P. Vilin sota: Suomea puolustamassa vapaaehtoisena Donbassin aroilla 2015-2018. – Helsinki: Johan Bäckman Publications, 2018.

⁹ Karhu L. Viimeinen luoti: Tuokiokuvia sodasta, jota ei ole : Kirjoitettu Donbassin aroilla, juoksuhaudoissa, kylissä ja kaupungeissa 2015-2017. – Helsinki: Johan Bäckman Publications, 2017.

¹⁰ Отчет деятельности представительского центра ДНР в Финляндии (декабрь 2017-февраль 2018). // Архив ПЦДНР в Финляндии.

1) Финляндия де-юре не признала ГДР или ДНР, но де-факто позволяет их представительствам действовать на своей территории и готова сотрудничать с ними;

2) Посольство ФРГ реагировало на представительство ГДР во многом так же, как и т.н. посольство Украины сегодня на представительство ДНР – протесты, обвинения, ноты финскому МИДу и т.д. – и так же финский МИД вяло реагирует на эти протесты;

3) Активность финских граждан и гражданского общества в поддержке ГДР и ДНР, активная деятельность в целях признания этих государств, в том числе, в создании зарегистрированных организаций.

В вопросе ГДР, Финляндия вела политику «позитивных двойных стандартов», т.е. Финляндия не признала ГДР, но фактически практиковала с ней близкое сотрудничество. В советское время сотрудничество с просоветской ГДР было хорошим каналом для многих финнов реализовать свои альтернативные внешнеполитические взгляды. Ведь многие хотели развивать отношения с СССР больше, чем официальная финская нейтральная политика позволяла. Таким образом, множество финнов съездили в ГДР, учились там, участвовали в работе комитета признания ГДР, и т.д.

Итоги. Положение непризнанных государств можно анализировать с точки зрения международного права, но этот подход может быть слишком шаблонным. Ведь каждый случай единичен, и международно-правовое положение ДНР является особенным. Придется констатировать, что процесс признания имеет всегда широкую «серую» зону, где трудно определить точно, в какой мере государство является признанным, хотя формальное международно-правовое признание отсутствует. Здесь придется более тщательно анализировать уровень признания. Пока уровень признания ДНР в зарубежных странах не самый низкий. Также придется упомянуть о де-факто признании ДНР Россией, поэтому отношение зарубежных государств к ДНР зависит от их отношений с Россией. Поскольку отношения Финляндии с Россией на высоком уровне, деятельность ПЦДНР в Финляндии может только укреплять и отношения с Россией. Существование ПЦДНР в разных странах является уже доказательством де-юре признания на низком уровне, и статус этих организаций во многом зависит от дальнейшего развития отношений с Россией. Хороший прецедент – это политика «Финляндизации» – гарантированный результат для внешней политики страны в любом случае в будущем. Здесь Финляндия проводила весьма успешную политику в вопросе непризнания Прибалтийских стран, ГДР и ДНР.

Costantino Nassis

PhD in European Administrative Law,
senior Officer – Administrative
Regional Court of Reggio Calabria
(costantinonassis@gmail.com)

THE *NE BIS IN IDEM* PRINCIPLE AS AN INDIVIDUAL RIGHT IN THE EUROPEAN LAW

The article, starting from the historical origins of ne bis in idem principle, examines its expansive evolution in the European law arena driven by the European Court of Human Rights case law. This trend progressively led to apply the guaranties enshrined in Article 4 of Protocol 7 ECHR also to dual criminal and administrative proceedings. Finally, the survey considers the most recent interpretation of European jurisprudence that tries conversely to limit the expansive strength of ne bis in idem principle with a view to ensure administrative efficiency.

Keywords: *Right not to be punished twice.*

Relevance of the research topic: The purpose of the article is to shed light on the legal meaning of the ne bis in idem principle in the European human rights law, highlighting practical implications and shortcomings.

1. Historical overview.

The maxim ne bis in idem, which literally means “not twice in the same [thing]”, is a legal principle that prevent from being punished or tried twice for the same offence. It was respected since the Roman Republic and the Principateⁱ. In Justinian law, the presumption of the truthfulness and infallibility of the imperial court’s decision became the new rationale of the maxim (*res iudicata pro veritate accipitur*).

In the logic of the inquisitorial process the acquittal had always a transitory nature, which could be reversed at any moment by new incriminatory evidence (*absolutio pro nunc, rebus sic stantibus*).

The Enlightenment brought a revitalization of ne bis in idem principle, which was incorporated into Article 8 of Chapter V of Title II of the 1791 French Constitution (“tout homme acquité par un jury legal ne peut plus être repris ni accusé à raison du même fait”). At the same time, the Fifth Amendment to the United States Constitution introduced a prohibition of double jeopardy in criminal procedure (“nor shall any person be subject for the same offense to be twice put in jeopardy of life or limb”), focusing more to prevent the offender from being punished twice than from being tried twice for the same offence.

Afterwards the universal practice showed a worldwide consolidation of the ne bis in idem as a principle of customary international law that prevent public authorities from prosecuting and punishing a criminal act once the accused person has been acquitted or has been found guilty of the imputed offence by a final decision taken in criminal proceedings.

Within the Council of Europeⁱⁱ, the principle of *ne bis in idem* initially came into play as a mandatory or optional bar to cooperation in criminal matters between States. Later was affirmed by Article 53 of the 1970 European Convention on the International Validity of Criminal Judgments (“neither be prosecuted nor sentenced nor subjected to enforcement of a sanction”) and by the following European Conventions. Finally it was approved in 1984 the Article 4 of Protocol No. 7 to the European Convention on Human Rights (“no one shall be liable to be tried or punished again in criminal proceedings under the jurisdiction of the same State for an offence for which he has already been finally acquitted or convicted in accordance with the law and penal procedure of that State”), which major novelty was the non-derogable nature of the European principle.

Within the European Union, the principle was affirmed by Article 50 of the 2000 Charter of Fundamental Rights of the European Union. In the light of the Charter, when implementing Charter rights and freedoms which correspond to rights and freedoms guaranteed by the European Convention on Human Rights and the Protocols thereto, member States of the European Union are bound by the meaning and scope of those rights and freedoms laid down by the Convention and Protocols, as interpreted by the European Court of Human Rightsⁱⁱⁱ. This is clearly the case for Article 50 of the Charter.

2. The new challenges to the *ne bis in idem* principle.

Since the 1960s in Europe took place the trend to transfer the criminal offences with lesser degree of social offensiveness to the field of administrative law (decriminalization) in order to deflate the workload of criminal courts.

Obviously administrative offences are processed by means of a simplified procedure of prosecution and punishment conducted before administrative authorities, save in the event of a subsequent appeal to a court.

Over time, also forms of conduct with a high degree of social offensiveness (such as in the field of tax law, data-processing law, competition law or stock-exchange law) have become the subject of administrative law.

Generally speaking, it is hard to establish the dividing line between administrative and criminal offences on the basis of the ordinary meaning of terms. Decriminalization undoubtedly raises a serious issue under Article 4 of Protocol No. 7 ECHR when it deals with conduct with a higher degree of social offensiveness that has been downgraded to the sphere of administrative law, for policy purposes. It has been acutely said that “in fact, this *droit pénal à deux vitesses* hides a net-widening repressive policy, which aims to punish more expediently and more severely, with lesser substantive and procedural safeguards. In this new Leviathan-like context, administrative-law offences are nothing but pure mislabelling of a hard-core punitive strategy and administrative law becomes a shortcut to circumvent the ordinary guarantees of criminal law and criminal procedure”^{iv}.

It follows that nowadays the most important challenge for the European Court of Human Rights is the definition of the confines of criminal law and the application of the principles of legality and *ne bis in idem*, inasmuch as the legal characterisation (whether criminal or administrative) of the procedure under national law cannot be the sole criterion of relevance for the applicability of the *ne bis in idem* principle under Article 4

of Protocol No. 7. Otherwise, “the application of this provision would be left to the discretion of the Contracting States to a degree that might lead to results incompatible with the object and purpose of the Convention”^v.

3. The meaning of “criminal proceedings”.

Article 4 of Protocol No. 7 applies only to “criminal proceedings”. Consequently, it does not prevent the person from being subject, for the same act, to action of a different character (such as disciplinary proceedings, tax surcharges, revocation of licenses or residence permits) as well as to criminal proceedings.

However the European Court of Human Rights, in order to avoid an easy elusion of the *ne bis in idem* principle, has held that the notion of “criminal procedure” in the text of Article 4 of Protocol No. 7 must be interpreted in the light of the general principles concerning the corresponding words “criminal charge” and “penalty” in Articles 6 and 7 of the Convention, respectively.

Therefore, the Court generally applies three criteria previously developed for the purposes of Article 6 of the Convention, commonly known as the “Engel criteria”^{vi}, to be considered in determining whether there was a “criminal charge”. This fundamental criteria are (1) “the legal classification of the offence under national law”, (2) “the very nature of the offence” and (3) the degree of severity of the penalty that the person concerned risks incurring – the second and third criteria being alternative, not necessarily cumulative, whilst a cumulative approach was not excluded.

In the light of the above mentioned criteria, the Court found that it “is self-evident that there are criminal cases which do not carry any significant degree of stigma. There are clearly ‘criminal charges’ of differing weight. What is more, the autonomous interpretation adopted by the Convention institutions of the notion of a ‘criminal charge’ by applying the Engel criteria have underpinned a gradual broadening of the criminal head to cases not strictly belonging to the traditional categories of the criminal law”^{vii}.

In other words, although sanctions are classified as “administrative” in domestic law (*malum quia prohibitum*), they ought to be considered as “criminal”, in the autonomous meaning of this concept in the Court’s case-law, if they belong to the “criminal” sphere by virtue of their nature and degree of severity (*malum in se*).

4. The “same offence” in administrative and criminal proceedings.

The European meaning of the *ne bis in idem* principle protects the person suspected of the alleged offence from double jeopardy where a prior acquittal or conviction has already acquired the force of *res judicata*.

However an approach emphasizing the legal characterisation of the offence (*idem crimen*) would be too restrictive, mainly because the same fact may be characterised as a criminal offence (in the broad meaning taken by the Court that encompasses both criminal and administrative proceedings) basing on elements of the offence that may differ significantly.

The Court, from the analysis of the international instruments incorporating the *ne bis in idem* principle in one or another form, considered worthier the approach based strictly on the identity of the material acts and rejecting the legal classification of such acts as irrelevant. Thus the use of the word “offence” in the text of Article 4 of Protocol

No. 7 ought to be interpreted and applied in a manner which renders Convention's rights practical and effective, not theoretical and illusory. Accordingly, the Court took the view that Article 4 of Protocol No. 7 must be understood as prohibiting the prosecution or trial of a second "offence" in so far as it arises from identical facts or facts which are substantially the same as those underlying the first offence (*idem factum*)^{viii}. The inquiry should therefore focus on those facts which constitute a set of concrete factual circumstances involving the same defendant and inextricably linked together in time and space.

5. Duplication of proceedings, the "sufficient connection in substance and in time" criterion.

According to the Court's opinion, "the guarantee enshrined in Article 4 of Protocol No. 7 becomes relevant on commencement of a new prosecution, where a prior acquittal or conviction has already acquired the force of *res judicata*"^{ix}. It means that Article 4 of Protocol No. 7 forbids the repetition (*bis*) of criminal proceedings that have been concluded by a "final" decision ("finally acquitted or convicted"). As soon as one proceeding (e.g. tax penalty for incorrect tax return) had reached a final conclusion, the other procedure (e.g. imprisonment for the same incorrect tax return) would constitute a violation, regardless of whether the more lenient administrative proceedings or the more severe criminal proceedings had been concluded first and regardless of whether the latter had commenced first or last.

Firstly, it is necessary to clarify that a decision is considered "final" when no further ordinary remedies are available or when the parties have exhausted such remedies or have permitted the time-limit to expire without availing themselves of them^x. Extraordinary remedies such as a request for the reopening of the proceedings or an application for extension of the expired time-limit are not taken into account for the purposes of defining the "final" nature of the decision.

Secondly, it has to be pointed out that that Article 4 of Protocol No. 7 is not confined to the right not to be punished twice but extends to the right not to be prosecuted or tried twice. This fundamental guarantee applies even where the individual has merely been prosecuted in proceedings that have not resulted in a conviction. The Court has clearly specified that Article 4 of Protocol No. 7 "contains three distinct guarantees and provides that no one shall be (i) liable to be tried, (ii) tried or (iii) punished for the same offence"^{xi}.

On the basis of the foregoing standards, it could be said that Article 4 of Protocol No. 7 clearly prohibits consecutive proceedings if the first set of proceedings has already become final at the moment when the second set of proceedings is initiated, whilst does not prohibit several concurrent sets of proceedings (parallel proceedings).

However, regarding the issue of (allowed) duplication of proceeding the Court in the leading case *A and B v. Norway* (about the Norwegian system of dual criminal and administrative proceedings regarding incorrect information submitted in tax declarations) went further "parallel proceedings" limit, developing the principle of "sufficiently close connection in substance".

The Court firstly stated that "in relation to matters subject to repression under both criminal and administrative law, the surest manner of ensuring compliance with

Article 4 of Protocol No. 7 is the provision, at some appropriate stage, of a single-track procedure enabling the parallel strands of legal regulation of the activity concerned to be brought together, so that the different needs of society in responding to the offence can be addressed within the framework of a single process.^{»xii} Subsequently the Court added that “Nonetheless [...] Article 4 of Protocol No. 7 does not exclude the conduct of dual proceedings [...] provided that certain conditions are fulfilled. In particular [...] the respondent State must demonstrate convincingly that the dual proceedings in question have been “sufficiently closely connected in substance and in time”. In other words, it must be shown that they have been combined in an integrated manner so as to form a coherent whole. This implies not only that the purposes pursued and the means used to achieve them should in essence be complementary and linked in time, but also that the possible consequences of organising the legal treatment of the conduct concerned in such a manner should be proportionate and foreseeable for the persons affected”^{»xiii}.

Since the “sufficient connection in substance and in time” criterion might be discretionary and undefined, the Court set out some material factors for determining whether dual criminal and administrative proceedings are “sufficiently connected”. These factors are the following: “- whether the different proceedings pursue complementary purposes and thus address, not only in abstracto but also in concreto, different aspects of the social misconduct involved; - whether the duality of proceedings concerned is a foreseeable consequence, both in law and in practice, of the same impugned conduct (*idem*); - whether the relevant sets of proceedings are conducted in such a manner as to avoid as far as possible any duplication in the collection as well as the assessment of the evidence, notably through adequate interaction between the various competent authorities to bring about that the establishment of facts in one set is also used in the other set; - and, above all, whether the sanction imposed in the proceedings which become final first is taken into account in those which become final last, so as to prevent that the individual concerned is in the end made to bear an excessive burden, this latter risk being least likely to be present where there is in place an offsetting mechanism designed to ensure that the overall amount of any penalties imposed is proportionate”^{»xiv}.

Moreover, the Court held that “where the connection in substance is sufficiently strong, the requirement of a connection in time nonetheless remains and must be satisfied”^{»xv}. This does not mean, however, that the two sets of proceedings have to be conducted simultaneously from beginning to end. The connection in time must be sufficiently close to protect the individual from being subjected to uncertainty and delay and from proceedings becoming protracted over time.

6. Conclusion.

From the foregoing survey, two fundamental moments emerge in the evolution of the *ne bis in idem* principle. From the very first establishment of this principle in the European human right law (1984) there was a progressive and unstoppable expansive trend, which reached the point of highest development in the case *Grande Stevens and Others v. Italy*^{xvi}. In this case the Court developed further its case-law underlining that the problem was no longer that of enforcing the criminal procedural guarantees in

formally administrative sanctions, but of considering them for what essentially are, namely hidden penal sanctions. In this way the Court considerably weakened the legal bases of the double-track sanctions system (penal and administrative), leading to the marginalization of the administrative sanctions in the European law arena.

The scenario again shifted back after the case *A and B v. Norway* where the Court, while not repudiating its established jurisprudence on the notions of “criminal matters” and “same offence”, added a new evaluation key to verify whether the *ne bis in idem* principle has been infringed. According to this new restrictive hermeneutic trend, criminal and administrative proceedings can coexist if the dual proceedings in question have been sufficiently closely connected in substance and in time.

The judicial policy underpinning this softer interpretation of Article 4 of Protocol No. 7 mainly lies on an “efficiency interests”-driven approach (especially in the tax-law field). Although the efficiency in administrative procedures should never be neglected (above all in mass tax collection), it has to be stressed that *A and B v. Norway* jurisprudence weakens the *pro persona* character of *ne bis in idem* principle, opening the door to a *pro auctoritate* policy based on multiple State-pursued proceedings, strategically connected in order to achieve the maximum possible repressive effect.

References

ⁱ For the historical general review of the principle see ROCCO A., *Trattato della Cosa Giudicata come Causa di Estinzione dell’Azione Penale*, Roma, 1900.

ⁱⁱ Founded in 1949, is an international organization, distinct from the European Union, whose stated aim is to uphold human rights, democracy and the rule of law in Europe.

ⁱⁱⁱ Is a international court based in Strasbourg on the basis of Article 19 of the European Convention on Human Rights with the to ensure the enforcement and implementation of the European Convention in the member states of the Council of Europe. All the Court’s judgments, advisory opinions, legal summaries and a large selection of decisions are published in the HUDOC database (<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/Pages/search.aspx>).

^{iv} Dissenting opinion of judge pinto de Albuquerque, in ECHR, Grand Chamber, *A and B v. Norway*, nos. 24130/11 and 29758/11, 15 November 2016, par. 21.

^v ECHR, Grand Chamber, *Sergey Zolotukhin v. Russia*, no. 14939/03, 10 February 2009, par. 52.

^{vi} ECHR, Court Plenary, *Engel and Others v. the Netherlands*, nos. 5100/71; 5101/71; 5102/71; 5354/72; 5370/72, 8 June 1976, par. 82.

^{vii} ECHR, Grand Chamber, *Jussila v. Finland*, no. 73053/01, 23 November 2006.

^{viii} ECHR, Grand Chamber, *Sergey Zolotukhin v. Russia*, cited above, par. 80-82.

^{ix} ECHR, Grand Chamber, *Sergey Zolotukhin v. Russia*, cited above, par. 83.

^x As a considerable exception to this assumption, it has to be mentioned the granting of amnesties in respect of grave breaches of human rights (e.g. killing and ill-treatment of civilians) as unacceptable. The Court held that bringing a fresh indictment against a person who has been granted an amnesty for these acts should not fall within the ambit

of Article 4 of Protocol No. 7, see ECHR, Grand Chamber, *Marguš v. Croatia*, no. 4455/10, 27 Maggio 2014, par. 122-141.

^{xi} ECHR, Second Section, *Nikitin v. Russia*, no. 50178/99, 20 July 2004, par. 36.

^{xii} ECHR, Grand Chamber, *A and B v. Norway*, cited above, par. 130.

^{xiii} *Ibidem*.

^{xiv} *Ibidem*, par. 132.

^{xv} *Ibidem*, par. 134.

^{xvi} ECHR, Grand Chamber, *Grande Stevens and Others v. Italy*, nos. 18640/10 and 4 others, 4 March 2014. For an in-depth analysis see BRANCACCIO M., *Il principio del ne bis in idem*, in *Corte di cassazione e Corti europee*, Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 2014, Part Two, Section II, Chapter IV.

УДК 341

Костантино Нассис

Доктор наук в области европейского административного права, старший сотрудник – Окружной административный суд г. Реджо-ди-Калабрия
(costantinonassis@gmail.com)

ПРИНЦИП *NE BIS IN IDEM* КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ ПРАВО ЛИЧНОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ ЕВРОПЕЙСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

*Вступительная часть статьи посвящена историческому анализу принципа *ne bis in idem* (недопустимости двойной ответственности). Далее исследуется эволюция данного принципа в рамках европейского права под влиянием судебной практики Европейского суда по правам человека. Указанная тенденция постепенно привела к соблюдению гарантий, закрепленных ст. 4 Протокола 7 ЕКПЧ, а также применению двойного уголовного и административного судопроизводства. В заключительной части содержится обзор и толкование современной европейской судебной практики, направленной на ограничение действия принципа *ne bis in idem* с целью обеспечения эффективности административного правоприменения.*

Ключевые слова: право на запрет повторного наказания.

Актуальность темы исследования: Целью данной статьи является определение юридического значения принципа *ne bis in idem* (недопустимости двойной ответственности) в рамках Европейских норм в области прав человека, а также исследование его практической значимости и недостатков.

1. Исторический обзор.

Максима *ne bis in idem*, которая буквально означает «не дважды за одно и то же», представляет собой юридический принцип, не допускающий применения повторного наказания за одно и то же правонарушение. Данный принцип применялся во времена Римской республики и Принципата^{xvii}. Кодекс Юстиниана предполагал презумпцию истинности и безошибочности решения, вынесенного императорским судом, что выражалось в новой максиме (*res iudicata pro veritate accipitur*) (состоявшееся судебное решение принимается за истину).

Согласно логике судебного процесса времен Инквизиции оправдание всегда носило временный характер, т.е. могло быть в любой момент отменено новыми уличающими доказательствами (*absolutio pro nunc, rebus sic stantibus*) (в связи с существенным изменением обстоятельств).

Во времена Просвещения наблюдалось возвращение к принципу *ne bis in idem*, который был закреплен ст. 8 разд. V гл. II Конституции Франции от 1791 г. (“*tout homme acquité par un jury legal ne peut plus être repris ni accusé à raison du même fait*”). В то же время Пятая Поправка к Конституции США предусматривала

запрет на повторное привлечение к уголовной ответственности за одно и то же преступление (“nor shall any person be subject for the same offense to be twice put in jeopardy of life or limb”) («лицо, обвиняемое в совершении преступления, не должно привлекаться к ответственности дважды за одно и то же нарушение»). При этом акцент делался на запрет повторного наказания за одно и то же нарушение, а не на запрет проведения повторного судебного разбирательства.

Впоследствии принцип *ne bis in idem* закрепился в мировой практике как принцип обычного международного права, запрещающий органам государственной власти преследовать и наказывать за совершенное правонарушение после вынесения окончательного оправдательного приговора или признания лица виновным в инкриминируемом ему правонарушении в результате уголовного судопроизводства.

В практике Совета Европы^{xviii} принцип *ne bis in idem* изначально носил характер обязательного или избирательного запрета, который способствовал взаимодействию Государств-членов в области уголовного судопроизводства. Позднее он был закреплен статьей 53 Европейской конвенции от 1970 г. «О международной действительности судебных решений по уголовным делам» («в отношении лица не должно вестись повторного судопроизводства, выноситься повторного приговора или применяться повторных санкций»), а также статьями последующих Европейских конвенций. Окончательно данный принцип был закреплен в 1984 г. статьей 4 Протокола № 7 к Европейской конвенции о правах человека («лицо не подлежит повторному судебному преследованию в рамках юрисдикции одного и того же государства-члена за то же самое нарушение, в отношении которого был вынесен окончательный оправдательный приговор или за которое данное лицо было осуждено в соответствии с законодательством и уголовно-процессуальным кодексом такого государства»). Новизна данной формулировки заключалась в обязательности и неотъемлемости указанного европейского принципа.

В практике Европейского Союза данный принцип был закреплен статьей 50 Хартии 2000 «О фундаментальных правах Европейского Союза». Государства-члены обязаны обеспечивать предусмотренные Хартией права и свободы, которые совпадают с правами и свободами, гарантированными Европейской конвенцией о правах человека и протоколами к ней, в том значении и тех сферах применения, которые были установлены Европейским судом по правам человека^{xix}. Это четко закреплено статьей 50 Хартии.

2. Новые задачи по реализации принципа *ne bis in idem*.

С 1960-х гг. в Европе наблюдалась тенденция к передаче уголовных преступлений, характеризующихся меньшей степенью общественной опасности, в сферу административного права (декриминализация), чтобы сократить объем работы судов по уголовным делам.

Очевидно, что за исключением случаев последующей подачи апелляции, административные правонарушения рассматриваются в присутствии административных органов по упрощенной процедуре ведения судебного разбирательства и вынесения приговора.

Со временем формы поведения, характеризующиеся высокой степенью общественной опасности (такие как нарушения в сфере налогового права, закона о защите персональных данных, антимонопольного законодательства или законодательства, регулирующего деятельность фондовых бирж), также стали предметом рассмотрения административного права.

В сущности, если руководствоваться исключительно терминами, то границу между административными и уголовными правонарушениями провести достаточно сложно. Несомненно, когда понятие декриминализации касается поведения, которое характеризуется большей степенью общественной опасности и относится к сфере административного права в политических целях, то в данном случае возникает серьезный вопрос, отраженный статьей 4 Протокола 7 ЕКПЧ. Она гласит следующее: «фактически, данный *droit pénal à deux vitesses* скрывает растущую репрессивную политику, направленную на вынесение более целесообразных и суровых обвинительных приговоров с меньшими процессуальными гарантиями защиты. В этом новом контексте, когда государство выступает в роли левиафана, административные правонарушения становятся ничем иным как ложной маркировкой основных карательных мер, а административное право помогает легко обойти обычные гарантии, предусмотренные уголовным правом и уголовным судопроизводством»^{xx}.

Из этого следует, что на сегодняшний день самой важной задачей для Европейского суда по права человека является определение границ уголовного права и сферы применения принципа *ne bis in idem*. Поскольку согласно статье 4 Протокола № 7 юридическая оценка процедуры (отнесение к сфере уголовного или административного права) в соответствии с государственным правом не может быть единственным критерием целесообразности применения принципа *ne bis in idem*. В противном случае, «применение настоящего положения будет оставлено на усмотрение стран-участниц и может привести к результатам, несовместимым с предметом и целями Конвенции»^{xxi}.

3. Понятие «уголовного судопроизводства».

Действие статьи 4 Протокола № 7 распространяется исключительно на «уголовное судопроизводство». Следовательно, за одно и то же деяние лицо может подвергаться процессуальным действиям различного характера (дисциплинарному производству, взысканию дополнительных налогов, аннулированию лицензии или лишению вида на жительство), включая уголовное судопроизводство.

Однако, во избежание каких-либо отклонений от принципа *ne bis in idem*, Европейский суд по правам человека постановил, что термин «уголовное судопроизводство» следует толковать в свете общих принципов, касающихся соответствующих терминов «уголовное обвинение» и «наказание», определение которым дано в статьях 6 и 7 Конвенции.

Таким образом, определяя наличие признаков «уголовного обвинения», Суд опирается на три критерия, которые были ранее выработаны для целей статьи 6 Конвенции и известны как “критерии Энгеля”^{xxii}. Эти фундаментальные критерии являются следующими: (1) «юридическая классификация

правонарушения в соответствии с государственным правом», (2) «природа правонарушения» и (3) степень суровости наказания, которое понесет нарушитель – второй и третий критерии являются альтернативными и не всегда дополняют друг друга, хотя взаимодополняющий подход не исключен.

В свете вышеуказанных критериев Суд постановил следующее: «совершенно очевидно, что существуют уголовные дела, в которых присутствуют лишь незначительные классификационные признаки уголовного преступления. Существуют «уголовные обвинения» различной тяжести. Более того, независимое толкование понятия «уголовное обвинение», принятое учреждениями Конвенции на основании критериев Энгеля, способствует постепенному распространению юрисдикции уголовного права на те дела, которые по своим классифицирующим признакам не имеют прямого отношения к традиционным категориям уголовного права»^{xxiii}.

Иными словами, хотя внутренне государственное законодательство классифицирует санкции как «административные» (*malum quia prohibitum*) (преступления, не включающие в себя элемента аморальности), тем не менее, если таковые относятся к «уголовной» сфере по своему характеру и степени опасности (*malum in se*) (деяние, преступное по своему характеру), то в независимом толковании и судебной практике Суда они считаются «уголовными».

4. «Одно и то же правонарушение» в уголовном и административном судопроизводстве.

Европейское понимание принципа *ne bis in idem* защищает лицо, подозреваемое в совершении правонарушения, от повторного привлечения к ответственности за одно и то же преступление после вступления в силу оправдательного или обвинительного приговора *res judicata* (разрешенное дело).

Однако подход, делающий акцент на юридической характеристике правонарушения (*idem crimen*) (одно и то же обвинение), был бы слишком ограниченным, поскольку один и тот же факт можно отнести к категории уголовных правонарушений (в принятом Судом широком значении, которое охватывает как уголовное, так и административное судопроизводство) на основании элементов правонарушения, которые могут значительно отличаться.

Исходя из анализа юридических документов, которые в той или иной форме отражают принцип *ne bis in idem*, Суд счел, что подход, основанный строго на идентичности существенных действий и отрицающий юридическую классификацию таких действий, является неприемлемым. Следовательно, используемый в тексте статьи 4 Протокола № 7 термин «правонарушение» следует толковать и применять таким образом, чтобы практика по обеспечению предусмотренных Конвенцией прав была целесообразной и эффективной, а не теоретической и иллюзорной. Соответственно, Суд пришел к мнению, что статью 4 Протокола № 7 следует понимать как такую, которая запрещает судебное преследование или судебное разбирательство за второе «правонарушение», если таковое возникает из фактов идентичных или в значительной степени совпадающих с фактами, лежащими в основе первого нарушения (*idem factum*)

(один и тот же факт)^{xxiv}. Поэтому дознанию следует сосредоточиться на тех фактах, которые представляют собой набор конкретных фактических обстоятельств, имеющих отношение к одному и тому же ответчику и неразрывно связанных во времени и пространстве.

5. Дублирование производств по делу, критерий «достаточной связи по существу и во времени».

По мнению Суда, «гарантия, закрепленная статьей 4 Протокола № 7, актуальна в отношении начала нового уголовного производства после вступления в силу оправдательного или обвинительного приговора *res judicata* (разрешенное дело)»^{xxv}. Это означает, что статья 4 Протокола № 7 запрещает повторное проведение (*bis*) уголовного судопроизводства, которое завершилось «окончательным» решением («окончательным оправдательным или обвинительным приговором»). После вынесения окончательного заключения по конкретному судебному разбирательству (например, применения штрафных санкций за неправильное заполнение налоговой декларации), любая другая процедура (например, тюремное заключение за тот же случай неправильного заполнения налоговой декларации) будет считаться нарушением, независимо от того, какое из двух заключений (более мягкое административное или более суровое уголовное) было вынесено первым, а также независимо от того, какое из двух судопроизводств было начато первым.

Во-первых, необходимо уточнить, что решение считается «окончательным» в том случае, когда дополнительные средства правовой защиты отсутствуют, а также когда стороны исчерпали такие средства правовой защиты или не использовали их в течение положенного срока совершения процессуальных действий^{xxvi}. Чрезвычайные средства правовой защиты, такие как заявление о возобновлении производства или ходатайство о продлении срока совершения процессуальных действий, не учитываются при определении «окончательного» характера решения.

Во-вторых, следует отметить, что статья 4 Протокола № 7 не ограничивается только лишь правом лица не подвергаться наказанию дважды, но также предусматривает право не подвергаться судебному преследованию или не привлекаться к ответственности дважды. Данная основополагающая гарантия действует даже в тех случаях, когда лицо просто подвергается судебному преследованию в ходе разбирательства без вынесения обвинительного приговора. Суд четко указал, что статья 4 Протокола № 7 «содержит три определенные гарантии и предусматривает, что лицо не должно (i) привлекаться к ответственности, (ii) подвергаться судебному преследованию или (iii) подвергаться наказанию за одно и то же преступление»^{xxvii}.

Исходя из вышеописанных стандартов, можно сказать, что статья 4 Протокола № 7 четко запрещает проведение повторного разбирательства в том случае, если на момент начала второго судебного разбирательства по первому судебному разбирательству уже было вынесено окончательное решение; при этом проведение нескольких параллельных судебных разбирательств (параллельных судопроизводств) не запрещено.

Однако что касается проблемы (разрешенного) дублирования судебного разбирательства, то в ведущем деле А и Б против Норвегии (касательно норвежской системы двойного уголовного и административного судопроизводства в отношении представления неверной информации в налоговых декларациях) Суд пошел дальше ограничения «параллельного разбирательства», развивая при этом принцип «достаточно тесной связи по существу».

Сначала Суд заявил, что «самым надежным способом обеспечить соблюдение статьи 4 Протокола № 7 в отношении случаев, требующих пресечения в соответствии с уголовным и административным правом, является введение на определенном этапе одноразовой процедуры, которая позволяет объединить параллельные направления правового регулирования соответствующей деятельности с тем, чтобы удовлетворять различные потребности общества в реагировании на правонарушение в рамках единого процесса.^{xxviii}». Впоследствии Суд добавил, что «При этом [...] статья 4 Протокола № 7 не исключает проведения двойного судопроизводства [...] при условии соблюдения определенных требований. В частности [...] государство-ответчик должно убедительно доказать, что рассматриваемое двойное разбирательство было «достаточно тесно связано по существу и во времени». Иными словами, необходимо продемонстрировать, что они объединены на основании комплексного подхода и представляют собой единое целое. Это означает как то, что поставленные цели и средства их достижения, по сути, должны быть взаимодополняющими и связанными во времени, так и то, что возможные последствия правовой оценки рассматриваемого поведения должны быть соразмерными и предсказуемыми для лиц, интересы которых затронуты»^{xxix}.

Поскольку критерий «достаточная связь по существу и во времени» может оказаться дискреционным и неопределенным, Суд установил некоторые существенные факторы, которые помогают определить, являются ли уголовное и административное разбирательства по одному делу «в достаточной мере связанными». Эти факторы являются следующими: «- носят ли различные процедуры взаимодополняющие цели и, таким образом, не только *in abstracto*, но и *in concreto* реагируют на различные аспекты социального проступка; - является ли двойное судопроизводство предсказуемым следствием одного и того же случая оспариваемого поведения (*idem*) как исходя из действующего законодательства, так и согласно правоприменительной практике; - проводятся ли соответствующие судебные разбирательства таким образом, чтобы избежать, насколько это возможно, дублирования мероприятий по сбору и оценке доказательств, в частности, путем надлежащего взаимодействия между различными компетентными органами с тем, чтобы факты, установленные одной инстанцией, могли использоваться другой инстанцией; - и, прежде всего, учитывается ли санкция, введенная судопроизводством, которое вынесло окончательное решение первым, при вынесении окончательного решения тем судопроизводством, которое делает это последними с тем, чтобы избежать чрезмерного наказания. Последний риск наименее вероятно возникает там, где есть механизм взаимозачета, призванный обеспечить общую соразмерность введенных санкций»^{xxx}.

Кроме того, Суд постановил, что «наличие достаточно сильной связи по существу не отменяет необходимости наличия связи во времени»^{xxxі}. Это не означает, однако, что оба судебных разбирательства должны проводиться одновременно от начала и до конца. Связь во времени должна быть достаточно тесной, чтобы избежать неуверенности, задержек и волокиты в процессе судебных разбирательств.

6. Заключение.

Из вышеприведенного анализа эволюции принципа *ne bis in idem* следуют два фундаментальных вывода. С того момента как данный принцип закрепился в Европейских нормах в области прав человека (1984 г.), наметилась прогрессивная тенденция к его постоянному развитию, которая достигла своего наивысшего пика в деле Гранде и другие против Италии^{xxxіі}. В указанном деле Суд продвинулся в развитии своей судебной практики, подчеркивая, что проблема заключается не в том, чтобы обеспечить соблюдение уголовно-процессуальных гарантий при применении формально административных санкций, а в том, чтобы рассматривать их по существу, а именно - как скрытые уголовные санкции. Тем самым Суд значительно ослабил правовые основы системы двойных санкций (уголовных и административных), что привело к маргинализации административных санкций на арене европейского права.

Шаг назад был сделан после дела А и Б против Норвегии, где Суд, не отказываясь от своего установленного толкования понятий «уголовные дела» и «такое же преступление», добавил новый оценочный фактор для выявления нарушений принципа *ne bis in idem*. Согласно данной новой ограничительной герменевтической тенденции уголовное и административное судопроизводства могут сосуществовать, если эти два разбирательства по одному и тому же делу достаточно тесно связаны по существу и во времени.

Судебная политика, лежащая в основе указанного более мягкого толкования статьи 4 Протокола № 7, главным образом, заключается в подходе, который ориентирован на «заинтересованность в эффективности» (особенно в области налогового права). Хотя никогда не следует пренебрегать эффективностью административного судопроизводства (особенно в сфере массового взимания налогов), необходимо подчеркнуть, что прецедент А и Б против Норвегии ослабит личноориентированный (*pro persona* (в пользу лица)) характер принципа *ne bis in idem*, открыв тем самым дверь политике *pro auctoritate* (ориентированной на предписания), которая основана на множестве проводимых государством процедур, стратегически связанных для достижения максимально возможного репрессивного эффекта.

Список литературы

^{xvii} С общим историческим обзором данного принципа можно ознакомиться в следующей работе: ROCCO A., *Trattato della Cosa Giudicata come Causa di Estinzione dell'Azione Penale*, Roma, 1900.

^{xviii} Отличная от Европейского Союза международная организация, которая была основана в 1949 г. и чья цель заключается в поддержке прав человека, демократии и верховенства права в Европе.

^{xix} Международный суд со штаб-квартирой в Страсбурге, созданный в соответствии со статьей 19 Европейской конвенции о правах человека с целью обеспечения соблюдения и принуждения к выполнению Европейской конвенции на территории государств-членов Европейского Союза. Все постановления, консультативные заключения, краткий юридический анализ и выборочные решения суда опубликованы в базе данных судебной практики Европейской конвенции по правам человека (<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/Pages/search.aspx>).

^{xx} Несовпадающее особое мнение судьи Пинто де Альбукерке, в ЕКПЧ, Большая Палата, А и Б против Норвегии, №№ 24130/11 и 29758/11, 15 ноября 2016 г., п. 21.

^{xxi} ЕКПЧ, Большая Палата, Сергей Золотухин против России, № 14939/03, 10 февраля 2009 г., п. 52.

^{xxii} ЕКПЧ, Пленум Суда, Энгель и другие против Нидерландов, №№ 5100/71; 5101/71; 5102/71; 5354/72; 5370/72, 8 июня 1976 г., п. 82.

^{xxiii} ЕКПЧ, Большая Палата, Джуссила против Финляндии, № 73053/01, 23 ноября 2006 г.

^{xxiv} ЕКПЧ, Большая Палата, Сергей Золотухин против России, вышеприведенное, пп. 80-82.

^{xxv} ЕКПЧ, Большая Палата, Сергей Золотухин против России, вышеприведенное, п. 83.

^{xxvi} Важным исключением из данной посылки следует считать неприемлемость предоставления амнистии лицам, совершившим серьезные нарушения прав человека (например, убийство и жестокое обращение с гражданскими лицами). Суд постановил, что представление нового обвинительного акта в отношении лица, получившего амнистию за данные действия, не должно подпадать под действие статьи 4 Протокола № 7, см. ЕСПЧ, Большая палата, Маргуш против Хорватии, №. 4455/10, 27 Маггио 2014, п.п. 122-141.

^{xxvii} ЕКПЧ, Вторая секция, Никитин против России, № 50178/99, 20 06 2004 г., п. 36.

^{xxviii} ЕКПЧ, Большая Палата, А и Б против Норвегии, вышеприведенное, п. 130.

^{xxix} Там же.

^{xxx} Там же, п. 132.

^{xxxi} Там же, п. 134.

^{xxxii} ЕКПЧ, Большая Палата, Гранде Стивенс и другие против Италии, вышеприведенное, №№ 18640/10 и 4 прочих, 4 марта 2014 г. Для более глубокого анализа см. BRANCACCIO M., *Il principio del ne bis in idem*, in Corte di cassazione e Corti europee, Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 2014, часть вторая, разд. II, гл. IV.

УДК 341.3

А.В. Броварь

Заведующий кафедрой
государственного и международного
права ГОУ ВПО «Донбасская
юридическая академия» (г. Донецк)
(e-mail: aleksandrbrovar@rambler.ru)

А.Ю. Гордеева

Студент магистратуры ГОУ ВПО
«Донбасская юридическая академия»
(г. Донецк)
(e-mail: 34061990@mail.ru)

НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ПОИСК ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕРРОРИЗМА

В статье представлена концепция «нового международного терроризма», которая описывает революционную трансформацию характера терроризма. Сторонники этой концепции утверждают, что современные террористические группы действуют беспрецедентно и создают совершенно новый тип террористической угрозы. Новые формы терроризма состоят из новых актеров, инструментов и идеологии. Эти новые формы также требуют необходимости в новых контртеррористических ответах.

Ключевые слова: «Новый международный терроризм», контртеррористический ответ, гипертерроризм, оружие массового уничтожения, международное сообщество, глобальная угроза.

Brovar A.V.

Gordeeva A.Y.

NEW INTERNATIONAL TERRORISM AND SEARCH OF THE BASIC ELEMENTS OF TERRORISM

The article presents the concept of "new international terrorism", which describes the revolutionary transformation of the nature of terrorism. Supporters of this concept argue that modern terrorist groups operate unprecedentedly and create a completely new type of terrorist threat. New forms of terrorism consist of new actors, instruments and ideology. These new forms also require the need for new counter-terrorism responses.

Key words: "New international terrorism," a counter-terrorism response, hyperterrorism, weapons of mass destruction, the international community, a global threat.

Актуальность. Концепция «нового международного терроризма» описывает революционную трансформацию характера терроризма. Сторонники этой концепции утверждают, что современные террористические группы

действуют беспрецедентно и создают совершенно новый тип террористической угрозы. Новые формы терроризма состоят из новых актеров, инструментов и идеологии. Эти новые формы также требуют необходимости в новых контртеррористических ответах.

Анализ научных исследований. При написании данной статьи были рассмотрены труды российских международников-юристов, занимающихся общими вопросами международного права и права вооруженных конфликтов, а именно, И. Арцибасова, В. Грабаря, Ф. Мартенса, Э. Скакунова, С. Черниченко. Так же были изучены работы, касающиеся рассматриваемой темы представителей зарубежного международного права, а именно, Д. Аби-Сааба, М. Беджауи, Р. Бакстера, К. Обрадовича, Я. Томко и др.

Целью статьи является рассмотрение концепции «нового международного терроризма», которая описывает революционную трансформацию характера терроризма.

Нормативно-правовая основа исследования включает в себя Конвенции, Дополнительные протоколы, учредительные Декларации, резолюции, документы международных организаций, которые связаны с темой. Авторы использовали официальные доклады ООН по вопросам международного терроризма.

Со времени терактов 11 сентября 2001 года общественные деятели Лондона и Вашингтона сформулировали идею нового типа международного терроризма по сравнению с предыдущими нападениями. Джордж У. Буш говорил о «новых реалиях и опасностях, созданных новыми террористами, которые представляли собой» угрозу, которой наш народ никогда не пострадал». Тони Блэр также упомянул о «новом глобальном терроризме, не обусловленном рядом оборотных политических требований, а религиозным фанатизмом». Было сказано, что новый терроризм характеризуется неизбирательными массовыми нападениями и возможностью нападений с применением оружия массового уничтожения. С точки зрения академического дискурса концепция «нового терроризма» возникла до нападений 11 сентября. Основные черты концепции были определены ранее Брайаном Дженкинсом [1, с. 41]. В середине 1980-х годов он отметил, что появились «новые причины и новые группы» и что «террористическая деятельность за последние 20 лет выросла в объеме и кровопролития». Это наблюдение, как в изменении террористических мотивов, так и увеличения смертельных террористических атак было разработано и расширено, чтобы предоставить нам различные варианты понятия, включая «постмодернистский терроризм», «катастрофический терроризм» или «гипертерроризм».

В поддержку идеи революционных перемен сторонники концепции сформулировали четкое различие между традиционными или обычными террористами прошлого и новыми террористами современности. Аналогичным образом, на этикетке «обычного терроризма» описывается терроризм 1960-х, 1970-х и 1980-х годов, осуществляемый такими группами, как фракция Красной армии, красные бригады, ирландская временная республиканская армия. С другой стороны, идея «нового терроризма» связана с терроризмом 1990 и 2000 годов,

представленным такими организациями, как «Аль-Каида» и «Аум Синрикэ». В результате нападений 9/11, нападений в Джакарте и Касабланке в 2003 году, нападений Бали в 2002 и 2005 годах и событий в Мадриде в марте 2004 года были некоторые примеры, которые подчеркивают новую концепцию международного терроризма.

Чтобы понять концепцию «нового международного терроризма», важно проанализировать различия между этим и обычным терроризмом:

- Во-первых, мотивация современных террористов отличается. По мнению института мысли «нового терроризма», обычные террористы имели светские мотивы, а новые террористы были вдохновлены религиозными убеждениями. В прошлом традиционные террористы были мотивированы светскими проблемами в отношении политической идеологии, национально-сепаратистских устремлений и этнических конфликтов. Хотя религиозные мотивы всегда были частью террористической деятельности, религия теперь радикализировала террористические группы в самой агрессивной форме - религиозном фундаментализме. Согласно социальному антропологу Ричарду Антуну, фундаментализм определяется как мировоззрение, характеризующееся стремлением к чистоте в нечистом мире.

Фундаменталисты воспринимают мир как вечную борьбу между добром и злом и выступают против изменений двадцатого века, модернизму и секуляризации общества.

Короче говоря, мотивация этих новых террористов больше ориентирована на религиозные обязанности, чем на светскую политическую программу.

- Во-вторых, желание террористов участвовать и вести переговоры изменилось. Хотя у обычных террористов были четкие цели, которые легли в основу политических переговоров, сегодняшние террористы имеют более аморфные цели, которые являются абсолютистскими и непримиримыми. Эта непримиримость требований новых террористов объясняется существованием абсолютистских религиозных принципов, которые не дают возможности для переговоров или компромиссов. В результате очень сложно вести диалог с этими субъектами.

- В-третьих, цели обычных террористов были более ограниченными и ограничивались конкретными географическими районами с преимущественно националистической или сепаратистской повесткой дня. Напротив, новые террористы имеют широкие и глобальные цели, направленные на изменение всей международной системы. Следовательно, новый терроризм представляет собой не только угрозу для отдельных государств, но и представляет собой вызов для всей международной системы. Иллюстративными примерами этого являются нападения Бали и Джакарты и атаки 11 сентября.

- В-четвертых, существует четкая разница между традиционной и новой организацией. Обычные террористические группы использовали систему вертикального контроля, в которой решения принимали старшие члены группы и осуществлялись более новыми членами. Напротив, «новые» террористические группы используют горизонтальную систему сотрудничества и координации, в

которой отдельные члены организации имеют равный уровень полномочий. Кроме того, расширился географический охват террористических операций. «Традиционные» террористические организации были внутренними и действовали в отдельных странах, а «новые» террористические группы транснациональны и демонстрируют глобальный охват. Здесь важно отметить, что терроризм создал новые форумы, такие как киберпространство. Международный терроризм не ограничивается определенными регионами, и его исполнители набираются несколькими государствами и не обязательно связаны со страной, в которую должно быть направлена атака.

- В-пятых, в то время как традиционный терроризм применял функциональное насилие в рамках более широкой политической стратегии, новый терроризм преследует символическое насилие как метод «полной войны» независимо от других стратегических соображений. Традиционные террористы использовали утилитарный подход к использованию насилия, как инструмент более широкой политической кампании. Террористические акты использовались в качестве безжалостного средства для завоевания гласности, как инструмента ведения переговоров и способа получения политического влияния на правительства. Короче говоря, новые террористы безразличны к политическим последствиям своих действий и считают насилие самоцелью. Они считают, что устранение определенных социальных, религиозных или расовых групп является священным долгом. Следовательно, «новые» террористы гораздо менее рациональны в своем подходе к насилию, чем их традиционные предшественники.

- В-шестых, новые террористы используют более смертоносные и неизбирательные насильственные тактики. Это наглядно иллюстрируется нападениями 11 сентября, когда организация «Аль-Каида» совершила ряд неизбирательных массовых нападений, которые выходили за рамки тех традиционных террористов, которые были совершены: полное уничтожение Башен-близнецов и частичный Пентагон (экономические и военные центры американской сверхдержавы).

- Наконец, «новый» терроризм тесно связан с оружием массового уничтожения. Средства, используемые обычными террористами (убийства, государственные перевороты, взрывчатые вещества), были заменены биологическим, ядерным и химическим оружием как законным средством достижения радикальных целей новых террористов. Причиной этого является нападение газа зарина на систему метро Токио по сектору Аум Синрике в 1995 году. В этой ситуации предполагаемая поддержка террористов со стороны государств имеет решающее значение, поскольку государственный спонсор терроризма облегчает рост этой угрозы. Некоторые государства внесли свой вклад в этот процесс посредством предоставления логистических услуг, продажи оружия или, косвенно, отсутствия потенциала для предотвращения создания террористических убежищ на их территории.

Вышеупомянутые характеристики нового международного терроризма, помимо воздействия на индивидуальную и государственную безопасность,

оказывают очевидное влияние на безопасность международной системы. В дополнение к представлению более широких целей, чем другие предыдущие условия, новый международный терроризм создает большую нестабильность в международном сообществе; оспаривая нормы и институты, на которых была построена нынешняя структура международных отношений.

Новый международный терроризм предъявляет различные требования к международному сообществу, такие как:

1) преодоление одностороннего подхода и пропаганда скоординированных действий всех государств против глобальной угрозы;

2) содействие участию других международных участников в области безопасности, таких как многонациональные компании или неправительственные организации;

3) преодоление традиционных концепций и инструментов безопасности. Короче говоря, международное сообщество должно иметь возможность создавать более сильные, более эффективные правила, инструменты и организации для борьбы с этой новой угрозой.

Что касается инструментов, необходимых для решения этой новой проблемы безопасности на международном уровне и с учетом того, что концепция терроризма претерпела значительные изменения, крайне важно создать общее определение международного терроризма, охватывающего все возможные формы.

Как мы видели в определениях, сделанных как на национальном, так и на международном уровне, терроризм требует объективного элемента и субъективного элемента.

- Во-первых, целевым элементом является уголовное преступление с некоторой серьезностью, в первую очередь с применением физического насилия против отдельных лиц. Как мы видели, возможные нарушения были расширены, включая уничтожение или серьезный ущерб государственной или частной собственности; включая объекты инфраструктуры.

- Во-вторых, субъективный элемент требует намерения создать атмосферу террора и страха перед населением или намерение принудить правительство к международной организации. Однако некоторые характерные элементы, такие как политическое устремление или настроение для создания атмосферы террора, подлежат пересмотру.

Что касается состояния жертв, хотя верно, что значительная часть документов Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом требует, чтобы они были «гражданскими лицами», представляется очевидным, что этот элемент не следует рассматривать в качестве основного требования. Таким образом, виктимизация гражданских лиц является характерной чертой, но не условием синуса. Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 года не делает различий в отношении персонала или объектов, которые могут быть объектом действий, совершенных им, поскольку они могут быть гражданскими или военными (статья 2). В любом случае, это также важно, чтобы определить, есть ли ситуация вооруженного конфликта, так как это является спорным ли

террористические акты могут быть совершены в отношении членов вооруженных сил. Несколько авторов были обеспокоены тем, что рассматривали возможность рассматривать в качестве террористических актов определенные действия против членов вооруженных сил в ситуациях вооруженного конфликта. Это тезис, поддержанный Монтсерратом Абадом Кастелосом, Гассером, Пересом Гонсалесом или Родригес Вильяенте. Его аргументы основаны на том факте, что право сторон выбирать методы ведения войны не ограничено. Следовательно, «некоторые акты воинственного насилия, совершаемые против лиц, имеющих право на бой, могут быть охарактеризованы как террористические акты, как в случае использования методов ведения войны, которые по своей природе вызывают излишнее или ненужное зло, обстоятельства дела к преднамеренному намерению терроризировать врага».

Несмотря на вышесказанное, Реувен Янг утверждает, что существует центральное значение терроризма, которое должно приниматься как минимальное международное определение [2, с. 11]. Это определение вытекает из различных конвенций и резолюций, упомянутых выше на протяжении всей настоящей работы. Как выразился Эмануэль Гросс, «большинство определений имеют общую основу - терроризм - это использование насилия и наложение страха для достижения конкретной цели». Точно так же профессор Оскар Шахтер подчеркнул, что отсутствие всеобъемлющего определения «не означает, что международный терроризм не идентифицируется». Слово «терроризм» имеет центральное значение, которое признают все определения.

Брайан Дженкинс заявил в 1992 году, что «консенсус в отношении смысла терроризма возникает без какого-либо международного соглашения в отношении точного определения». Хотя конвенции являются результатом политической приверженности, общие элементы и совпадение содержащихся определений указывают на то, что существует широкий консенсус по вопросу о терроризме как правовой концепции. Серьезный вред или смерть гражданских лиц, не являющихся комбатантами, и ущерб, наносимый общественному достоянию, который причиняет экономический ущерб с целью запугивания группы людей или принуждения правительства или международной организации, являются результатом, запрещенным различными правовыми документами. Кроме того, можно утверждать, что общие элементы являются частью международного обычая, что требует практики государства и *opinio iuris* (юридическое заключение). В этом смысле действия государств, направленные на принятие обязательных обязательств по Договорам, иллюстрируют выполнение требований, которые соответствуют обычаю.

Является ли определение международного терроризма действительно необходимым в нормативных условиях?

В статье 1986 года, озаглавленной «Терроризм стоит определить?» Автор пришел к выводу, что дедуктивное юридическое определение не является действительно необходимым [2, с.109]. Кроме того, неясно, что определение терроризма выгодно. Другие авторы утверждают, что в международном контексте в результате непреодолимых концептуальных и политических различий между

государствами в отношении терроризма их определение может привести к новой основе споров в штаб-квартире Организации Объединенных Наций. На уровне Соединенных Штатов она не добавила бы гораздо больше в своей преступной области в отношении арсенала федерального прокурора, а скорее сурово ограничила бы обвинительную задачу и была бы бесполезна в обеспечении международной экстрадиции. В своей области внешней политики это ограничит только необходимую гибкость исполнительной власти.

Несмотря на вышесказанное, несогласие в определении терроризма явно представляет собой угрозу международному сотрудничеству государств. Кроме того, эволюция терроризма в направлении «нового международного терроризма» требует новых ответов на этот новый вызов.

Вывод. Так им образом, по мере того как терроризм изменяет и принимает новые формы выражения, которые являются более смертоносными и неизбежными, меры по борьбе с терроризмом также должны развиваться параллельно. Нынешнее существование разных определений не является причиной решения законодателя, а принимает различные меры в разное время и соответствующее отсутствие координации. Кроме того, для повышения ясности и правовой определенности было бы крайне желательно принять единое определение международного терроризма. В то же время отсутствие консенсуса в определении нормативной концепции терроризма также представляет собой проблему для добавления этого незаконного террориста в юрисдикцию Международного уголовного суда. В настоящее время Суд не обладает компетенцией преследовать терроризм без ущерба для того, чтобы преступление соответствовало заранее установленным условиям для настройки одного из преступлений, определенных в статье 5 Римского статута. Поэтому крайне необходимо преодолеть это препятствие, с тем чтобы иметь возможность добавить это преступление в преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда в соответствии с Римским статутом; что в значительной степени предполагало бы преследование тех, кто несет ответственность за эти действия, избегая их безнаказанности.

Общепринятое определение национальных юрисдикций по упрощению формальностей имеет универсальное значение для гармонизации и во избежание противоречия или дублирования выдачи). Также важно, чтобы между ними существовало взаимодействие (например, для содействия международному сотрудничеству и для обеспечения более определенных целей в «войне с терроризмом»). После установления юридического определения терроризма международному сообществу было бы намного легче принять и поддерживать санкции и критиковать поведение государств, которые активно и пассивно поддерживают терроризм. Также необходимо установить общее определение, чтобы создать «общий знаменатель» для всех юрисдикций в мире. Этот минимум является решающим, хотя ряд обычных инструментов был принят в рамках Организации Объединенных Наций и получили широкую ратификацию, по-прежнему существует определенное несоответствие в государственной увязке. Эта фрагментация благоприятствует существованию элементов безнаказанности и

иногда приводит к провалу системы взаимной криминальной помощи. По этой причине, среди многих других, всеобъемлющая конвенция, широко ратифицированная государствами, будет очень важна для закрытия круга и предотвращения потенциальных разрывов.

Кроме того, было бы чрезвычайно важно и символично добиться этого, поскольку это покажет, что были достигнуты другие цели, включая само соглашение, и будет полезно сформулировать более эффективный ответ на угрозу международному миру и безопасности. Крайне важно, чтобы ратификация поступала от всех государств-участников, и особенно от стран, особенно затронутых проблемой, поскольку это отразится на их сильном намерении сотрудничать в этом вопросе.

Несмотря на это, важно, чтобы внутренние определения соответствовали принципу правовой определенности. Применение международных стандартов во многом зависит от деятельности внутренних юридических операторов и принципа уголовного права. Во всяком случае, мы можем сказать, что мы погружены в порочном круге, в том смысле, что качество внутренних правил и в значительной степени зависит международные стандарты. Наконец, следует отметить, что принцип законности - переводится в его максимы *nullum crimen sine lege* (без преступления без права) и *nulla poena sine lege* (без наказания без права), исходит из внутреннего уголовного права, но экстраполируется на международное уголовное право. Этот принцип признается в статье 11.2 Всеобщей декларации прав человека, а также в статье 15.1 Международного пакта о гражданских и политических правах. Учитывая этот сценарий, мы можем заключить, что существование правовой концепции, определяющей террористическое поведение, выкристаллизованное в общем соглашении, которое регулирует это незаконное, будет реализовывать принцип законности; налагая лимит на усмотрение государства и международного правосудия. Кроме того, государства и международные учреждения будут иметь четкие и универсальные параметры, одновременно снижая риск произвольных толкований, которые могут привести к нарушениям гражданских прав и свобод или, в случае правительств, к нейтрализации политических оппонентов. Межамериканский суд пришел к выводу, что двусмысленность в формулировании криминальных типов создает сомнения и оставляет поле арбитража открытым для власти, что особенно предосудительно, когда речь идет об установлении уголовной ответственности отдельных лиц и наказании их санкциями, которые затрагивают фундаментальные юридические права, такие как жизнь или свобода.

Список литературы

1. Змеев М.А. Характеристика субъектов и мотивов террористической деятельности. Квалифицированные виды терроризма. Нормативная и уголовно-правовая ответственность за терроризм: Монография. - Н.Новгород, 2010. - С. 41-43

2. Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. М.: Кучково поле, 2011. 640 с.

3. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 64 с. С. 109 - 111.

УДК 321.011

И.К. Головченко

Специалист отдела
профориентационной работы и
повышения квалификации ГОУ
ВПО «Донбасская юридическая
академия»
(irinka.golovchenko94@mail.ru)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье рассматривается вопрос о формировании правовой системы в Донецкой Народной Республике, проблемы, которые касаются строительства государственного аппарата и построения внутригосударственного законодательства

Ключевые слова: *Донецкая Народная Республика, государство, экономика, социальное развитие.*

Golovchenko I.K.

MAIN PROBLEMS OF STATE AND LEGAL BUILDING IN DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article discusses the formation of the legal system in the Donetsk people's Republic, the problems relating to the construction of the state apparatus and the construction of domestic legislation.

Key words: *Donetsk people's Republic, state, economy, social development.*

На стадии развития, как и множество других молодых государств, Донецкая Народная Республика столкнулась с задачей, которая затрагивает строительство страны и построение внутригосударственного законодательства. В статье наше внимание станет обращено в большинство важных трудностей и недостатков в льготе с мишенью их искоренения.

Донецкая Народная Республика огромный промежуток времени провела в период действующих военных операций. Но, все равно, у нас получилось сформировать крепкие муниципальные и общественно-цивилизованные институты.

Законодательство республики формировалось стремительно, и в настоящее время, в период стабильного перемирия, у нас имеется возможность не только лишь откорректировать определенные недочёты, но и направить национальное построение в нужное русло. Тема возведения государства в настоящее время является наиболее актуальной.

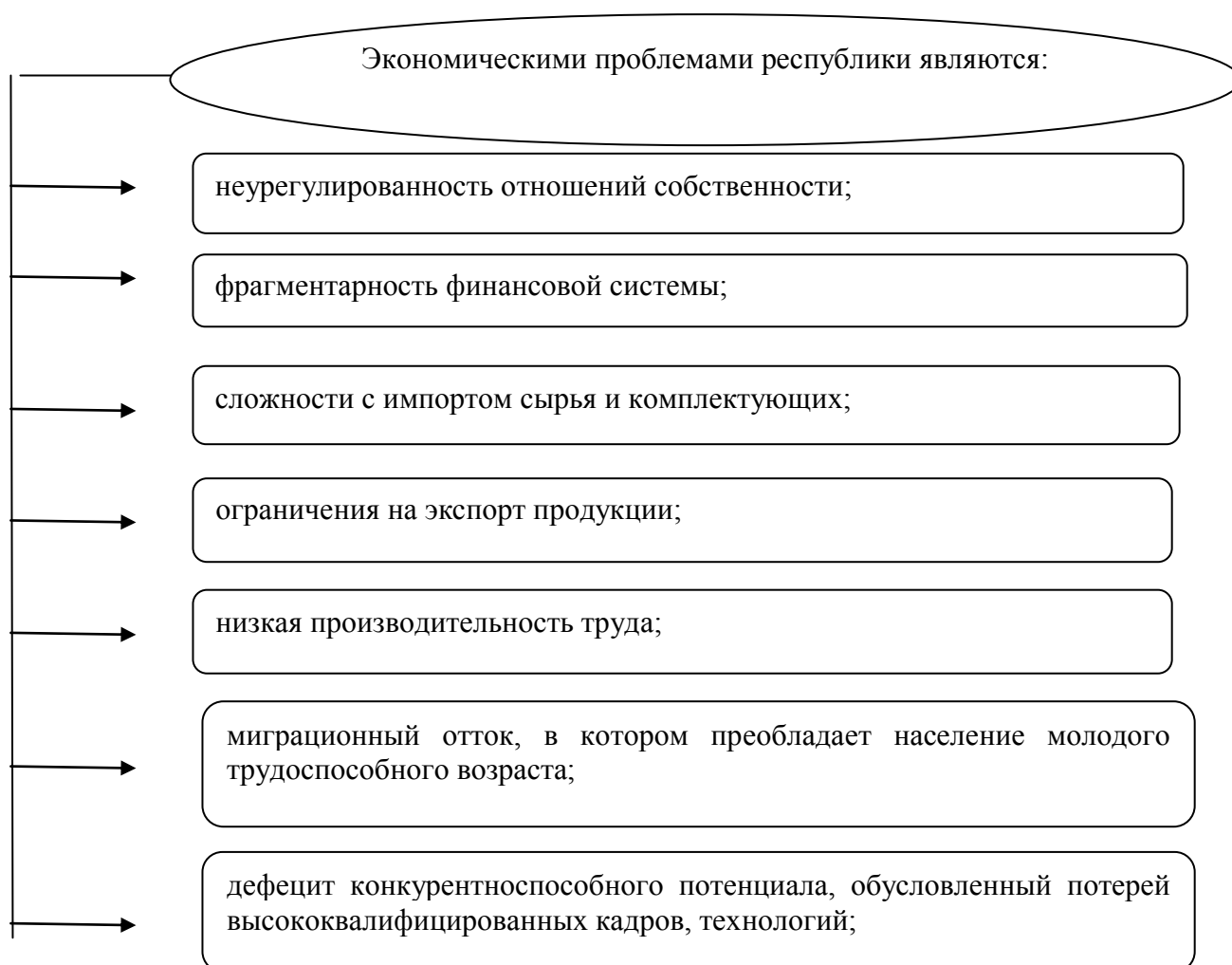
Решение проблем, которые возникают при построении юного государства и создании внутригосударственного полномочия, считается целью их корректировки и раскрытия новейших линий формирования Донецкой Народной Республики.

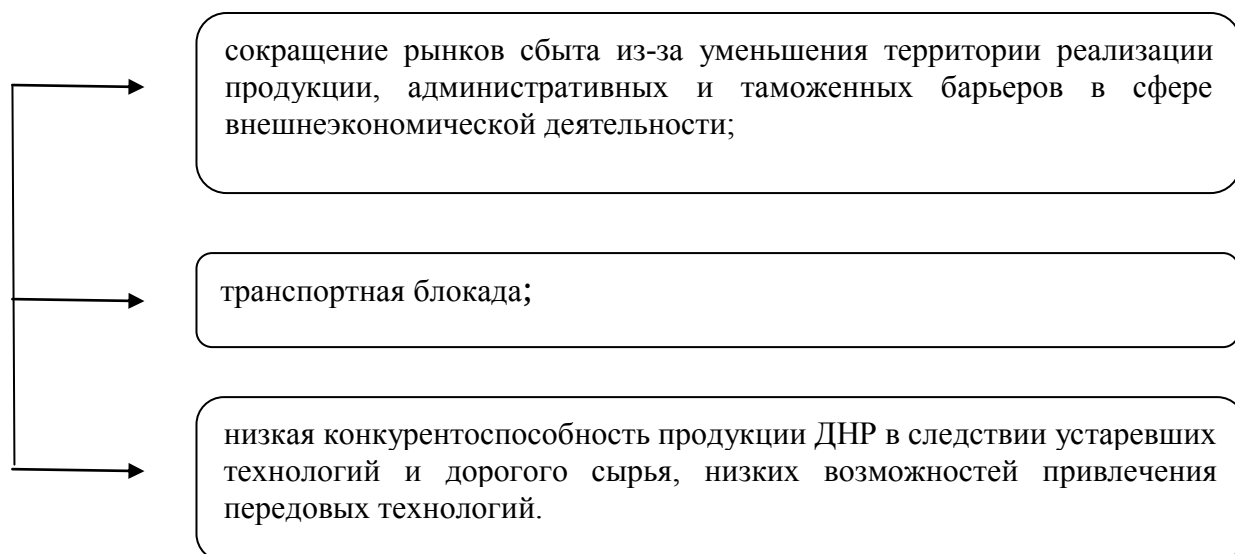
Проблемы Донецкой Народной Республики, как государства, можно рассмотреть с помощью теории государства и права.

Правительство – независимая политико-территориальная организация сообщества, располагающая властью, что исполняется муниципальным механизмом в базе адвокатских общепризнанных мерок, которые обеспечивают охрану и регулирование социальных, массовых, личных заинтересованностей, в случае потребности, легального обязывания.

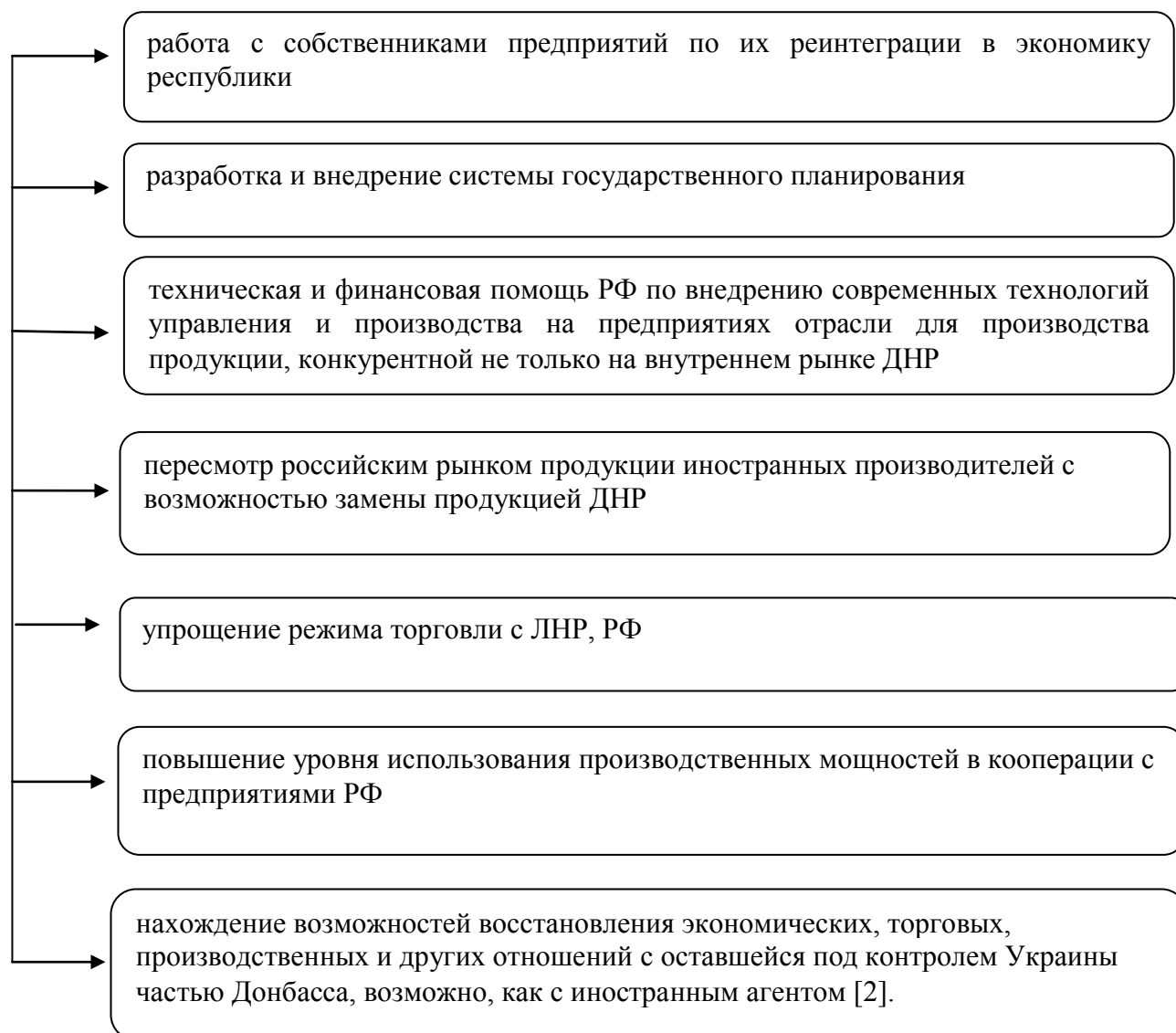
Также, понятие государства можно определить как – общее общественно-политическое учреждение, которое включает всех без исключения жителей республики в пространственных пределах. Тут можно столкнуться с одной из основных трудностей. Так как в этот период определенные местности ДНР пребывают под контролированием Украины [1].

Одной из таких проблем является развитие экономики Донецкой Народной Республики, которая прямо зависит от экономической отрасли.





Возможными решениями могут стать:



Государство, в котором недостаточно развито финансирование это слабое государство, поэтому, население должно жить в благополучном государстве и получать хорошую заработную плату, пенсии и стипендии.

Ведь главным словом в названии нашего государства «Донецкая Народная Республика» является «Народная».

В ч.1 ст.4 Конституции ДНР прописано, что Социальная политика Донецкой Народной Республики направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, народное благосостояние, доступность основных материальных и духовных благ[3].

Формирование экономики любого государства обусловлено наличием системы и установлением общеобязательных правил осуществления хозяйственной деятельности, закрепленных в законодательстве и направленных на долгосрочное применение.

В ДНР стоит цель строения результативной модели развития экономики которую нужно обеспечить общим правовым регулированием, сосредоточенным на создание правовой среды, побуждающий работу всех участников процесса на достижение перспективных целей.

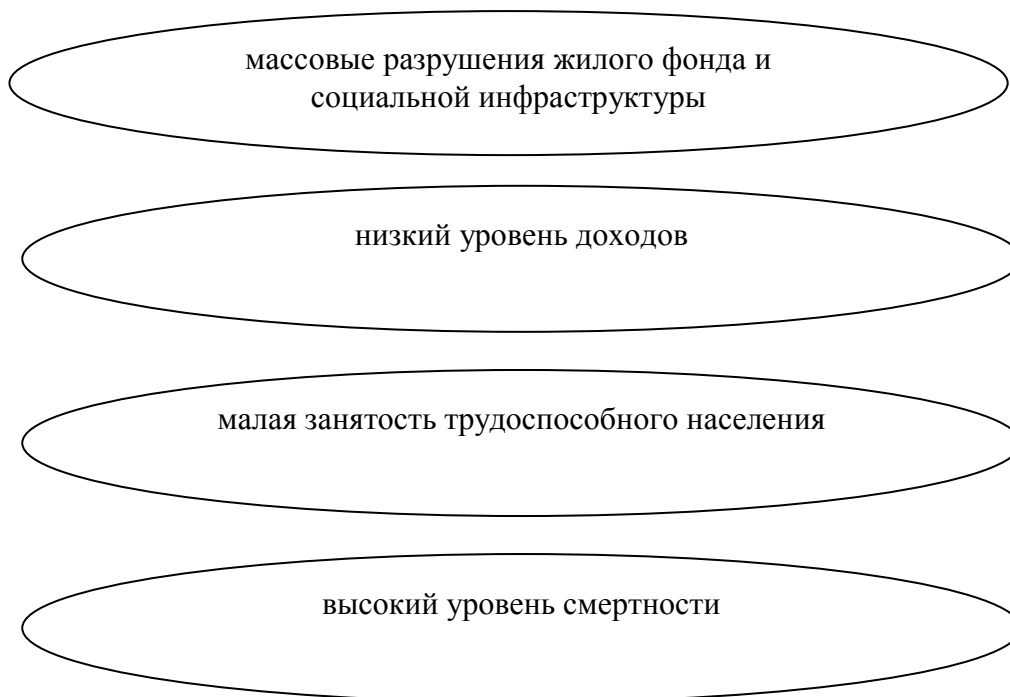
Законное предоставление общественно-финансового формирования ДНР, как самостоятельной страны, располагается в период развития и не во всю силу предусматривает вероятные риски, которые имеют все шансы проявить значительное воздействие в формировании самостоятельности ДНР, а кроме того способности формирования законных модификаций их преодоления, то что в этой стадии по сути ликвидирует вероятность определения конкретного перечня нормативных правовых актов, подлежащих принятию в первую очередь, что обуславливает необходимость определения круга общественных отношений, которые должны быть урегулированы.

В строении законодательства ДНР экономическая сфера имеет ряд недостатков, таких как:

- большое количество актов, регулируют одинаковые отношения;
- нацеленность принятых актов не на устранение уже имеющихся пробелов или коллизий в законодательстве, а на создание совершенно иных правовых норм;
- применение моделей регулирования экономических отношений, имеющих место в прежде функционирующем законодательстве, но не оправдавших себя на практике, в связи с чем, были отмены еще при украинской юрисдикции;
- нормативно-правовые акты РФ, взятые за основу для республиканского законодательства, в процессе их доработки существенно изменяются, что ведет к невозможности их применения на практике[4].

Таким образом, обязаны быть установленными результативные общественно-политические, экономические, в том числе финансовые меры со стороны собственников предприятий ДНР, властей Республики, с целью вероятного осуществления принимаемых решений.

Также недостатком являются социальные проблемы в Республике:



Социальное развитие Донецкой Народной Республики – это итог взаимодействия культуры, экономики и сообщества, определенный распоряжающимся и стабилизирующим влиянием страны, итогом чего считается развитие общественно объективного и общественно благоприятного сообщества.

Значимость республики при этом заключается никак не в обеспечении общественного благосостояния сообщества, а в формировании подходящих обстоятельств с целью самореализации каждого гражданина. Правительство в этом случае представляет в качестве попечителя, который считается в то же время партнёром, и ассистентом в организации социального существования, стремительными темпами и интенсивно побудительным социальную активность общества.

Негативные социальные факторы:

- многочисленные разрушения в результате боевых действий социальных объектов, жилищного фонда, а также промышленных предприятий;
- полное разрушение инфраструктуры аэропорта;
- малый потребительский спрос на продукцию из-за низкой платежеспособности населения;
- миграционный отток населения в основном молодого трудоспособного возраста;
- недостаточное кадровое обеспечение;
- неусовершенствованная система образования [2].

Власть обязана сосредоточить все без исключения ресурсы в концепции общественно-объективного и социально подходящего сообщества с целью абсолютно всех его членов, а не только лишь с целью единичных его представителей. Подходящее требование действительно существует в нашем

мире, и никак не среагировать на него правительство попросту никак не имеет права.

Особую важность этому придаёт то обстоятельство, что на территории бывшей Донецкой области в следствии минувших происшествий сложилась безупречная платформа с целью построения социально-справедливого и общественно благоприятного сообщества.

Военное время когда-то закончится, по этой причине на сегодняшний день следует не только лишь сделать свой выбор с общественным формированием территории, однако и перейти к его осуществлению. В данной взаимосвязи является подходящим, осуществление опыта согласно введению плана общественного формирования ДНР.

В качестве мировоззренческого поддержания этого плана, который сконструирован на базе новейшей концепции общественного формирования общества, уместно применять форму общественного развития ДНР и механизма ее осуществлении – модификации управления общественным формированием ДНР и правительственного стимулирующего регулирования экономики.

За основу общественного и социального развития ДНР взято взаимодействие культуры, финансов и общества.

Закономерность этого взаимодействия дает возможность осознать нацеленность общественного формирования ДНР и характерные черты элементов его осуществления, а кроме того создать соответственное понимание о массовых целях и задачах общественного формирования ДНР.

Для свершения установленных целей следует найти решение всемирной проблемы: гарантировать трансформацию с общественной идеологии (империализм) в совокупности ее общественно-политической (демократизм) и финансовой (свободомыслие) элементов, навязанных нашему окружению Западом, к идеологии наиболее высочайшей степени, основанной в общечеловеческих эталонах, нормах и ценностях, и согласно данной причине схожей нам умственно и мировоззренчески, – общественной идеологии (общественный детерминизм) в совокупности ее общественно-политической (нравственно-моральный консервативность) и финансовой (финансовый динамизм). Такое обстоятельство дает возможность поменять аспект к обеспечению финансовой и общественно-политической грамотности жителей.

Финансовая наука должна базироваться никак не на свободных мнениях, а в новейшей академической концепции – концепции стимулирования общественного формирования сообщества. Эта концепция улучшает понятия о финансовом устройстве общества и путях предоставления его общественного благосостояния.

Система академической и просветительной работы требует определенных перемен. Следует поменять учебные планы подготовки в абсолютно всех степенях образовательной концепции. Ребёнок обязан в буквальном смысле слова с ясельного года приобретать познания о общечеловеческих эталонах и ценностях, определенных его году, с целью развития нравственного вида нынешнего гражданина, способного без помощи других размышлять,

осуществлять аргументированные и подходящие постановления, в том числе и общественно-политические.

Только в данном случае мы сможем приобрести высокодуховное, самодостаточное, с соответственным миропониманием и гибким складом ума общество, которое предпочитает и выполняет основы общественной справедливости и правомочно к эффективной самореализации. Только лишь в данном случае в правительство станут прибывать безупречно специализированные и знающее общество.

Социальный детерминизм, интегрированный в общественное понимание, гарантирует требуемые послы с целью развития высочайшей степени общественной культуры, в отсутствии чего же невозможно объединение сообщества, что в условиях активных общественных перемен, сопряженных с глобализацией всемирного цивилизационного места, делается один с главных условий общественного преуспевания сообщества [5].

В данный период уже ощущаются определенные улучшения, однако в ближайшем будущем еще предстоит много работы, нацеленной на развитие Донецкой Народной Республики.

Список литературы

1. Юридическая компания "ПРАВОГРАД" © 2008-2018/ Публикация статей.
2. Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / коллектив авторов ГУ «Институт экономических исследований» в рамках сотрудничества с Институтом народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук; под науч. ред. А.В. Половяна, Р.Н. Лепы; Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики. Государственное учреждение «Институт экономических исследований». – Донецк, 2017. – 84 с.
3. Конституция Донецкой Народной Республики (редакция от 14.05.2014 г.).
4. <http://pravograd.org>
5. Всеукраинская газета «Русский Мир. Украина». [Электронная версия]. Парадигма социологического развития.

УДК 330

В. А. Грабельников

**Кандидат юридических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая
академия»**

Г. О. Щербань

**Студент ГОУ ВПО «Донбасская
юридическая академия»**

КОМПЬЮТЕРНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ. ВИДЫ, СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ.

Прогресс — это процесс, который невозможно остановить никакими способами. Сегодня, мир модернизируется с огромными темпами. И иногда законодательные органы государства не успевают ускорить свою деятельность вслед за все увеличивающимися темпами технического развития общества.

Уголовно-правовая защита компьютерной информации в уголовном законодательстве ДНР введена с созданием Уголовного кодекса. Создание правовой системы, которая обеспечивала бы правильное функционирование механизма защиты — очень сложная задача.

Анализ разного рода литературы позволяет говорить о создании нескольких компонентов механизма защиты, которые возникли в ответ на образовавшиеся правовые проблемы.

Компьютерные преступления не имеет границ. Со временем компьютерная преступность приобрела международный характер. С внедрением в человеческую жизнь новых технологий, когда передача информации стала быстрой, дешевой и эффективной, преступность в информационной сфере перепрыгнула за рамки понятий, которые обычно существуют для определения преступности. Компьютерную преступность условно можно поделить на две большие категории:

- 1. преступления, которые связанные с вмешательством в работу компьютера;*
- 2. преступления, которые используют компьютер как необходимые техническое средство.*

Ключевые слова: *компьютерная преступность, компьютерное преступление, уголовно-правовая защита компьютерной информации, виды компьютерного преступления, способы совершения компьютерного преступления.*

Grabelnikov V. A.
Shcherban G. O.

COMPUTER CRIME. KINDS, METHODS OF PERFORMANCE

Progress is a process that can not be stopped by any means. Today, the world is being modernized at a huge pace. And sometimes the legislative bodies of the state do not have time to accelerate their activities after the ever-increasing rates of technical development of society.

Criminal law protection of computer information in the criminal legislation of the People's Republic of China was introduced with the creation of the Criminal Code. The creation of a legal system that would ensure the proper functioning of the protection mechanism is a very difficult task.

Analysis of various kinds of literature allows us to talk about the creation of several components of the protection mechanism that arose in response to legal problems that had arisen.

Computer crime has no boundaries. Over time, computer crime has acquired an international character. With the introduction of new technologies into human life, when information transmission became fast, cheap and effective, crime in the information sphere jumped beyond the concepts that usually exist for the definition of crime. Computer crime can be divided into two broad categories:

- 1. crimes that involve interference in the operation of the computer;*
- 2. crimes that use the computer as a necessary technical means.*

Keywords: *computer crime, criminal-legal protection of computer information systems, types of computer crime, methods of committing computer crimes.*

Компьютерные преступления не имеет границ. Со временем компьютерная преступность приобрела международный характер. С внедрением в человеческую жизнь новых технологий, когда передача информации стала быстрой, дешевой и эффективной, преступность в информационной сфере перепрыгнула за рамки понятий, которые обычно существуют для определения преступности.

Количество вирусов без остановки растет. Это требует от пользователя компьютера знаний о сути вирусов, способах заражения вирусами и защиты от них.

Однако вирусы не единственные компьютерных преступлений, которые существуют на сегодняшний день в нашем мире. В своей работе я попытаюсь более подробно изложить данную проблему, так как считаю, что она актуальна на сегодняшний день.

Краткая классификация компьютерных преступлений

Иностранцами специалистами и учёными в информационной сфере созданы разные классификации способов и методов совершения компьютерных преступлений. Ниже, согласно этим специалистам, я привел названия способов совершения подобных деяний, в соответствии с кодификатором

Генерального Секретариата Интерпола [1].

С 1991 года данный кодификатор соединён с автоматизированной системой поиска и в настоящее время доступен в Национальных центральных бюро Интерпола более чем в ста странах мира. Эта система очень удобна и практична в наше время. Она серьёзно помогает в различных сферах информационных преступлений, что доказано огромной практикой. Все коды, описывающее и характеризующие деяния в компьютерной сфере, имеют идентификатор, начинающийся с английской буквы Q [2].

Для характеристики и описания преступления могут использоваться до пяти кодов, которые размещены в порядке убывания в зависимости от категории совершенного преступления. Например:

1. QA – Несанкционированный доступ и перехват информации;
2. QAH – компьютерный абордаж;
3. QAI – перехват;
4. QDL/QDT – логическая бомба.

Краткая характеристика компьютерных преступлений

Согласно приведенному выше кодификатору, я кратко охарактеризую некоторые виды компьютерных преступлений.

Несанкционированный доступ и перехват информации (QA) включает в себя следующие виды компьютерных деяний:

QAH - "Компьютерный абордаж": заключается в получении доступа к компьютеру или сети без данного права на это [3].

QAI - перехват: заключается в перехвате информации с помощью специальных технических средств, без права на это. Перехват информации происходит через внешние коммуникативные каналы системы или путем непосредственного присоединения к линиям подключённым к устройству [3].

Изменение компьютерных данных (QD) состоит из следующих видов преступлений:

QDL/QDT - логическая бомба или троянский конь: заключается в изменении компьютерных данных без права на это, путем незаконного внедрения в систему компьютера логической бомбы или троянского коня без ведома об этом владельца компьютера [3].

Суть логической бомбы заключается в том, что она встраивается в программу набора команд, и срабатывает один раз, но при определенных условиях.

Смысл троянского коня заключается в тайном внедрении в определённую программу определённых команд, которые помогают дистанционно осуществлять не планировавшиеся владельцем программы действия, но с тем же временем программа сохраняет свою прежнюю, обычную работоспособность.

Компьютерный вирус - это специально написанная программа, которая может как паразит присоединять себя к другим нормальным программам, то есть заражать их, размножаться и создавать новые компьютерные вирусы для выполнения различных нежелательных для пользователя действий на компьютере или устройстве.

Компьютерное мошенничество (QF) – это большая система разнообразных способов совершения компьютерных преступлений. Например: QFC - компьютерное мошенничество, связанное с хищением денег из банкоматов.

QFF - компьютерные подделки: заключается в мошенничестве и хищении денежных средств из компьютерных систем путем создания ложных устройств (карточек и т.д.).

QFG - мошенничество и кража, связанные с запрещёнными законом игровыми автоматами.

QFM - манипуляции с программами ввода-вывода: По мировой статистике это самый простейший и потому очень часто применяемый способ.

Заключается в подмене программ, которые осуществляют ввод-вывод данных, информации и средств.

QFP - мошенничество и хищение, связанное с платежными средствами. Этот вид является самым распространенным компьютерным преступлением в мире. Он связан с кражей денежных средств злоумышленником. Частота встречаемости данного деяния среди всех преступлений составляет около 45%.

QFT - телефонное мошенничество: заключается в получении доступа к телекоммуникационным услугам путём посягательства на протоколы и сервера, которые обслуживают мобильные системы.

К остальным видам компьютерных преступлений (QZ) в классификаторе относят следующие деяния:

QZB - использование наружной рекламы, электронных досок объявлений, билбордов для хранения, обмена и передачи материалов, относящиеся к преступности;

QZE - кража информации, составляющая коммерческую тайну: покупка запрещёнными законом средствами и способами или передача информации, представляющей собой коммерческую тайну без права на это, с намерением причинить экономический ущерб или получить незаконные экономические и социальные преимущества преимущество;

QZS - использование компьютерных систем или сетей для хранения, распространения информации конфиденциального или личного характера [3].

Виды компьютерного преступления

Основные виды компьютерных преступлений:

1. Внедрение компьютерного вируса — это определённый процесс тайного проникновения вредоносной программы в систему компьютера с целью нарушения его работы. Компьютерные вирусы могут быть внедрены в операционную систему, устанавливаемую программу или в компьютерный драйвер.

Вирус может проявляться в самых различных формах. От замедления процесса выполнения действий определёнными программами до увеличения объёма программных файлов. Наконец, эти проявления, в итоге могут привести к стиранию файлов, уничтожению программного обеспечения компьютера или, что самое страшное, механическое повреждение самого компьютера.

2. Несанкционированный доступ к информации — осуществляется с целью её кражи. Заключается в копировании информации на носитель преступника и последующее блокирование доступа к информации пользователя. Также, несанкционированный доступ к информации может осуществляться ради развлечения или последующего использования данной информации похитителем в своих целях.

Существуют множество способов и методов осуществления несанкционированного доступа к системе. В большинстве своём они связаны с использованием чужого имени; подбором разных паролей и логинов; изменением адресов устройств и так далее.

3. Подделка выходной информации — подделка информации может преследовать разные цели. Последствием подделки является то, что конечному потребителю информации будет предоставлены недостоверные данные.

Примером могут служить фальсификация результатов выборов или же кража различных видов товаров, путём ввода в программу неверных данных; подделка, изготовление и распространение поддельных документов, штампов, печатей и бланков.

4. Несанкционированное копирование конфиденциальной информации — осуществляется в процессе работы почти каждой компании. Случаи утечки конфиденциальной информации очень распространены в наше время. Независимо от того, что защитные системы, отвечающие за защиту информации, постоянно совершенствуются, проблема безопасности и неустойчивости продолжает существовать и она является достаточно большой.

Организации и корпоративные объединения несут огромные материальные и не материальные потери из-за несанкционированного, незаконного распространения конфиденциальной информации.

Способы совершения компьютерного преступления

Определяющим и важнейшим элементом криминалистической характеристики компьютерного преступления является система информационных данных, характеризующих способ совершения деяния [4].

По способу совершения выделяют такие группы компьютерных преступлений:

- 1) перехват и хищение информации;
- 2) кража средств компьютерной техники;
- 3) манипуляция данными, управляющими командами и программами;
- 4) несанкционированный доступ к информации;
- 5) комплексные методы.

К первой группе относят способы совершения компьютерных преступлений, заключающиеся в действиях преступника, которые направлены на получение данных и информации посредством использования различных методов перехвата.

Очень интересной является защита от этих перехватов. Она существует во многих информационных системах, государственных органах и т.д.

Примером, такой системы, который я бы мог привести является телекоммуникационный канал связи в сети Интернет, который создаётся при передаче информации и документов между налогоплательщиком и Министерством доходов и сборов.

К второй группе относят традиционные для криминального мира способы совершения преступлений обычных видов, в которых действия преступника направлены, в большинстве своём на кражу чужого имущества. Примером такого преступления является обычная кража компьютерной техники, например из офиса.

К третьей группе способов совершения компьютерных деяний относятся действия преступников, связанные с использованием специальных методов воздействия данными и управляющими командами, программами компьютерной техники для осуществления противоправных намерений.

Примером таких преступлений является внедрение в компьютер жертвы вредоносного вируса, которые действуют в интересах преступника.

К четвёртой группе способов совершения компьютерных преступлений относятся действия преступника, направленные на получение несанкционированного доступа к информации или данным.

Данное преступление распространено в больших компаниях и корпорациях. Оно заключается в том, что преступник получает доступ к закрытым от других лиц информации не имея на это разрешения.

К пятой группе способов относят специальные комплексные методы, которые включает в себя различные комбинации рассмотренных мной способов совершения компьютерных преступлений. Вариации комплексных методов различны и поэтому наносят большой вред потерпевшему.

В международной практике в отдельную группу принято выделять компьютерный саботаж с аппаратным или программным обеспечением. Наиболее серьёзные компьютерные преступления совершаются посредством порчи программного обеспечения.

Что самое забавное, эти деяния часто совершают работники, недовольные своим положением в компании или учреждении, недовольные заработной платой и отношениями с руководством на рабочем месте [4].

Вывод:

По моему мнению Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики охватывает все сферы компьютерных преступлений и назначает за них суровое и справедливое наказание.

Но расслабляться рано, ведь всей жизнью движет технологический прогресс, и наряду с появлением новых технологий, которые, особенно, компьютерные, выпускаются чуть ли не ежедневно, будут появляться новые категории преступлений и лиц, их совершающих. Поэтому законодательство в этой сфере нужно постоянно совершенствовать и улучшать.

Список литературы

1. Батурин Ю.М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность. М. 1991. – 254с.
2. Беляев В.С. Безопасность в распределительных системах. М. 1995. – 363с.
3. Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С. Уголовное право Российской Федерации. М.: Олимп, 1997. – 196с.
4. Ведеев Д.В. Защита данных в компьютерных сетях. М. 1995. – 327с./
5. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики. Статья 171, Статья 317-319
6. Волчинская Е.К. журнал «Информационное право» №1, 2005

УДК 378.014:15
А.Н. Кудокоцева

Аспирант ГОУ ВПО «Донбасская
юридическая академия»
(alena_kudokotseva@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА БЕЗВЕСТНОГО ОТСУТСТВИЯ ЛИЦА ИЛИ ПРИЗНАНИЯ ЕГО УМЕРШИМ

В статье сделана попытка раскрыть актуальное значение для Донецкой Народной Республики установление юридически значимого факта признания лица безвестно отсутствующим либо объявления его умершим. Данная проблема затрагивает широкий спектр правовых отношений, в которых находилось вышеуказанное лицо. Это касается как имущественных отношений с родственниками безвестно отсутствующего или умершего, так и брачных отношений, проблем получения пенсий и т.п. Предлагается внести некоторые коррективы в разрабатываемый проект Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: *безвестно отсутствующий, имущественные, брачные отношения, правовые последствия.*

Kudokotseva A.N.

THE PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF AN IMMORTAL ABSENCE OF THE PERSON OR RECOGNIZING THE FOLLOWING OF THE FACE

The article attempts to reveal the actual significance for the Donetsk People's Republic of establishing a legally significant fact of recognizing a person as missing or declaring him deceased. This problem affects a wide range of legal relations in which the above-mentioned person was located. This concerns both property relations with relatives of missing or deceased relatives, and marital relations, problems of receiving pensions, etc. It is proposed to make some adjustments to the draft of the Civil Code of the Donetsk People's Republic.

Keywords: *missing, property, marital relations, legal consequences.*

Актуальность данной темы заключается в том, что в условиях образования Донецкой Народной Республики и продолжающихся военных действий со стороны Украины, актуальной проблемой является гибель людей или их безвестно отсутствие.

В связи с привлечением военнослужащих для участия в боевых действиях приобретает особое значение установление юридически значимого факта признания лица безвестно отсутствующим либо объявления его умершим, когда нет никаких сведений о его гибели или пленении, невозможно установить его место пребывания и отсутствуют сведения о таком месте.

К сожалению, в наши дни, часто случается так, что люди пропадают просто посреди улицы или отсутствует всякая информация о месте их

пребывания. Конечно же отсутствие гражданина в месте его проживания, небезразлично для его родственников, однако, такое отсутствие может ставить в затруднительное положение организации и граждан, с которыми он находился в правовых отношениях. Это может касаться кредиторов, которые не имеют возможности требовать уплаты долга, в связи с отсутствием лица, также лиц, которые были на иждивении у пропавшего лица и не имеют возможности получать содержания от него.

При написании данной статьи были использованы научные исследования таких авторов, как Суханов Е.А., Овсиенко Е.В., Машин И.П., Коноплянникова Т.В., Торосян Н.К., Адаховская Н.С. и др.

Целью исследований является рассмотрение института признания лица безвестно отсутствующим и объявления его умершим, выявление проблем и пробелов в законодательстве, а также путей их решения.

На наш взгляд, рассматривая данную тему, наиболее значимым вопросом в случае длительного отсутствия лица, является вопрос его имущества, которое остается без надзора.

С целью устранения неблагоприятных последствий для имущества пропавшего лица и устранения юридической неопределенности, закон предусматривает особый институт признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления его умершим.

Овсиенко Е.В., также считает, что институт признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления его умершим служит для устранения юридической неопределенности, вызванной длительным отсутствием гражданина в семейных, трудовых, наследственных и иных правоотношениях. [9, с. 48].

Стоит согласиться с автором статьи с тем, что часто возникают проблемы, когда у лица признанного безвестно отсутствующим или умершим отсутствуют родственники или заинтересованные лица, он ни с кем не состоит в правоотношениях и некому обратиться в суд. В таком случае, имущество гражданина может остаться бесхозным и перейти в незаконное владение к другому лицу. В таком случае, уполномоченным органам исполнительной власти необходимо своевременно выявлять такое имущество и заявлять права на него.

Решение о признании лица безвестно отсутствующим или умершим может быть принято только в судебном порядке. В связи с этим, безвестное отсутствие можно определить как длительное отсутствие гражданина в месте его проживания, удостоверенное в судебном порядке.

В связи со сложившейся ситуацией в Донецкой Народной Республике и отсутствием своего законодательства, принято считать действующим законодательство Украины, если оно не противоречит Конституции ДНР [6]. Это зафиксировано в Постановлении Совета Министров Донецкой Народной Республики «О внесении изменений в Постановление Совета Министров ДНР №9-1 от 02.06.2014 года «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» №1-1 от 10.01.2015 года [10]. На сегодняшний день на территории ДНР действует Гражданский кодекс Украины, Гражданский процессуальный кодекс Украины, в части, не противоречащей Конституции ДНР.

Гражданским законодательством Украины максимально точно установлены условия, при которых физическое лицо может быть признано безвестно отсутствующим или умершим.

Так, в ст. 43 Гражданского кодекса Украины [1] установлены точные сроки, по истечению которых, лицо может быть признано безвестно отсутствующим. Этот срок составляет один год, если в месте его постоянного проживания нет сведений о месте его пребывания.

Порядок признания лица безвестно отсутствующим регулируется Гражданским процессуальным кодексом [2]. Для признания лица таковым, заинтересованным лицам необходимо подать заявление в суд. Для рассмотрения дела, суд запрашивает у соответствующих организаций по последнему местожительству отсутствующего (жилищно-эксплуатационные организации, органы регистрации места проживания лиц или органы местного самоуправления, таможенные органы, органы здравоохранения и др.) и по последнему месту работы о наличии ведомостей относительно физического лица, местопребывание которого неизвестно, опрашиваются родственники, друзья, соседи и знакомые пропавшего лица.

При правовом анализе института безвестного отсутствия или признания лица умершим, следует обратить внимание, что лицо может умышленно скрываться, с целью избежания определенных правовых последствий. Такими последствиями могут быть, например, выплата долгов. С целью избежания таких последствий и ошибочного признания судами лиц безвестно отсутствующими, считаем целесообразным учесть в разрабатываемом Гражданском процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики следующий пункт: «Суд не признает лицо безвестно отсутствующим, если имеется факт полагать, что такое лицо скрывается умышленно».

Признание гражданина безвестно отсутствующим влечет ряд правовых последствий, но не отображается на его правоспособности и дееспособности. Как пишет Дзера В. «Гражданин, который находится живым, не перестает быть субъектом права» [5].

Часто на практике случается, когда гражданин признан судом безвестно отсутствующим или умершим ошибочно. Все юридические действия, которые он совершает в это время, считаются действительными и несут полную юридическую силу. Как пишет Суханов Е.А.: «Объявление умершим не влияет на субъективные права такого гражданина, приобретенные в том месте, где было неизвестно об объявлении его умершим» [12, с.203].

Важным вопросом является, что же происходит с имуществом признанного безвестно отсутствующим? Ответ на данный вопрос содержится в ст. 44 Гражданского кодекса Украины, где сказано, что на основании решения суда о признании физического лица безвестно отсутствующим, нотариус по последнему месту его проживания описывает принадлежащее ему имущество и устанавливает над ним опеку. Опекун над имуществом обязуется выполнять гражданские обязанности в пользу пропавшего безвестно лица, погашать за счет его имущества долги, управлять этим имуществом в его интересах.

Что касается норм Гражданского кодекса России [3], то тут сказано, что имущество, принадлежащее гражданину, признанному безвестно отсутствующему, если необходимо постоянное управление им, передается в доверительное управление.

Орган опеки и попечительства назначает управляющего, с которым заключается договор о доверительном управлении. Управляющим может быть, как заявитель, так и иное лицо. Однако, данный договор заключается с доверителем только в том случае, если есть необходимость постоянного управления имуществом.

Такие же положения содержатся и в ст. 297 Проекта Гражданского процессуального кодекса ДНР [4]: «Решение суда о признании гражданина безвестно отсутствующим является основанием для передачи его имущества лицу, с которым орган опеки и попечительства заключает договор доверительного управления этим имуществом при необходимости постоянного управления им».

Тут возникает пробел в законодательствах, а в каких же случаях появляется необходимость постоянного управления имуществом и что происходит с имуществом в случае, если необходимости постоянного управления нет?

В случае заключения договора доверительного управления, управляющий погашает задолженности, выдает содержание гражданам, которых безвестно отсутствующий обязан содержать из доверенного ему имущества.

Из этого возникает вопрос, как осуществляется содержание граждан, находившихся на иждивении у безвестно отсутствующего, и как погашается задолженность по другим обязательствам, в случае, если необходимости постоянного управления имуществом нет?

На наш взгляд, при создании законодательной базы ДНР, стоит опираться на Закон Украины, в котором более точнее раскрыт порядок опеки над имуществом безвестно пропавшего лица. Что касается Гражданского кодекса России [3], а так же проекта Гражданско процессуального кодекса ДНР[4], считаем необходимым дополнить законы, указав конкретные случаи, когда необходимо установление постоянного управления имуществом.

Признание гражданина безвестно отсутствующим влечет за собой и такие юридические последствия, как возникновение права на пенсию по случаю потери кормильца у нетрудоспособных членов семьи, возможность упрощенного порядка расторжения брака и другие.

Однако, в случае обнаружения места нахождения лица признанного безвестно отсутствующим, суд отменяет свое решение, а так же прекращается опека над его имуществом.

В случае длительного отсутствия гражданина, если место пребывания его не известно, есть основания полагать, что он умер.

По этому поводу в законодательствах России и Украины есть различия. Гражданский кодекс Украины устанавливает срок отсутствия лица для признания его умершим в три года, что касается Гражданского кодекса РФ, то этот срок установлен в пять лет. Однако, оба Закона устанавливают срок в 6 месяцев для

случаев, когда лицо пропало без вести при обстоятельствах, угрожавших ему смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая. Например, авиакатастрофа, пожар и т.д. В условиях Донецкой Народной Республики таким форсмажорным обстоятельством в настоящее время является ведение военных действий.

Суханов Е.А. акцентирует внимание на том, что в данном случае суд признает не факт смерти гражданина, а объявляет его умершим на основании презумпции смерти во время несчастного случая [12].

На практике суды ДНР часто рассматривают заявления о признании лица умершим. В своей деятельности они пользуются законодательством Украины и для признания лица умершим используют срок в три года.

Для военнослужащих законом предусмотрены специальные сроки. Так, Гражданский кодекс Украины гласит: «военнослужащий или иной гражданин, пропавший без вести в связи с военными действиями, может быть объявлен судом умершим не ранее чем по истечении двух лет со дня окончания военных действий, с учетом конкретных обстоятельств дела суд может объявить физическое лицо умершим и до истечения этого срока, но не раньше истечения шести месяцев».

У многих возникает вопрос, а что считать днем окончания военных действий? Это день, когда соответствующее должностное лицо объявило об их окончании, либо это фактическое их окончание?

Новицкий И. Б. считает так: «Для объявления умершими лиц, безвестно пропавших во время военных действий, целесообразнее исчислять срок со дня подписания мирного договора» [8, с.119].

Машин И.П. обращает внимание на то, что в заявлении об объявлении умершим военнослужащего, пропавшего без вести в связи с военными действиями, необходимо изложить обстоятельства, подтверждающие длительное и безвестное отсутствие лица. Это могут быть сообщения военкомата, данные розыска, отрицательные ответы на соответствующие запросы и т.п., а также истечение двухлетнего срока со дня прекращения военных действий [7].

Однако, в случае, если имеют место конкретные факты, например, был бой, и не вернулся, пошел в разведку и не вернулся, то такие обстоятельства можно приравнивать к обстоятельствам угрожавших ему смертью или дающие основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая. В таком случае, объявление лица умершим возможно по истечении шести месяцев.

На наш взгляд, в период военных действий на Донбассе, необходимо четкое законодательное закрепление, что нужно считать днем окончания военных действий. Так же считаем, что установленный законодательно срок для признания лица умершим во время боевых действий в 2 года велик.

На основании вынесенного решения суда о признании гражданина умершим, орган государственной регистрации актов гражданского состояния выдает свидетельство о его смерти. Днем смерти гражданина, признанного умершим в соответствии с законодательными актами, считается день вынесения соответствующего решения суда.

Однако, в п. 3 Ст. 46 Гражданского кодекса Украины [1] сказано, что физическое лицо, пропавшее безвести при обстоятельствах, угрожавших ему смертью или дающих основания предположить его гибель от определенного несчастного случая или в связи с военными действиями, может быть объявлено умершим со дня его вероятной смерти. Данное законодательное закрепление в некоторых ситуациях имеет большое значение. Например, это дает возможность своевременного получения материального обеспечения детям погибшего.

Так как законодательно установлено, что объявление физического лица умершим приравнивается к правовым последствиям, которые наступают в случае смерти, то после вступления в законную силу решения об объявлении физического лица умершим, суд направляет решение также нотариусу по месту открытия наследства, а в населенном пункте, где нет нотариуса – соответствующему органу местного самоуправления для принятия мер по охране наследственного имущества.

Юридическим последствием объявления лица умершим является прекращение или переход к наследникам всех прав и обязанностей.

Очень важным моментом является то, что наследники физического лица, объявленного умершим, не имеют права отчуждать в течение пяти лет недвижимое имущество, перешедшее к ним в связи с открытием наследства. Это положение обезопасит лицо, признанное умершим, в случае ошибочного вынесения решения. На практике нередки такие случаи. Законом установлено, что если физическое лицо объявленное умершим объявилось или обнаружено место его пребывания, то соответствующее решение отменяется судом.

Запутанным и непонятным остается вопрос наследования. На практике встречаются случаи, когда открыто право на наследство, а наследник безвестно отсутствует. В этом случае есть риск пропуска им срока на принятие наследства. Ст. 1272 Гражданского кодекса Украины дает возможность наследнику пропустившему срок по уважительной причине восстановить его. Однако, невозможно не согласиться с Овсиенко Е.В., которая указывает на то, что если безвестно отсутствующее лицо так и не явится, то оказываются нарушенными уже права наследников самого безвестно отсутствующего лица. Как пишет автор: «В случае последующего объявления безвестно отсутствующего гражданина умершим, права наследников последнего в описанной ситуации невозможно будет защитить ни на основании норм о наследственной трансмиссии, ни о наследовании по праву представления» [9].

Как уже указывалось ранее, правоспособность явившегося лица признанного умершим, восстановлению не подлежит, поскольку он ее не утрачивал. Иначе обстоят дела с субъективными правами, а в первую очередь с правом собственности.

Согласно п. 2 ст. 48 Гражданского кодекса Украины независимо от времени своего появления физическое лицо, имеет право требовать от лица, которое владеет его имуществом, возвращения этого имущества, если оно сохранилось и безвозмездно перешло к нему после объявления физического лица умершим. Суханов Е.А. тесно связывает эти нормы с нормами регулирующими

отношения по истребованию имущества из чужого незаконного владения [12, с. 204].

Ст. 387 Гражданского кодекса Украины [1] установлено, что собственник имеет право истребовать свое имущество от лица, незаконно завладевшим им. Однако, это имущество было приобретено вполне законно и наследники, другие лица пользуются им на законных основаниях. Следует признать, что после отмены решения о признании лица умершим, отпадает основание их владения, т.е. владение становится уже незаконным. Если же незаконные владельцы отказываются вернуть имущество, то лицо, признанное ошибочно умершим, имеет право обратиться в суд с иском. В случае невозможности возвратить имущество в натуре лицу, которое было объявлено умершим, возмещается стоимость этого имущества.

Проблемы признания лица безвестно пропавшим или объявления его умершим так же нашли свое отображение и в Семейном кодексе. Это связано с тем, что при жизни человек заводит семью, детей, но как быть в случае если один из родителей, муж или жена пропали безвести или объявлены умершими? Так как, объявление лица умершим приравнивается к правовым последствиям, которые наступают в случае смерти, тонет запрета живому мужу или жене повторно заключить брак. Так же это касается и усыновления ребенка. Например, в случае когда муж объявлен умершим, жена может повторно заключить брак с последующим усыновлением ребенка новым супругом. Проблема может возникнуть, если объявленный умершим муж окажется живым и вернется. На этот случай имеется законодательное закрепление в Семейном кодексе Украины [11]. В ст. 118 сказано: «Если лицо, которое было объявлено умершим, появилось, и соответствующее решение суда отменено и актовая запись о смерти аннулирована, его брак с другим лицом возобновляется при условии, что никто из них не находится в повторном браке». Однако, затрагиваются и могут быть нарушены интересы несовершеннолетних детей.

Таким образом, исследовав данную тему, можно сделать следующие **выводы:**

1. Данная тема имеет свои законодательные пробелы, разрешение которых значительно облегчило бы работу судов, а также участников гражданских правоотношений. Институт безвестного отсутствия или признания лица умершим является актуальным и довольно значимым, особенно в период переживания Донбассом сложного времени.

2. На время отсутствия своей законодательной базы на территории Донецкой Народной Республики применяются законы Украины.

Автором сделан вывод, что при создании своего законодательства, молодой Республике стоит обратить внимание на некоторые факты, связанные с безвестным отсутствием или признанием лица умершим, которые более точно раскрыты в Гражданском кодексе Украины. Это касается сроков объявления лица умершим, порядок установления опеки над имуществом безвестно пропавшего лица и др.

3. Так же очень важным остается момент определения такого понятия, как «конец военных действий». Поэтому необходимо дать четкое закрепление этого термина на законодательном уровне.

4. Считаю целесообразным учесть в разрабатываемом Гражданском процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики следующий пункт: «Суд не признает лицо безвестно отсутствующим, если имеется факт полагать, что такое лицо скрывается умышленно». Данное положение предотвратит умышленное укрывательство лица, с целью получения определенной выгоды.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Украины: Закон Украины от 16.01.2003г. № 435-IV // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – № 40. – С. 356.

2. Гражданский процессуальный кодекс Украины: Закон Украины от 06.11.1991г. № 1798-XII// Ведомости Верховной Рады Украины. – 1992. – № 6. – ст. 56.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

4. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/81-vs-grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

5. Дзера А.В. Гражданское право Украины: Учебник: В 2-х кн. А.В. Дзера, Д.В. Боброва, А.С. Довгерт и др. / под ред. А.В. Дзери, Н.С. Кузнецовой. – К.: Юринком Интер, 1999. – 864 с.

6. Конституция Донецкой Народной Республики. Постановление Народного Совета Донецкой Народной Республики №1-1 от 14.05.2014г.

7. Машин И.П. Порядок и особенности признания военнослужащих безвестно отсутствующими и умершими. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/6627>.

8. Новицкий И. Б. Безвестное отсутствие в условиях войны // Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны. Вып.3. М., 1944. – С.119.

9. Овсиенко Е. В. Некоторые проблемы признания лица безвестно отсутствующим и объявления его умершим // Право: история, теория, практика: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). — СПб.: Свое издательство, 2017. — С. 48-50.

10. О применении Законов на территории ДНРв переходный период: Постановление Совета Министров ДНР от 02.06.2014г. № 9-1.

11. Семейный кодекс Украины: Закон Украины от 10.01.2002г. № 2947-III // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2002. – № 21. – С. 135.

12. Суханов Е.А. Гражданское право: В 4-х т. Т.1. Общая часть: Учебник. / отв. ред. Е.А. Суханов.– 3-е изд., перераб. и доп. – М.:Волтерс Клувер, 2010. – 669 с.

УДК 341.3

О.И. Малёткина

Аспирант ГОУ ВПО «Донбасская
юридическая академия»
(e-mail: o.sitnik@list.ru)

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

В данной статье внимание автора обращено на выявление закономерностей в процессе зарождения и развития российского (национального) парламентаризма. Проведенный исторический анализ политических учений российского государства на различных этапах его эволюции имеет глубокое значение для понимания ментальных многонациональных особенностей, легших в основу для создания современного уникального вида парламентаризма в РФ.

Ключевые слова: парламентаризм, форма правления, разделение властей, государство, власть, политика, парламент.

Maletkina O. I.

HISTORICAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN PARLIAMENTARISM

In this article, the author's attention is drawn to the identification of regularities in the process of the emergence and development of Russian (national) parliamentarism. The historical analysis of the political teachings of the Russian state at various stages of its evolution has a profound significance for understanding the mental multinational features that formed the basis for the creation of a modern unique type of parliamentarism in the Russian Federation.

Key words: parliamentarism, form of government, separation of powers, state, power, politics, parliament.

Актуальность темы исследования. В данной статье внимание автора обращено на выявление закономерностей в процессе зарождения и развития российского (национального) парламентаризма. Проведенный исторический анализ политических учений российского государства на различных этапах его эволюции имеет глубокое значение для понимания ментальных многонациональных особенностей, легших в основу для создания современного уникального вида парламентаризма в РФ.

Цель работы состоит в том, чтобы посредством историко-правового анализа выявить весь возможный спектр факторов и показателей, отражающих влияние процесса развития парламентаризма на основы формирования государственности и обозначить перспективы дальнейшей институционализации и правового статуса парламентаризма в России.

Анализ научных исследований

Тема рассмотрения парламентаризма как основы развития государства, подразумевает глубокий системный подход к рассмотрению формы государственного устройства, обозначенной стратегии и доктрины национальных интересов, характеристике уровня гражданского общества, сопоставление с системой международных индексов развития и многими другими аспектами.

Истоки зарождения основ принципов парламентаризма как функционального элемента в государственном институциональном устройстве различных форм правления уходят корнями в Античность, к идеям философов Платона и Аристотеля, Цицерона и др., чьи мысли получили развитие много позже – в период Возрождения и Нового времени: в работах английских философов Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка; французов Ш.Л. Монтескье, Ж-Ж. Руссо; представителей немецкой школы И. Канта и Г.Ф. Гегеля; мыслителей второй половины 19- 20 веков М. Вебера, Дж. С. Милля, А. Фергюссона, А. Токвиля, В. Н. Татищева, М. Н. Коркунова и других.[4]

Парламентаризму как элементу политической системы посвящены работы таких ученых как П. Бурдьё, Р. Арон, Д. Истон, А. Шлезенгер, а так же исследования парламентаризма в передодные периоды А. Лейпхпртом, Д. Растоу, М. Лмпманом, Х. Линцем, Д. Ловеллом.

Тема особенностей развития российского парламентаризма вызывает особый интерес и у современных зарубежных ученых, исследующих вопросы правового статуса парламента, межпартийных отношений, таких как П. Чейсти, М. Макфол, Т. Байхельт, Дж. Глейзнер.

В отечественной политической науке современности наблюдается активная динамика в изучении не просто сущности парламентаризма, но его влияние на развитие государства в общем. На сегодняшний день существует множество определений парламентаризма в узком и широком смысле, их отличия у различных авторов акцентуализируются в соответствии со срезом рассмотрения этого многомерного понятия-явления, выступающего инструментом для реализации демократического политического режима посредством функционирования институтов представительской демократии.[8]

Научную основу современного парламентаризма в России составляют труды известных наиболее «погруженных» в обозначенный вопрос таких российских социально-политических мыслителей современности, юристов, ученых, среди которых следует выделить работы, посвященные исследованиям конституционных основ деятельности Федерального Собрания Российской Федерации: М. В. Баглай, Р. М. Романов, С. А. Авакьян, А. С. Автономов, Н. А. Богданова, Н. А. Васецкий, А. А. Вихарев, Р. Я. Евзеров, Л. М. Карапетян, А. А. Керимов, Ю. К. Краснов, А. Г. Мамонтов, Н. Н. Маслов, С. А. Егоров, С. Е. Заславский, Л. А. Окуньков, О. Г. Румянцев, М. С. Саликов, И. А. Умнова, О. Н. Булаков, Р. А. Федько и другие.[2, 13]

Условно «феномен парламентаризма» отечественная наука рассматривает в двух векторах. Первый определяет его как форму государственного правления. Что, по мнению, многих слишком универсализирует суть парламентаризма,

упрощает. Второй вектор задает рассмотрение парламентаризма как «способ организации государственной власти, базирующейся на разделении властей, множественности интересов социальных групп, политическом плюрализме». [7]

В исследовании автора используется следующее понятие: *парламентаризм – это особая система организации государственной власти, структурно и функционально основанная на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития отношений социальной справедливости и правопорядка.* Такое определение парламентаризма автору представляется наиболее комплексным рабочим вариантом в рамках обозначенной темы.

Основной материал статьи

Актуальность активного исследования и изучения нашими и западными учеными универсального значения и специфики парламентаризма в разных государствах постсоветского пространства объяснима исторической «молодостью» демократических форм правления, пришедших на смену многовековой традиции самодержавия и 70-ти летней авторитарной власти коммунистической партии СССР.

Несмотря на то, что в истории русской политической мысли еще в 16 веке неоднократно поднимался вопрос о внедрении в различных формах и в разной степени «реального парламентаризма», зародиться ему было суждено с падением власти царского самодержавия в начале 20 века, а структурироваться и обозначиться как инструмент представительной демократии лишь с момента образования независимых государств из числа бывших республик Советского Союза.

А ведь еще в 1549 г. И. С. Пересветов в своих челобитных царю Ивану Грозному предлагал проекты реформ для установления сословно-представительной монархии и законных способов реализации власти, где государь олицетворял бы единство государственной воли.

В 1573 г. В политическом манифесте «История о великом князе Московском» князь А.М. Курбский, лучшим вариантом государственной власти обозначил сословно-представительную монархию, где выборный орган привлекался бы для решения всех наиважнейших дел.

Спустя столетие в русской политической философии возникает тема просвещенного абсолютизма, основанного на принципах справедливости и законности (Ю. Крижанич). Позднее, почти через два столетия в русской политической мысли возникают концепции договорного, а не божественного происхождения государства, являющего продуктом естественного развития человека (В. Н. Татищев). В многотомной «Истории Российской» В. Н. Татищева изложен анализ специфики территориального устройства и национальных особенностей субъектов России, на основе которого наилучшей, гарантирующей благосостояние, крепость и безопасность государства формой правления признана конституционная монархия. Где монарху следует опираться на двухпалатный выборный представительный орган, состоящий из Сената и Совета, который призван служить «для лучшей государственной пользы управления». [3]

На рубеже 17-18 вв. неординарный русский мыслитель из зажиточных крестьян эпохи Петра I И. Т. Посошков в своей работе «Книга о скудости и богатстве» (1724 г.), адресованной лично государю, впервые выдвигает идею целесообразности демократического характера обсуждения новых законов (реформ) посредством создания Всесословного совещательного органа – «многонародного совета», ко мнению которого следует прислушиваться государю, ради услышания и уразумения «истинной правды».

Первой заметной попыткой перейти от теории к практике создания представительных государственных органов можно назвать «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения». Это политический юридический документ, который олицетворял «философа на троне», следуя Аристотилевскому идеалу формы правления. Но, как показывает история, этот документ стал лишь элементом манипуляции европейским общественным мнением (либеральные взгляды, идеи Ш.Л. Монтескье, положенные в основу документа), принятым для «отвода глаз» от еще более авторитарного самодержавия царицы. Так как разработанный проект «Манифест об учреждении императорского совета и разделении Сената на департаменты», разработанный в 1762 г. Н. И. Паниным и его единомышленниками, который имел целью изменить принцип реализации власти царской власти, соотнося ее с государственной, уравнивая ее в соответствии с «фундаментальными законами», был «протянут» императрицей и так и не вступил в силу.

Весь последующий период, вплоть до 1917 г. характеризуется острым противостоянием разного рода консервативных идей с либеральными и откровенно радикальными. Теоретическая полемика сторонников монархии, сословной системы общества, с одной стороны, и – приверженцев идей общественного договора, разделений властей, принципов естественного права в построении государственной системы власти и политики – с другой стороны, стала отражением состояния социума, его неоднородности, полярности.

Наиболее значимым для основы зарождения русского парламентаризма в этот период являются идеи великого реформатора М. Сперанского, который в своем «Плане государственных преобразований» предлагал создание двухпалатного представительного органа, состоящего из Государственного Совета и Государственной Думы. Но создан был только Совет в 1810 г., а Думе пришлось снова отдалиться на 90 лет. Депутаты всех созывов дореволюционной Государственной Думы за короткий промежуток времени успешно имплементировали всесторонне законотворчество в реалии своего времени – были приняты прогрессивные законы в сфере народного образования, трудового и рабочего законодательства, контроль целесообразности государственного бюджетирования, в том числе военного.[10]

Демократичность и цивилизованность этого парламента отражалась также в пропорциональной региональной, национальной, вероисповедальной представленности депутатов, взаимном уважении и ориентуре на общие задачи. Именно эта Государственная Дума сформировала структуру, свойственную и современному российскому парламенту – открытость (гласность) думских

пленарных заседаний, фракции, запросы депутатов к Правительству, выступления с правительственными декларациями действующих премьер-министров.

Но к концу 19-в, все же слабость и самой идеи и принципов власти на основе православного самодержавия «изнутри» и стремительное проникновение в общество либеральных и радикально-демократических, социалистических концепций и веяний из Европы, создали базу для проведения революционных событий в России. По мнению, автора, именно очередное не реальное, взвешенное, а формальное, поверхностное реформирование системы государственного аппарата (после попытки революции 1905 года) привело к неизбежному падению многовековой монархической формы правления на территории России. Нстойчивое методичное противление императором реализации инновационных проектов в вопросе ограничения, разделений власти и построения институтов для связи с народом, основанное на тщеславной вере в богоизбранность, помазанность русских царей и стало причиной прихода не либеральных, а именно радикальных сил к государственной власти в стране.

По-сути, идея государственного устройства в конституционных проектах декабристов и социалистов (Н.М. Муравьев) несла в себе всю значимую суть и механизмы внедрения демократических принципов в вопросах разделения властей, представительности выборных органов власти. Но, поскольку уже непосредственно в советский период принцип разделения властей отсутствовал, то у региональных Советов были как законотворческие, так и исполнительно-распорядительные и контрольные полномочия. Однако такой большой объем властных функций, закрепленных в Конституции, был существенно ограничен деятельностью партийных органов, что является характерной чертой идеологизированных политических систем.

Характеризуя государственно-правовое законодательство, теорию и практику советского типа государственных органов власти, следует отметить их соответствие конституционной идеологии и духу времени. Сегодня в гуманитарных науках и других сферах публичной жизни представлены различные подходы и оценки сущности Советов как государственных представительных органов. Важно подчеркнуть, что Советы народных депутатов в целом, обеспечивали развитие Советского государства, их деятельность была адекватна вызовам времени.

Как видно, многовековой путь возникновения и становления российского парламентаризма от теории к практике, был сложным и динамичным. Обобщая этот исторический процесс в России, можно условно выделить следующую этапность развития идеи русского парламентаризма:

- 13 в. – начало 16 в.: теоретическое осмысление существующей и лучшей формы правления и системы государственного управления
- 16 в. – начало 19 в.: построение национальных концепций и теоретическое моделирование новой формы правления под влиянием западноевропейской политической мысли
- между революциями 1905 г. и 1917 г.: формирование дуалистической монархии на собственной идейно-теоретической основе с ограниченными

элементами народного представительства – базис Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» Николая II

- 1917 г. – 1989 г.: антипарламентский, характеризующийся господством теории «буржуазного парламентаризма» и формированием антиподов парламента в лице Советов как особой организационно-правовой формы осуществления народного представительства (март 1917 г — январь 1918 г.: либеральный - избрание на основе широкого народного представительства и многопартийности Учредительного Собрания, оппозиционного существующему политическому режиму)

- 1989 г. – 1993 г.: сочетание идей парламентаризма с рудиментами советской социалистической демократии

- 1993 г. – 2007 г.: — современный постсоциалистический, с формированием на основе смешанной мажоритарно-пропорциональной и кооптационной избирательных систем двухпалатного парламента демократического типа

- с 2007 г. – неолиберальный, характеризуется восстановлением 100% пропорциональной системы формирования нижней палаты и планируемыми прямыми выборами избирателями депутатов верхней палаты парламента

Соотношение периода теории и практики парламентаризма в России колоссально: от возникновения первых юридических и политических документов периода Крещения Руси, до революционных событий начала 20 века – составляет 10 столетий. Затем 70 лет советизированной политической системы, и лишь 28 лет современного внедрения реального парламентаризма в политическую и социальную сферы российского общества на фоне отсутствия исторический преемственности парламентских традиций в эволюционном пути государства.

Современный этап развития идей парламентаризма знаменуется принятием в 1993 году Конституции РФ, в которой задекларированы демократические основы конституционного строя в республиканской форме правления в федеративном правовом государстве, где многонациональный народ является носителем суверенитета и единственным источником власти.[15] Что подразумевает переход к реализации принципа разделения властей на федеральном и субъектном уровнях на основе свободных демократических выборов. В Российской Федерации действует принцип верховенства федеральных законов над законами субъектов федерации, что определено Основным законом. [11]

Задаваясь вопросом, по каким именно параметрам-показателям качества государственной политики возможно получить прямую корреляцию со сферой деятельности непосредственно институтов и механизмов парламентаризма (речь о всевозможных международно утвержденных индексах развития), автор приходит к выводу, что не представляется возможным вычленить прямое влияние продуктов именно парламентаризма на государственное развитие. Во многом это связано с самой многогранностью понятия, как было ранее отмечено. Четко разделить влияние групп интересов, общественных движений, партий на законотворчество и правоприменение очень сложно, так как есть, во-первых,

правило «большинства голосов», и во-вторых, сложноструктурированная система исполнительной власти, не являющейся представительным органом. Исследования некоторыми современными государствоведами вопросов эффективности государственной политики в картине множества всемирных индексов развития, показало, что для стран, не дублирующих модель западной демократии и принципов рыночной экономики, выводы подобных исследований весьма спорны. Потому как подобная универсализация не применима к государствам с принципом единения не на коммерческой, а на идейной, национальной и многонациональной этической основе. К тому же, в последние годы интерпретация результатов ранжирования стран по системе индексов развития обретает все более манипулятивную политическую направленность исходя из их идеологизированности. [14]

Наиболее полезным для исследования параметров и факторов отечественного парламентаризма, влияющих на основы развития государства может стать сравнительный анализ политической конъюнктуры парламентов всех созывов (как отражателей мнения народа о наилучшем пути развития) между собой, а также с базовыми статистическими национальными государственными показателями в идентичные периоды).

Выводы. В сущности, парламентаризм – структурный элемент демократической формы правления в государстве. В корне неверно рассматривать парламентаризм как статичную часть структуры политической системы в виде конкретного выборного органа власти – института (парламента) наряду с другими институтами государственной власти. Правильным будет сакцентироваться на структурно-функциональном подходе в рассмотрении развития парламентаризма как основы развития государства в целом. Потому как именно специфика обязательной строгой периодичности в переизбрании состава парламента отличает его от других элементов госструктуры. Динамика развития парламента обусловлена сущностью его «качественного» состава, т.е. той палитрой программных платформ политических партий и сомовыдвиженцев, которая получила наибольший квотум доверия в обществе на обозначенный период времени. Стоит отметить, что «набор исполнителей» парламентаристской деятельности, обретший легальность имеет возможность сохранить свою легитимность в случае правильной соотносимости выполняемых им функций с уровнем политико-правовой культуры и гражданской сознательности избирателей (социума).

На уровне органов государственного управления, парламент является единственным представительным органом, отражающим состояние и обеспечивающим связь государства с гражданским обществом. И посредством продуцирования законодательных актов определяет направления, рамки, цели и задачи исполнительной власти. [12]

Принцип разделения властей и роль самого парламента в теории и практике российского парламентаризма на разных исторических этапах рассматривался по-разному. Но характерной чертой именно российской модели парламента является то, что у Федерального Собрания – парламента Российской

Федерации нет главы, председатели Совета Федерации и Государственной Думы равнозначно учувствуют в совместных заседаниях, отдельно ведут заседания представляемой ими палаты. [1,9]

Заявленная форма парламентской республики в России тем не менее показывает тенденцию к смещению в сторону президентской республики. Юридически это отражено непосредственно в Конституции, где функционал полномочий Президента крайне широк и имеет главенство над функциональными возможностями и правовым статусом парламента. Можно рассматривать этот факт как умоляющий основоположность принципа разделения властей, но и как элемент системы сдержек и противовесов в действии. А фактически тяготение к президентской республике отражается: в всегда более высокой явке населения на выборы Президента, нежели членов Федерального собрания РФ; в долгосрочной стабильной поддержке конкретного человека на посту президента (В. В. Путин) и, соответственно, высокому уровню поддержки партии президента (Единая Россия), которая в действующем составе Государственной Думы имеет конституционное большинство. И такая тенденция прослеживается с момента первого прихода к власти В. В. Путина в 2000-м году, после чего политическая судьба парламента, по-сути, была обозначена. Можно предположить, что относительно низкий уровень доверия к Государственной Думе в сравнении с доверием к Президенту, Правительству и даже Церкви, не обязательно говорит о слабой эффективности этого органа власти, а возможно это сопряжено с главенствующей ролью и ответственностью в государственном управлении именно главы государства в глазах избирателей, которые не видят или не осознают парламента как функционально самостоятельный институт политической системы. Ведь монолитный парламента может олицетворять стабильность в реализации национального политического курса, что в период внутренней трансформации и модернизации на фоне обострившейся ситуации в международных отношениях выступает как консолидирующий фактор. [16,17]

Обобщая результаты проведенного в данной статье историко-правового анализа, автор приходит к выводу, что это и есть национальная особенность российского парламентаризма. Издревна, природно свойственной и наиболее эффективной формой правления для государства, чьи границы простираются вдоль всего евразийского континента, отечественные мыслители видели конституционную монархию, т.е. государство, учитывающее интересы всех народностей, действующее на фундаментальных законах, возглавляемое сильным лидером. Территория России по-прежнему обширна, что обуславливает необходимость объединения ее субъектов вокруг единого сильного центра, который в состоянии реализовывать взвешенную эффективную внутреннюю политику и обеспечить сохранение суверенитета и нерушимости границ государства. [6]

Парламент, являясь центром парламентаризма, выполняет крайне важную связующую и аккумулятивную функцию в процессе динамичной трансформации социально-политической и экономической сфер жизни общества. В Парламенте образуется синергия конфликта и сотрудничества между политическими силами

страны, мобилизация политических и экономических элит, артикуляция групповых интересов, которые влияют на политические решения и процессы.

Важным фактором формирования здоровой государственности России выступает такой институт парламентаризма как Общественная палата, призванный проводить экспертизы, парламентские расследования и рассматривать законопроекты для углубления связи с институтами гражданского общества, выступающими с правотворческими инициативами (создана по инициативе Президента РФ, что подтверждает тезис автора о наличии системы сдержек и противовесов в политической системе России).[5]

К числу прогрессивных явлений в работе законодательной ветви власти относится также Постановление Государственной Думы РФ «О плане проведения «правительственного часа» на весеннюю сессию Государственной Думы 2018 года» от 20.12.17г. № 3082-7 ГД, в котором предусмотрен отчет о ситуации представителями всех министерств в соответствии с приложенным планом. Контролирующая функция парламента крайне важна для отслеживания работы законодательной базы, воспроизводимой им. Углубление в контроль за исполнением и изучение особенностей реального приложения правовых актов призван, во-первых, мобилизовывать исполнительную ветвь в русле поставленных задач и сроков, и во-вторых, усиливать эффект «обратной связи» с социальной сферой общества. Таким способом парламент, как законодательный представительный орган, и государственный парламентаризм в общем, имеет возможность усилить свой правовой статус и степень взаимосвязи с гражданским обществом. Позитивная динамика в таком векторе рабочих задач парламента является отражением стремления соответствовать задекларированному в конституции статусу правового государства.

Список литературы

1. Вихарев А. А. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (Вопросы конституционной теории и практики): Дис. канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 192с.
2. Гостева С. Р. История становления и развития парламентаризма в России (на материалах Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации): Дис. канд. юрид. наук. – Воронеж, 2001 - 221с.
3. Исаев И. А., Золотохуна Н. М. История политических и правовых учений России XI – XX вв. М., 1995.
4. Корнилаева А. А. Теория парламентского контроля в контексте принципа разделения властей: Автореф. дис.канд. юрид. наук. – Уфа, 2002. – 26с.
5. Парламентское право России / Под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Юрист, 2013.
6. Романов Р.М. Российский парламентаризм. История и современность. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000.
7. Рыбкин И.П. Становление и развитие парламентаризма в России: Автореф. дисс. докт. полит. наук. М.: Институт государства и права РАН, 1995.

8. Садовникова Г.Д. Представительная демократия: от идеи к реализации. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008.
9. Сафарова М.П. Разделение властей и конституционное реформирование высших законодательных и исполнительных органов власти России и других суверенных республик СНГ // Актуальные проблемы конституционного законодательства. Труды. 1992. №51. М.: Издательство Института законодательства и сравнительного правоведения.
10. Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X-XVIII века. М., 2003.
11. Чабан О.И. Современный парламентаризм: теория, практика, перспективы: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. СПб: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2002.
12. Шаклеин Н.И. Конституционно-правовой статус парламента и организация его деятельности: Сравнительно-правовое исследование: Автореферат дисс. докт. юрид. наук. – М., 2008.
13. Шульженко Ю.Л. Понятие «парламентаризм» в отечественной науке государственного права в дореволюционный период // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 5.
14. Яценко И.С. Современный парламентаризм и парламентарная система в современной Российской Федерации и зарубежных странах: конституционно-правовое и сравнительное исследование. М.: Юрист, 2004.
15. Конституция РФ, www.constitution.ru/
16. Левада-Центр (Аналитический центр Юрия Левады) — российская негосударственная исследовательская организация, www.levada.ru/
17. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) <https://wciom.ru/>

УДК 343.711

С.Ю. Мироненко

Кандидат юридических наук, ГОУ
ВПО «Донбасская юридическая
академия»

(e-mail: mironenko-2009@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖИ, СОВЕРШЕННОЙ В СОУЧАСТИИ

В статье анализируются особенности квалификации краж, совершенных в соучастии. Акцентируется внимание на особой опасности хищений, совершенных в соучастии, так как совместное совершение этих преступлений позволяет с большим успехом выбрать жертву, скрыться с места преступления, перевезти и реализовать похищенное, уничтожить следы преступления, противодействовать его раскрытию.

Ключевые слова: уголовная ответственность, кража, соучастие, квалификация преступлений.

Mironenko S.Yu.

PECULIARITIES OF QUALIFICATION OF THE CRAFT, PERFORMED IN THE PARTICIPATION

The article analyzes the features of the qualification of the theft committed in complicity. Attention is focused on the special danger of theft committed in complicity, as the joint commission of these crimes allows the victim to be selected with great success, to flee from the scene of crime, to transport and realize the stolen, to destroy the traces of the crime, and to oppose its disclosure.

Key words: criminal responsibility, theft, complicity, qualification of crimes.

Актуальность темы исследования. Преступные посягательства на собственность, в том числе хищения, остаются наиболее распространенными среди всех преступлений. Особую опасность для хозяйственной системы в государстве составляют хищения, совершенные в соучастии, так как совместное совершение этих преступлений позволяет с большим успехом выбрать жертву, скрыться с места преступления, перевезти и реализовать похищенное, уничтожить следы преступления, противодействовать его раскрытию, что, конечно, затрудняет процесс расследования.

Анализ научных исследований. В правоприменительной практике при квалификации хищений, совершенных в соучастии, возникают серьезные трудности. Поэтому крайне важно, чтобы непосредственная борьба правоохранительных органов с таким социальным бедствием имела должное теоретическое обоснование в уголовном законодательстве Донецкой Народной Республики. В теории уголовного права отдельные проблемы уголовной ответственности за соучастие в хищениях исследовали такие известные ученые, как М.И. Бажанов, Ф.Г. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, Л.Д. Гаухман, Н.А. Гуторова,

П.И. Гришаев, Н.Д. Дурманов, В.П. Емельянов, М.М. Исаев, М.И. Ковалев, Н.И. Коржанский, Г.А. Кригер и другие.

Результаты научных исследований по общим вопросам соучастия и отдельных проблем квалификации групповых хищений содержат много важных теоретических положений. Однако некоторые вопросы и сегодня остаются дискуссионными.

Цель статьи заключается в комплексном изучении особенностей квалификации краж, совершенных в соучастии, и формулировка на этой основе выводов, направленных на совершенствование правоприменительной практики.

Изложение основного материала. В наше время кража является самой распространенной формой посягательства на собственность. Очевидно, что особую опасность для отношений собственности составляют кражи, совершенные в соучастии. Именно групповое тайное посягательство на чужую собственность позволяет преступникам действовать более конспиративно, избегая разоблачения и привлечения к уголовной ответственности. С другой стороны, совместное совершение краж, как правило, обеспечивает виновным возможность нанести гораздо больший материальный ущерб потерпевшим, чем при совершении аналогичного преступления единолично.

Важнейшим признаком, который выделяет кражу как особую форму посягательства на собственность, есть тайный способ изъятия чужого имущества. В современной уголовно-правовой литературе общепризнанно, что похищение признается тайным при установлении соответствующих объективных и субъективных признаков. При этом решающее значение имеет субъективный фактор - виновное лицо, совершающее хищение, должно считать, что действует незаметно для других, или, что посторонние лица не осознают преступного характера действий или относятся к таким действиям безразлично [7, с. 189-191]. Одновременно специфика поведения соучастников, когда несколько человек объединяют свои психические и физические усилия для достижения преступной цели, в свою очередь требует выяснения особенностей тайного способа при совместном завладении чужим имуществом. Дело в том, что тайный способ изъятия имущества не только обуславливает специфику поведения соучастников, но определяет особенности интеллектуального и волевого момента их умысла. При установлении признаков совместного совершения кражи необходимо выяснять особенности психического отношения соучастника не только к своим собственным действиям, но и к действиям других соучастников. На наш взгляд, наибольшую сложность здесь могут составлять случаи, когда каждый соучастник принимает непосредственное участие в изъятии чужого имущества. Как правило, не вызывает затруднений квалификация действий соучастников кражи в случае совпадения объективных и субъективных признаков общего тайного похищения, когда соучастники действуют незаметно для других лиц и каждый из соучастников осознает, что имеет место именно тайное совместное изъятие имущества. Однако на практике возможны случаи расхождения объективных и субъективных факторов тайного способа при совместном изъятии имущества, а

также различное психическое отношение к своему поведению отдельных соучастников. В качестве примеров приведем следующие характерные ситуации:

1) Несколько человек совместно совершают хищение чужого имущества, и при этом каждый из соучастников думает, что все они действуют незаметно для других лиц, хотя на самом деле за их действиями наблюдают посторонние, которые негативно относятся к тому, что происходит.

В таком случае имеет место соучастие в краже. Приоритет субъективного признака тайного хищения чужого имущества распространяется и на случаи совместного совершения такого хищения. Главное, чтобы каждый соучастник преступления осознавал, что тайное хищение имущества присуще не только его личным действиям, но характерно для преступной группы в целом.

2) Несколько человек непосредственно участвуют в завладении чужим имуществом. Причем такое завладение объективно осуществляется тайным способом. Но один из соучастников ошибочно полагает, что участвует в открытом похищении. Иными словами, в действиях одного из них имеет место ошибка в способе действия.

Таким образом, очень спорно мнение отдельных специалистов, которые считают достаточным для признания хищения законченным составом грабежа субъективной оценкой виновным своих действий как открытого завладения имуществом, даже если такое завладение было совершено незаметно для посторонних лиц [5, с. 3, 8-9]. Ведь общественная опасность грабежа состоит не только, а скорее не столько в проявлении «злой воли» преступника, который сознательно игнорирует негативную оценку посторонними своих действий, а прежде всего в том, что завладение чужим имуществом объективно, в действительности осуществляется открытым способом. Еще в начале XX века И.Я. Фойницкий писал: «Как показатель большей дерзости похитителя важно не присутствие владельца само по себе, а то, что похищение происходит на глазах у владельца или других лиц, знающих о принадлежности ему вещи, и то, что тот, кто похищает, осознает это; похищение должно быть открытым и объективно и субъективно» [12, с. 197].

Следовательно, действия соучастника, который ошибочно считает, что участвует в открытом хищении чужого имущества, следует квалифицировать как покушение на грабеж, совершенный в соучастии. А в случае применения к потерпевшему насилия в зависимости от характера последнего - покушение на насильственный грабеж или разбой, совершенный в соучастии.

3) И наконец, не исключены случаи обратного порядка. Например, несколько человек могут принимать непосредственное участие в завладении чужим имуществом, которое по своим объективным признакам является открытым хищением. Но об этом обстоятельстве проинформированы не все соучастники, некоторые из них ошибочно считают, что осуществляют тайное совместное хищение имущества.

Так два лица договорились совместно совершить кражу чужого имущества из жилого дома. Причем, согласно заранее распределенных обязанностей, первый должен был проникнуть в помещение и через окно передавать второму

соучастнику похищенное имущество. Когда все жители покинули дом, первый соучастник проник в жилище, где неожиданно для себя увидел постороннего человека, как оказалось, родственника хозяина дома, который гостил у него. Для нейтрализации сопротивления потерпевшего и продолжения своих преступных действий, преступник применил к потерпевшему насилие, о чем другом соучастнику известно не было. Кроме того, продолжая свои преступные действия по передаче изъятого имущества, виновный не сообщил соучастнику об обнаружении в доме постороннего и факт применения к нему насилия.

В приведенном случае имеет место не что иное, как эксцесс исполнителя, а точнее, соисполнителя кражи. Здесь первый соучастник, начав выполнение объективной стороны тайного хищения, вышел за пределы договоренности, совершив более тяжкое посягательство на собственность - грабеж, или, в зависимости от характера примененного к потерпевшему насилия, - разбой. Поэтому действия второго соучастника, хотя объективно и способствовали совершению открытого завладения имуществом, выступают как соучастие в краже. Опять же решающее значение здесь приобретает субъективная оценка виновным своих действий как соучастия именно в тайном хищении чужого имущества. Первый же соучастник должен отвечать за грабеж или разбой, причем, совершенный самостоятельно, несмотря на то, что действия второго соучастника также находятся в причинной зависимости с причинением имущественного ущерба собственнику.

Разграничение отдельных форм соучастия при совершении кражи, а также отграничения действий соучастников от действий лиц, которые были только причастны к этому виду преступлений, во многом зависят от правильного решения вопроса о моменте окончания кражи. Этот довольно сложный вопрос был предметом дискуссии еще в дореволюционной уголовно-правовой доктрине. Профессор С.В. Познышев в своем курсе по Особенной части уголовного права выделял три основные позиции по вопросу о моменте окончания хищения, которые существовали в литературе того времени:

1) теория соприкосновения, согласно которой хищение считалось оконченным с того момента, когда виновный «противозаконно коснулся чужого имущества»;

2) теория отнесения, которая считает похищение оконченным с момента «противозаконного удаления виновным имущества из помещения, в котором оно было»;

3) теория завладения, которая признает хищение законченным «как только владение нарушено» [9, с. 209].

Причем последняя из перечисленных позиций, кстати, та, что царила в отечественной уголовно-правовой доктрине досоветских времен, в свою очередь, предусматривала два варианта:

1) хищение закончено «как только вещь выведена из сферы имущества, находящегося в фактическом владении хозяина, хотя бы похититель не успел еще установить своего владения вещью»;

2) для признания хищения законченным нужно чтобы были в наличии оба момента - и прекращение владения бывшего хозяина и установление своего владения похитителем.

Первую из этих позиций отстаивал сам С.В. Познышев, делая акцент на субъективном моменте - «... что касается наказуемости важно, хватило ли у преступника решимости совершить акт изъятия, следующая же его деятельность в этом отношении не существенна» [9, с. 211]. Другие авторы считали необходимым для признания хищения законченным и наличие объективного признака - установление владения на стороне похитителя, когда последний «успел стать в такое отношение к вещи, что с точки зрения стороннего наблюдателя мог бы показаться владельцем» [11, с. 188].

Учитывая исключительно повышенное внимание к охране социалистической собственности в советское время, уголовно-правовая доктрина, а также судебная практика того периода исходила из позиции признания преступления окончанным с момента изъятия виновным имущества, независимо от наличия возможности им распорядиться [12, с. 69-70]. В то же время указанная позиция не имела принципиального значения для разграничения действий соучастников имущественных преступлений от действий причастных к ним лиц. Дело в том, что до принятия Основ уголовного законодательства СССР 1958 года и следующей за этим уголовной кодификации в союзных республиках, практически все УК союзных республик (за исключением УК Украинской и Грузинской ССР) как разновидность пособничества признавали и заранее не обещанное укрывательство. На основании этого все лица, которые способствовали исполнителям хищений после их совершения, признавались соучастниками такого рода преступлений.

Однако после проведения уголовно-правовой реформы ситуация изменилась, и в новом советском законодательстве к пособничеству было отнесено лишь заранее обещанное укрывательство. Поэтому уже с первых лет применения нового уголовного законодательства встал вопрос об уголовно-правовой оценке действий лиц, которые, собственно, способствовали исполнителям хищений в выносе имущества с охраняемой территории (работники охраны, контроллеры и т.п.). Судебная практика решила этот вопрос очень своеобразно. Несмотря на то, что суды всех инстанций продолжали в своих решениях придерживаться позиции о моменте окончания кражи, Пленум Верховного Суда СССР, не сделав никаких оговорок по этому поводу, в постановлении № 6 от 24 июня 1968 года «Об улучшении деятельности судов по борьбе с хищениями государственного и общественного имущества» указал: «Работник охраны, который умышленно способствовал лицу, совершающему хищение, в выносе имущества, которое похищается с охраняемой территории, или другим способом устранял препятствия для хищения, несет ответственность за соучастие в хищении государственного или общественного имущества» [2, с. 12-13].

Позиция, которая, с одной стороны, признавала соучастниками хищений, лиц, которые способствовали исполнителям после фактического изъятия

имущества, а с другой - определяла посягательство на собственность оконченным с момента его изъятия, противоречила вновь принятой конструкции соучастия и, поэтому, нуждалась в пересмотре. В 1972 году, как отмечает профессор А.В. Наумов, имел место тот редкий случай судебного толкования, когда решение суда не высшей инстанции обусловило позицию Пленума Верховного Суда по вопросу о моменте окончания хищения [8, с. 45]. В 1972 году в первом номере бюллетеня Верховного Суда РСФСР было опубликовано постановление президиума Ленинградского городского суда по соответствующему уголовному делу под таким заголовком: «Действия лица, которое похитило товары из цеха и спрятало их на территории охраняемого предприятия с целью последующего хищения, квалифицируется как неоконченное преступление» [3, с. 16].

И уже 11 июля 1972 года указанная позиция была официально отражена в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о хищении государственного и общественного имущества», в п.10 которого отмечалось, что «хищение следует считать законченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распорядиться по своему усмотрению или пользоваться им» [4, с. 11]. Таким образом, официально заявленная позиция Верховного Суда СССР позволила сделать вывод о том, что каждое лицо, которое способствует выносу имущества, похищаемого с охраняемой территории, является соучастником хищения. Такая позиция была поддержана не всеми учеными-криминалистами. Некоторые из них считали, что решение Пленума об определении момента окончания хищения не учитывает специфики этого рода преступлений, а базируется лишь на необходимости привлечения к уголовной ответственности как соучастников работников охраны, которые способствовали выносу имущества и устраняли препятствия для хищения [10, с. 46-48].

Не отрицая важности решения вопроса о моменте окончания хищения для определения рамок соучастия в этих преступлениях, следует все же признать, что рассматривая этот вопрос Верховный Суд, прежде всего, выходил из специфики объективной стороны составов хищений, которая включает как обязательный признак наступление последствий в виде причинения имущественного ущерба собственнику. Действительно, наступление такого рода последствий связано не с моментом установления физического владения имуществом, а лишь с моментом, когда виновный завладевает этим имуществом, получая реальную возможность распорядиться им по своему усмотрению [6, с. 108].

Кроме того, как совершенно справедливо отмечает Г.А. Кригер, преступная деятельность, связанная с оказанием содействия в выносе имущества, чаще всего составляет даже большую общественную опасность, чем непосредственное завладение имуществом. Как правило, на предприятиях, стройках и других охраняемых объектах расхитителю несложно завладеть имуществом. Труднее вынести имущество с такой территории, к чему в большинстве случаев стремится преступник, пытаясь либо заранее установить преступную связь с лицами, охраняющими этот объект, либо договориться о беспрепятственном выходе и выносе похищаемого имущества [6, с. 106-107].

Одновременно вряд ли можно согласиться с Г.А. Кригер о том, что лица, которые способствуют виновному в сокрытии имущества, которое похищается на охраняемой территории, или способствуют его выносу, во всяком случае, должны рассматриваться как соисполнители кражи, так как они непосредственно участвуют в процессе хищения имущества [6, с. 109]. Считаем, что любое содействие выносу имущества с охраняемой территории охватывает хотя бы часть признаков объективной стороны хищений и представляет собой непосредственное участие в такого рода преступлениях. Так, если работник охраны по предварительной договоренности с исполнителями кражи совершил акт бездействия - не помешал выносу имущества за территорию контрольно-пропускного пункта, хотя обязан был и мог это сделать, то подобного рода действия являются ничем иным, как пособничеством хищению. Хотя, безусловно, исходя из специфики такого поведения и его значимости для достижения преступной цели, работника охраны следует рассматривать как участника преступной группы и его деяние должно быть квалифицировано по соответствующей части ст. 164 УК ДНР без ссылки на ст. 32 УК ДНР.

По аналогии, как пособнические следует рассматривать действия работника охраны, который, хотя и без предварительной договоренности, не помешал выносу имущества, которое похищается, а, допустим, совершил такое бездействие за вознаграждение со стороны соисполнителей кражи. Однако, в последнем случае действия работника охраны необходимо квалифицировать со ссылкой на ч. 5 ст. 32 УК ДНР, так как отсутствие предварительного сговора исключает возможность признать такого охранника членом преступной группы, которая совершает хищение по предварительному сговору. В то же время несколько изменится правовая оценка преступного поведения работника охраны, если в момент выноса имущества за пределы охраняемой территории, за непрепятствование такому выносу, в качестве вознаграждения работник охраны получает часть имущества, которое похищается, и при этом явно осознает преступное происхождение последнего.

Представляется, что в таком случае правовая оценка деяния работника охраны будет зависеть от наличия или отсутствия предварительного сговора с другими соучастниками кражи. Так, при наличии предварительной договоренности о содействии в выносе имущества за получение части того, что похищается, в момент его выноса, такой охранник является участником преступной группы - соисполнителем, так как его действия, связанные с получением имущества, которое заведомо похищается, составляют выполнение части объективной стороны хищения - противоправное обращение чужого имущества в свою собственность.

Вопрос об определении момента окончания кражи является очень важным не только в связи с рассмотрением хищений на охраняемых объектах. В любом случае при разграничении действий соучастников по характеру их участия в хищении, а также действий соучастников и лиц, которые являются лишь причастными к этому роду преступлений, суды должны тщательно исследовать все объективные обстоятельства совершенного преступления (время, место,

обстановку, особенности способа хищения, свойства предмета, который похищается). Игнорирование этого обстоятельства на практике может привести к серьезным ошибкам, связанным с нарушением одного из принципов назначения наказания в зависимости от характера и степени участия виновного в совершении преступления.

Что же касается конкретных форм соучастия, характерных для совершения краж, то бесспорное лидерство здесь принадлежит группе лиц по предварительному сговору. С объективной стороны для краж, совершенных группой лиц по предварительному сговору, характерна такая форма соучастия как соисполнительство. При совершении имущественных преступлений группой лиц по предварительному сговору соисполнительство в чистом виде встречается довольно редко. Действительно, трудно себе представить, что несколько человек заранее договариваются о совместном совершении преступления, и при этом отсутствует лицо, которому, собственно, и принадлежит инициатива совершения такого рода преступления, и которое предложило другим лицам совершить это преступление. Можно предположить, что такое лицо, даже если оно и в дальнейшем участвует в выполнении объективной стороны преступления, не перестает быть подстрекателем к этому преступлению. Так же не исключено сочетание одним лицом соисполнительских и пособнических или организаторских функций. Подобные ситуации В. Ананьин предложил назвать сложным соучастием в групповом преступлении - совпадением соисполнительства с соучастием с распределением ролей [1, с. 13].

Как мы уже отмечали, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору не исключает возможности существования с объективной стороны и соучастия с распределением ролей в чистом виде, когда отдельные соучастники ограничиваются выполнением организаторских, подстрекательских или пособнических функций. Несмотря на то, что в подобных ситуациях отдельные соучастники не выполняют соисполнительских функций, такие кражи отнюдь не становятся менее опасными, чем аналогичные преступления, совершенные несколькими соисполнителями. Напротив, кражи, совершенные с четким распределением ролей, зачастую позволяют соучастникам действовать более конспиративно и с большим успехом реализовывать свои преступные намерения.

Совершение краж организованными группами значительно ниже, чем совершение других видов краж. Но, в то же время, к этому следует относиться очень осторожно, потому что, довольно значительное количество такого рода преступлений остается вне поля зрения правоохранительных органов из-за чрезвычайно конспиративной деятельности организованных преступных групп, и большинство таких преступлений остаются нераскрытыми.

Выводы. Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Во всех преступлениях против собственности, которые относятся к хищениям, совершение таких преступлений группой лиц по предварительному сговору выступает признаком, который повышает общественную опасность этого

рода преступлений и соответственно влияет на квалификацию. Относительно функций участников группового хищения высказаны различные точки зрения, сторонники наиболее распространенной из которых ограничивают состав группы исключительно соисполнительством при совершении хищений.

Предварительное объединение организованной преступной группы выступает как особая форма выражения предварительного сговора, для раскрытия содержания которой следует не механически противопоставлять эти два понятия, а определить те признаки и свойства, которые, дополняя обычный предварительный сговор, превращают последнюю в качественно новое явление - предварительное объединение. Вместе с тем не следует изучать содержание предварительного объединения изолированно от других признаков организованной группы, механически противопоставляя это свойство группы признаку устойчивости, так как предварительное объединение и устойчивость - хотя и не тождественны, но взаимопересекающиеся свойства организованной преступной группы: такие же признаки могут в одинаковой степени характеризовать как устойчивость, так и объединение преступной группы.

Список литературы

1. Ананьин В. Организация, подстрекательство и пособничество в групповом преступлении: Автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Свердлов. юрид. ин-т. – Свердловск, 1980. – 23 с.
2. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1968. – №4. – С. 12-13.
3. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1972. – №1. – С. 16.
4. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1972. – №4. – С. 9-15.
5. Гагарин Н.С. Ответственность за разбой и грабеж по советскому праву (по материалам Казахской ССР): Автореф. дис... канд. юрид. наук (715) / Казах. Гос. ун-т им. С.М. Кирова – Алма-Ата, 1964. – 23 с.
6. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. – М.: Юр. лит., 1974. – 336 с.
7. Кузнецов В.В. Кримінально-правові норми про відповідальність за крадіжку як інститут кримінального законодавства: Автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Нац. акад. внутр. справ України. – К., 2000. – 19 с.
8. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М.: Бек, 1997. – 560 с.
9. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. – М.: Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1912. – 499 с.
10. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. – 215 с.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. – СПб., 1907. – 543 с.
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1912. – 451 с.

УДК 343.228

А.И. Окорокова

Аспирант ГОУ ВПО «Донбасская
юридическая академия»
(e-mail: okorokova91@list.ru)

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И ПРЕВЫШЕНИЯ ЕЕ ПРЕДЕЛОВ

В статье рассматриваются элементы состава преступления при обстоятельствах необходимой обороны и превышения ее пределов. Подробно анализируется субъективная сторона необходимой обороны. Кроме того, проанализированы проблемы квалификации и уголовной ответственности за неоконченные преступления в состоянии необходимой обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов, субъективная сторона, прямой и косвенный умысел, покушение и приготовление к преступлению.

Okorokova A.I.

COMPOSITION OF THE CRIME UNDER THE CIRCUMSTANCES OF THE NECESSARY DEFENSE AND EXCEEDING ITS LIMITS

The article examines the elements of the crime in the circumstances of the necessary defense and exceeding its limits. The subjective side of the necessary defense is analyzed in detail. In addition, the problems of qualifications and criminal responsibility for unfinished crimes in the state of necessary defense are analyzed.

Keywords: necessary defense, exceeding of limits, subjective side, direct and indirect intent, attempt and preparation for a crime.

Актуальность темы исследования. Часто в повседневной жизни бывают случаи, во время которых совершаются действия, имеющие формальное сходство с преступлениями, но из-за преследуемых полезных целей не представляют общественной опасности, являются вынужденными, а их мотивы – нравственно-оправданными. Речь идет об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, среди которых важная роль отведена необходимой обороне. Несмотря на древность указанной правовой нормы, до сих пор не выработаны четкие критерии правомерности необходимой обороны, а также условия, при которых превышаются ее пределы. Значительные трудности вызывают подобные ситуации при квалификации деяний правоприменителями, в частности, открытым остается вопрос квалификации деяний при обстоятельстве необходимой обороны с прямым умыслом и с косвенным.

Более того, ученые в сфере уголовного права не имеют единого мнения по поводу умысла и мотивов деяний, совершаемых при обстоятельстве необходимой обороны. Еще больше разнятся мнения и судебная практика по поводу определения состава преступления при превышении пределов необходимой обороны и разграничения преступных посягательств от уголовно ненаказуемых.

Анализ научных исследований. Данной проблеме посвятили свои работы Т.Ш. Атабаева «Необходимая оборона: теория, законодательство, практика применения», Е.А. Баранова «Необходимая оборона в уголовном законодательстве России и ее отличие от смежных институтов», Е.И. Бахтеева «Превышение пределов необходимой обороны: проблемы квалификации», А.П. Дмитренко «Необходимая оборона (пределы допустимого)», А.В. Неврев «Необходимая оборона: проблемы квалификации и правоприменения», К.И. Попов «Ответственность за превышение пределов необходимой обороны и некоторые институты общей части уголовного права», С.Ю. Учитель «Необходимая оборона и ее роль в правоохранительной деятельности», Е.Ю. Федосова «Необходимая оборона в российском уголовном праве», Р.М. Юсупов «Необходимая оборона в законодательной и судебной практике», М.А. Якуньков «Необходимая оборона: уголовно-правовая регламентация и ее совершенствование» и другие.

Цель статьи. Целью статьи является выявление, научное исследование и анализ проблем, связанных с институтом необходимой обороны, превышением ее пределов, соразмерностью нападения обороне и уголовной ответственностью лиц, совершивших деяние при обстоятельствах необходимой обороны и превышении ее пределов.

Изложение основного материала. Как известно, элементами состава преступления, предусмотренного уголовным законом, являются: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Объект, объективная сторона и субъект особого интереса для квалификации деяний при обстоятельствах необходимой обороны для нас не представляют, чего нельзя сказать о субъективной стороне.

Элемент состава преступления - субъективная сторона включает в себя вину и ее формы. Уголовная ответственность без вины не может быть, так как лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. При этом также оговаривается, что объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Этой позиции придерживается и наука уголовного права. В частности, Бриллиантов А.В. указывает, что «исключается уголовная ответственность и при невиновном причинении вреда психически здоровым лицом и не допускается вменение в вину невиновного деяния вне зависимости от того, какой бы тяжкий вред ни был причинен». При этом ученый называет указанный принцип как принцип субъективного вменения, ведь отсутствие вины исключает уголовную ответственность [1, с.12].

Законодатель полностью исключает уголовную ответственность за любой причиненный вред невиновным, так как отсутствие вины влечет за собой отсутствие субъективной стороны преступления, без которой нет состава преступления. Однако, понятие «вина» на законодательном уровне не определено, а, например, в ст.5 УК Донецкой Народной Республики, называются лишь ее формы.

Бриллиантов А.В. предлагает вину определять как «внутреннее психическое отношение лица в форме умысла и неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию и к его последствиям. Это отношение проявляется в интеллектуальной и волевой составляющих деятельности человека, которые именуются интеллектуальными и волевыми элементами вины» [1, с.62].

Существует мнение, что преступления, совершенные при привилегированных обстоятельствах, в том числе при превышении пределов необходимой обороны, могут быть лишь при наличии умышленной формы вины. Указанная позиция была отображена, например, в Уголовном кодексе РФ 1996 года. Однако, по поводу определения вида умысла (прямой или косвенный) при превышении пределов необходимой обороны единого мнения не существует.

Рассмотрим сначала тезис о том, что превышение необходимой обороны возможно только с косвенным умыслом [4, с. 10]. Аргументами тому являются:

- 1) вред, который причиняется нападающему, - вынужденный и не является целью для обороняющегося,
- 2) главным в мотивах обороняющегося - виновного лица является стремление защитить себя, свое имущество или других лиц от посягательства.

В свою очередь, иные ученые [2, с. 108; 7, с. 48] утверждают возможность превышения пределов необходимой обороны как с прямым умыслом, так и с косвенным. Если действия виновного с определенной целью – защитить свои интересы и обеспечить их сохранность, а достигается результат с помощью пресечения или предотвращения посягательства, то действия виновного, которыми он причиняет вред нападающему лицу, совершенно осознаны, то есть с прямым умыслом. Однако, основываться только на этом нельзя, поскольку преступления при превышении мер необходимой обороны имеют материальный состав, то есть для определения наличия прямого умысла нужно желание лица не только на совершение противоправных действий, но и наступление в результате общественно опасных последствий. Однако при превышении пределов необходимой обороны обороняющийся желает лишь обеспечить сохранность себя и своих интересов и не желает «специально» причинять вред. Отсутствует прямая заинтересованность в наступлении негативных последствий. Например, между А. и Б., которые являются мужем и женой, на протяжении длительного времени происходят ссоры. Накануне произошедшего А. во время ссоры с женой Б. из-за ее пристрастия к алкогольным напиткам наносит ей два удара кулаком в область лица и требует, чтоб его жена покинула его место жительства. Конфликт прекращается. На следующий день А., возвращается домой с работы и, увидев, что жена Б. находится по его месту жительства, на почве личных неприязненных отношений, находясь в кухне с женой вдвоем, замахивается кулаком, чтоб

нанести ей удар в лицо. В этот момент, Б., с целью прекратить причинение побоев со стороны мужа А., (осознавая, что реальной угрозы жизни побои не представляют), схватила со стола кухонный нож и нанесла ему один прямой удар в брюшную полость, причинив тем самым тяжкие телесные повреждения, от которых ее муж Б. скончался в карете скорой медицинской помощи. Жена Б., естественно, в момент нанесения удара осознавала общественную опасность своих действий и могла предвидеть последствия в виде смерти мужа А. Однако ее целью было избавить себя от неоднократных побоев, а не желание причинить смерть либо тяжкие телесные повреждения мужу А. Действия Б. судом были расценены, несмотря на ее мотивы и цели, как умышленное причинение тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть человека.

Именно из-за подобных случаев существует ошибочное мнение, что прямой умысел характерен для ситуаций, когда потерпевший в течение продолжительного периода времени нагнетает психотравмирующую обстановку.

В указанном случае обороняющийся осознанно создает определенную цепочку событий, допуская развитие причинно-следственной связи между своими действиями и последствиями. Наступление смерти нападавшего или тяжких телесных повреждений допускает и воспринимает это как средство для достижения своей цели. То есть, осознанное допущение последствий признак косвенного умысла, но никак не прямого. Наличие косвенного умысла в преступлениях при превышении пределов необходимой обороны усматривается также из комплексного толкования соответствующих статей уголовного законодательства.

В ситуации, когда обороняющееся лицо действует с прямым умыслом, оно желает причинения смерти или тяжких телесных повреждений нападавшему, то есть не имеет цели защититься и на этом прекратить оборону. В таком случае отсутствует превышение необходимой обороны, так как сама необходимая оборона возможна только в случае защиты охраняемых прав. Критиковал это утверждение Козак В.П., говоря о том, что обороняющийся может «не только стремиться отразить посягательство, но и проучить преступника, что не должно перечеркивать необходимую оборону» [5, с. 159]. Однако желания обороняющегося «проучить» или «отомстить» за нападение не допустимы, так как тогда подобные действия имеют преступный окрас как совершаемые с прямым умыслом, и не могут быть рассмотрены как совершенные при превышении необходимой обороны. Этой точки зрения придерживается и Даровских Д.А. [3, с.296-298]. Тем более, в уголовном законе указана единственная цель, которая может быть при необходимой обороне – защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества и государства. Мотивом при этом может быть только желание защитить охраняемые интересы, не смотря на то, что результат будет достигнут путем причинения вреда нападавшему лицу.

Таким образом, установив цель и мотивы превышения необходимой обороны, что является существенным для привилегированных составов

преступлений, можно исключить возможность прямого умысла. В то же время, на практике встречаются случаи, которые ставят под сомнение сделанный вывод.

Так, между гражданином А. и гражданином Б. во время распития спиртных напитков возникла ссора, которая переросла в драку, во время которой гражданин А. на почве личных неприязненных отношений наносил гражданину Б. удары кулаками в разные части тела гражданина Б., повалив его на пол, и, находясь сверху, пытался душить. Гражданин Б., чувствуя, что начинает задыхаться и терять сознание, подобрал нож с пола, который упал со стола, и нанес два удара этим ножом гражданину А. в область спины. От полученных телесных повреждений гражданин А. скончался на месте.

В вышеуказанной смоделированной ситуации гражданин Б. из-за стресса и состояния алкогольного опьянения, а также в какой-то мере от безысходности (лежит на полу, а сверху гражданин А. его удерживает и пытается душить), не имел возможности точно оценить характер опасности и выбрать средства для ее предотвращения. Для того, чтобы освободиться от удушья, гражданин Б. хватается первое, что ему попало под руку – нож и наносит ним сначала один удар. В этот момент у него нет желания к причинению телесных повреждений гражданину А., а только желание освободиться от нападающего. После удара гражданин А. уже не мог с бывалой силой душить гражданина Б. и не представлял для него опасности, но гражданин Б. из-за страха за свою жизнь наносит гражданину А. еще один удар ножом, осознавая при этом, что может причинить телесные повреждения.

Каким образом оценивать подобные ситуации, когда обороняющийся использует средства, которые неизбежно влекут за собой тяжкие телесные повреждения или смерть? Ведь предвидение неизбежности общественно опасных последствий является признаком исключительно прямого умысла. Означает ли это, что превышение необходимой обороны возможно с прямым умыслом? Однозначного ответа нет [6, с. 49]. С другой стороны, осознание неизбежности последствий может быть и при отсутствии другого элемента прямого умысла – желания к наступлению последствий. Ведь, в уголовном законе содержится два признака прямого умысла: осознание неизбежности или реальной возможности наступления общественно опасных последствий и желание их наступления. Если отсутствует один компонент, то отсутствует и целое – прямой умысел.

Некоторые ученые, считая, что превышение пределов необходимой обороны возможно с прямым умыслом, рассматривают стадии совершения указанного деяния как этапы умышленного преступления. По своему характеру преступление при обстоятельстве необходимой обороны совершается обычно с внезапно возникшим умыслом. Поэтому трудно согласиться с мнением о том, что данный вид умысла может иметь место при приготовлении к необходимой обороне. Однако, ученый подчеркивает, что речь идет о приготовлении к необходимой обороне как к правомерной защите, а не к превышению ее пределов. При этом обороняющееся лицо до начала посягательства не намерено причинять нападающему лицу несопоставимый вред, а готовится лишь к отражению нападения. Если обороняющийся использует нападение как повод для

причинения вреда нападающему, с которым находится в неприязненных отношениях, и поэтому заранее готовиться к осуществлению задуманного преступления, то оснований для наличия в его действиях необходимой обороны и даже превышения ее пределов нет, так как преступные, низменные мотивы и цели необходимой обороны не свойственны.

В науке уголовного права и правоприменительной практике общепризнанно, что стадия приготовления как вид неоконченного преступления в случае убийства или тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны исключается. В общей части уголовного закона предусмотрена уголовная ответственность за приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям. Преступления, совершенные при превышении необходимой обороны к таким не относятся, что усматривается из санкций соответствующих статей. Следовательно, уголовная ответственность за приготовление к преступлениям при превышении пределов необходимой обороны невозможна ни в теории, ни в практике. Состав преступления отсутствует. Это утверждение применительно и к стадии покушения на превышение пределов необходимой обороны, потому что преступлением при данном обстоятельстве может быть признано деяние в том случае, если наступили общественно опасные последствия, предусмотренные уголовным законом.

Из вышеизложенного следует, что вина при превышении необходимой обороны – это отношение обороняющегося лица к выбранному им способу обороны, которым желает и сознательно допускает причинение явно чрезмерного вреда нападающему лицу.

Выводы. Таким образом, отсутствие желания обороняющегося причинить тяжкие телесные повреждения или смерть посягающему лицу свидетельствует о косвенном умысле и, соответственно, о превышении пределов необходимой обороны. А наличие двух компонентов говорит о прямом умысле и о совершенном умышленном преступлении без признаков привилегированного. Можно подтвердить утверждение, что преступления при превышении пределов необходимой обороны совершаются лишь с косвенным умыслом. В свою очередь деяния, совершенные при обстоятельстве необходимой обороны не имеют косвенного и, тем более, прямого умысла, так как совершаются с целью защитить себя и охраняемые интересы от преступного посягательства. Именно поэтому при квалификации деяний, совершенных при необходимой обороне, отсутствует вина и, соответственно, субъективная сторона преступления. И, как известно, при отсутствии одного из элементов – субъективной стороны, исключается любой состав преступления, даже привилегированный. То есть, деяния, совершенные при обстоятельстве необходимой обороны, не уголовно наказуемые, потому что не преступные.

Список литературы

1. Бриллиантов А.В., Захаров А.Ю., Караханов А.Н. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Том 1. Научно-практическое пособие. – М.: РАП, 2015. – 579 с.

2. Вольдимарова Н.Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М.: 2003.

3. Даровских Д.А. Умысел в преступлениях при превышении пределов необходимой обороны// Молодой ученый. – 2009. - №12. – С. 296 – 298. - URL <https://moluch.ru/archive/12/998/>(дата обращения: 30.04.2018).

4. Кабурнеев Э.В. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: Дисс. ... канд. юрид. Наук: 12.00.08. – М.: 2002.

5. Козак В.Н. Право граждан на необходимую оборону. – Саратов, 1972.

6. Питецкий В. Сужение понятия косвенного умысла влечет ужесточение репрессии// Российская юстиция. – 1998. - №11.

Уголовное право. Особенная часть: учебник/ отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – 4-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2008.

УДК 342.53.

П.И. Павленко

Кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой теории и
истории государства и права ГОУ
ВПО «Донбасская юридическая
академия»

В.В. Журба

Старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и
права ГОУ ВПО «Донбасская
юридическая академия»
(e-mail: tigrp_dua@mail.ru)

О ЗАЩИТЕ ОБЩЕСТВА ОТ ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается политико-правовой аспект проблемы защиты общества, а именно физических лиц от информационно-психологического воздействия, которые могут осуществлять органы государственной власти и средства массовой информации с целью изменения общественного сознания и выработки общегосударственной идеологии.

Ключевые слова: правовое сознание, сознание человека, информационная безопасность, психологическое воздействие.

**Pavlenko, P.
Zhurba V.**

ABOUT PROTECTING SOCIETY FROM INFORMATION- PSYCHOLOGICAL INFLUENCE: POLITICAL-LEGAL ASPECT

The article is examined political-legal aspect of problem of defense of society, namely physical persons from informatively-psychological influence, that can carry out public and medium of communication authorities with the purpose of change of public consciousness and making of nationwide ideology.

Key words: legal consciousness, human consciousness, informative safety, psychological influence.

Актуальность темы исследования. В последнее время в эпоху информационных технологий в средствах массовой информации, а также в научно-исследовательской литературе встречаются разные мнения относительно влияния информации на сознание, а в некоторых случаях на подсознание человека. На сегодня проблема воздействия на сознание человека действительно может считаться актуальной, поскольку в психологии есть соответствующие

разработки, направленные на исследование особенностей общественного мнения и формирование индивидуального сознания, а также возможность вмешательства в процесс формирования мнения путем информационно-психологического воздействия. Объектом исследования выступает сознание человека и гражданина, которое требует защиты в информационном пространстве.

Анализ научных исследований. Проблематикой и вопросами, касающимися формирования индивидуального правосознания и защиты его от информационно-психологического воздействия занимались такие отечественные ученые, как В.Д. Аносов, Л.В. Астахова, А.В. Брушлинский, В.Е. Лепский, В.Н. Лопатин, Т.Б. Мельницкая, Т.В. Харлампьева. Однако следует отметить, что в научной литературе на сегодняшний день недостаточно освещены теоретические и особенно практические аспекты проблемы защиты населения от негативного влияния на сознание. Учитывая обстоятельства при которых население Донецкой Народной республики подвергается агрессивной психологической атаке со стороны украинских СМИ и органов государственной власти, необходимо разработать тактику ведения борьбы с проявлениями информационно-психологического воздействия и защитить население ДНР на социальном и нормативно-правовом уровне. Познание процесса информационно-психологического воздействия позволит определить источники влияния на общественное сознание, выявить методы и приёмы воздействия, скорректировать стратегию борьбы с психологическим влиянием и как результат поможет подготовить нормативно-правовую базу для защиты населения Донецкой Народной Республики.

Цель статьи заключается не в пересказе уже изученных, известных фактов, не в дублировании того материала, который уже предложен психологами и закреплён в научной литературе, а в привлечении интереса к этой проблеме юристов и в выдвижении предложения о разработке законопроекта «Об информационно-психологической безопасности граждан».

Изложение основного материала. Воздействие на сознание человека с помощью информационных технологий, по мнению автора, входит в круг тех вопросов, которые имеют дискуссионный характер, и поэтому должен исследоваться с позиции как философской, медицинской, социальной науки, так и с позиции юридической науки. Данный вопрос может стать объектом исследования теории государства и права, поскольку при детальном рассмотрении речь идет о правах и свободах человека и гражданина, защите этих прав и свобод от противоправного посягательства, т.е. тех аспектах, которые составляют основу теории государства и права.

Интерес к указанному направлению вызван тем, что, во-первых, в прошлом информационное воздействие, как и информационное пространство вообще, не в достаточной степени рассматривалось через призму правовых явлений, в частности в юридической учебной дисциплине – теории государства и права. Во-вторых, проблема влияния на сознание с целью манипулирования личностью с помощью информационных технологий представляет огромный простор деятельности для исследователей, поскольку содержит в себе такие

элементы, как взаимодействие между государственными органами, СМИ и гражданами, участие СМИ в политической пропаганде, влияние информационных технологий (приемов, методов) на изменение правового сознания граждан. В-третьих, исследования в этом направлении активно проводятся российскими учеными, и поэтому возникает потребность вызвать интерес к указанной проблеме у юристов-специалистов работающих в научно-исследовательских институтах и юридических вузах Донецкой Народной Республики. Также не следует забывать о политических разногласиях среди украинских политиков, которые в политической борьбе стараются «очернить» высшие государственные органы ДНР и их представителей, с помощью привлечения на свою сторону средств массовой информации как мощный инструмент воздействия на сознание населения Донбасса.

Как уже было сказано, автор статьи не ставит перед собой цель пересказать тот материал, который уже накоплен в психологии по этой проблематике. Речь идет о разработке положений, которые будут включать то положительное, что уже разработано психологами и социологами, и то, что может быть разработано юристами при содействии, как психологов, так и социологов.

Интерес к указанной проблеме со стороны права возник вследствие того, что вопросы, связанные с информационным воздействием, рассматривались лишь психологами как процесс интеллектуального развития в обществе, и имел более социально-психологический характер, чем правовой. Поэтому возникла необходимость в анализе исследований проведенных психологами и социологами для того, чтобы реально сформулировать проблему и попытаться найти в этой проблеме аспекты, которые бы вызвали более глубокий интерес со стороны правоведов.

Заинтересованность психологии заключается в изучении самого процесса манипулирования сознанием, что лежит в основе влияния на мыслительную деятельность, и тех отрицательных черт, в свою очередь, задействованы в разнообразных группах сознания.

Как отмечают В.Д. Аносов и В.Е. Лепский, отрицательное информационно-психологическое влияние – это во-первых, манипулятивное давление на личность, постепенное видоизменение эмоционально-волевой сферы, давление на групповое и массовое сознание, инструмент психологического воздействия с целью явного или скрытого побуждения индивидуальных и социальных субъектов к действиям в ущерб собственным интересам в интересах отдельных лиц, групп или организаций, осуществляющих эти воздействия.

Анализ разнообразных общих групп манипулятивных давлений со стороны средств массовой информации, финансовых структур, религиозных сект, политических организаций и др. позволяет выявить такие наиболее важные, общие для них особенности, как:

- высокий профессионализм (прежде всего психологический) в организации манипулятивных воздействий;
- рождение новых видов и средств «латентного» давления на индивидуальное, групповое и массовое сознание;

- дефицит психологических средств защиты от манипулятивных давлений у большей части населения;
- слабый уровень социальных механизмов контроля и нейтрализации негативных информационно-психологических воздействий;
- отсутствие концептуального (научно-методического) обеспечения в сфере защиты от негативных информационно-психологических воздействий [1, С.8].

Таким образом, высокий уровень профессионализма в консолидации психологических манипулятивных средств воздействия определяется как и в введении в практику разнообразных методик и приемов психологического воздействия, с учетом специфики воздействий на индивидуальное, групповое и общественное сознание, так и в комплексе использования разнообразных форм и каналов влияния (через все виды СМИ, политическую деятельность партий, политических блоков, государственных должностных лиц). На данный момент акцентируют особое внимание к организации манипулятивных воздействий на человека, ядром будет выступать конкретный индивид, личность, и поэтому основа научно-методического обеспечения определяет, прежде всего, комплекс психологических знаний.

Понятно, что нейтрализовать деятельность команд высококвалифицированных специалистов, стремящихся достичь своих целей в ущерб интересам отдельных личностей, государства и общества, можно только через создание хорошо скоординированной системы защиты от негативных информационно-психологических воздействий, при реализации законодательных актов ДНР. На сегодняшний день существует ряд нормативных актов, в которых лишь частично решается указанная проблема, вместе с тем законодатель все же пытается решить вопрос, касающийся информации и ее безопасности. В частности, это нормативно-правовые акты, появившиеся в период становления государственности на Донбассе (Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г., Уголовный кодекс ДНР от 30.10.2014 г., Закон ДНР «О государственной тайне» от 12.12.2014 г., Закон ДНР «Об электронной подписи» от 19.06.2015 г., Закон ДНР «О персональных данных» от 19.06.2015 г., Закон ДНР «О средствах массовой информации» от 29.06.2015 г., Закон ДНР «Об информации и информационных технологиях» от 07.08.2015 г., Закон ДНР «О радиочастотном ресурсе» от 21.08.2015 г., Закон ДНР «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 2.10.2015 г., Закон ДНР «О телекоммуникациях» от 11.03.2016 г., Постановление Народного Совета ДНР № I-770П-НС от 16.02.17 г. «Об образовании Комитета Народного Совета по внешней политике, международным связям, информационной политике и информационным технологиям»).

Проблема манипулятивного воздействия осложняется еще и потому, что используется, как правило, форма «скрытого» воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание, в том числе новые технологии СМИ, компьютерные технологии и др. В этой сфере возникает целый комплекс вопросов, связанных с психологическим анализом последствий воздействия на

индивидуальное, групповое и массовое сознание с помощью современных информационных технологий.

Следующая особенность манипулятивных воздействий – отсутствие психологических механизмов защиты у большей части населения. Чаще всего, без поддержки средств массовой информации, украинскими политиками, представителями государственных органов в период военно-политического конфликта разрабатываются программы (системы мер), направленные на «блокировку рефлексивных механизмов сознания» и создания у населения Донбасса «положительного» образа украинской власти и «отрицательного» образа государственной власти ДНР, а также ее представителей для распространения националистической идеологии на территории Донбасса. Вместе с тем любой взрослый житель Донбасса должен уметь анализировать, насколько представленная информация соответствует действительности, и делать соответствующие выводы. Сегодня каждому человеку нужно понять, что такая украинская политика направлена на борьбу с таким политическим оппонентом как Российская Федерация, а инструментом такой борьбы выступает та часть населения Донбасса которая отказалась от антагонистической прозападной политики в отношении российского народа.

Основу социальной устойчивости личности и защиты от манипулятивных воздействий определяют не только базовые психические особенности развития личности, но также психические образования (система ценностных ориентаций, социальных норм и др.), сформированные под влиянием вхождения личности в различные типы социальных прослоек. В частности, «неустойчивость» и растерянность населения во многом связана с отсутствием стратегических планов развития страны, понятных каждому ее гражданину.

Демократическое государство имеет развитую систему контроля и нейтрализации негативных информационно-психологических воздействий. Роль такого рода систем особенно велика в начальный период, когда допустимо применение более «жестких» методов работы, чем в сложившемся демократическом обществе. Разрушение механизмов контроля, оставшиеся от Украины, и нейтрализация негативных информационно-психологических воздействий были положительно восприняты большинством населения страны как шаг к свободе, но, увы, это только иллюзии, поскольку пока не создано новых механизмов, адекватных задачам развития ДНР, которые в самое ближайшее время позволят создать сильное государство в экономическом, политическом и социальном плане. Незащищенными от негативных информационно-психологических воздействий оказались не только отдельные граждане, слои, группы населения в целом, но и субъекты важных для страны видов деятельности, защита которых от манипулятивных воздействий не может быть ограничена только мерами информационной безопасности. Без надлежащего контроля остаются различные «каналы» психологического воздействия.

Стоит также остановиться на отсутствии концептуального (научно-методического) обеспечения в сфере защиты от негативных информационно-психологических воздействий.

На данный период, как уже отмечалось выше, в законодательных и исполнительных органах власти все чаще обсуждаются вопросы защиты от негативных информационно-психологических воздействий. Как правило, это вопросы, возникающие по инициативе специалистов (например, по вопросам защиты от неосознаваемых, подпороговых воздействий), и которые являются реакцией на публикации в прессе (например, «реклама» политических решений представителями украинской государственной власти, разглашение непроверенной информации, дезинформация) и др.

Факт отсутствия полного представления о данной проблематике влияет на развитие непреодолимых трудностей при попытке найти конструктивные решения, и тем более скоординировать их с решением подобных вопросов.

Насущной проблемой является создание концептуального (научно-методического) и правового обеспечения защиты от негативных информационно-психологических воздействий. Поэтому очень важной является заинтересованность юристов в разработке нормативно-правового акта (или отдельных его положений), который взял бы на себя полномочия по решению этой проблемы.

Говоря о создании такого нормативно-правового акта, следует отметить, что законодателем была сделана попытка активизировать интерес к рассматриваемой проблеме. Так, в декабре 2014 года в Народном Совете ДНР в контексте принятия законопроекта, на парламентских слушаниях поднималась смежная с рассматриваемой проблемой тема, а именно – «Обеспечения безопасности личности, общества и государства» [2]. Кроме того, в августе 2015 года парламентом был принят Закон ДНР «Об информации и информационных технологиях» [3], что также говорит об актуальности проблемы информационного влияния. Вместе с тем в представленных нормативных актах, речь идет об общей безопасности, а информационная безопасность рассматривается в контексте создания и реализации государственных программ, направленных на обеспечение безопасности информации. Таким образом, объектом информационной безопасности выступает сама информация, а не население на которое с помощью информации может оказываться психологическое воздействие.

На сегодняшний день законодатель не закрепил на нормативном уровне положения, которые позволят обезопасить каждого гражданина в отдельности и всю население в целом от информационно-психологических «атак» на сознание людей. Украинские СМИ, в настоящее время не могут конструктивно и достоверно информировать общественность о тех событиях, которые происходят на Донбассе, в силу тотального контроля за их деятельностью со стороны властных структур. Информация СМИ, подаваемая под контролем представителей государственного аппарата, носит противоречивый, ошибочный, недостоверный характер, который может в значительной степени повлиять на идеологическую основу ДНР. Следует также отметить, что и в Украине сложилась угрожающая ситуация с обеспечением основных прав и свобод человека и гражданина на получение полной, беспристрастной информации, необходимой для принятия осознанных решений. Значительно усилилось

давление на журналистов во время выполнения ими своих профессиональных обязанностей, что является фактическим введением политической цензуры. Средства массовой информации в последнее время теряют принадлежащую им в обществе функцию посредника между властью и обществом.

Учитывая выше изложенное, было бы целесообразно принять решение о разработке законопроекта «Об информационно-психологической безопасности граждан». Авторы данной статьи не ставят перед собой задачу разработать такой законопроект, но предлагают ряд общих моментов, которые впоследствии могут быть разработаны и включены в нормативно-правовые акты близкие к данной проблематике.

Так, есть предложение разработать структуру проекта нормативного акта, которая будет включать следующие элементы: общие положения, государственное регулирование вопросов информационно-психологической безопасности граждан и заключительные положения.

Во вступительной части определить цели, принципы и сферу деятельности этого нормативно-правового акта. Указать, что важной задачей является защита граждан Донецкой народной республики, иностранных граждан и лиц без гражданства от негативных информационно-психологических воздействий. Объектом регулирования закрепить отношения, возникающие в связи с информационно-психологическими воздействиями на человека, группу лиц, население, а также их защитой от негативных последствий такого влияния. Субъектами определить: лица, которые были подвергнуты негативному информационно-психологическому влиянию; граждане ДНР, граждане других государств, лица без гражданства, группа лиц, организации, которые осуществляют информационно-психологические воздействия. Укрепить положение, опираясь в первую очередь, на обеспечение информационно-психологической безопасности, которое входит в государственные функции и осуществляется уполномоченными органами государственной власти, органами местного самоуправления, уполномоченными органами и организациями от имени государства.

В основной понятийный аппарат стоит включить понятия, такие как информационно-психологическая безопасность, негативное информационно-психологическое воздействие, специальные средства воздействия, которые уже привлекли внимание российских специалистов и вокруг которых велись и ведутся дискуссии о том, что понимать под этими категориями и какие составляющие элементы они должны включать. Так, В.Е. Лепский под информационно-психологической безопасностью понимает состояние защищенности от негативных информационно-психологических воздействий субъектов (организаций, групп, индивидов), а также информации и информационных потоков. Под негативными информационно-психологическими воздействиями он понимает манипулятивные воздействия на личность, на ее представления и эмоционально-волевую сферу, на групповое и массовое сознание, инструмент психологического давления с целью явного или скрытого побуждения субъектов к действиям, потери личных интересов в пользу интересам отдельных лиц, групп

или организаций, осуществляющих эти воздействия [4]. А. Егоров в своей статье «Это должен знать каждый. Негативное информационно-психологическое воздействие» отмечает, что к информационно-психологическим воздействиям следует отнести следующие элементы: информационно-пропагандистское влияние, психогенное влияние, психотропное воздействие, психоаналитическое влияние [5, С.53]. По мнению В.Н. Лопатина, информационно-психологическая безопасность – это состояние защищенности психики человека от деструктивного информационного воздействия, а также связанных с этим жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере [6, С.474]. Анализируя эти и другие результаты исследований, авторы статьи предлагают свое толкование указанных терминов.

1. Информационно-психологическая безопасность – состояние защищенности отдельных лиц и (или) групп лиц от негативных информационно-психологических воздействий и связанных с этим иных жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере.

2. Негативное информационно-психологическое воздействие – воздействие на человека или группу лиц (в том числе помимо их воли), осуществляемое с использованием специальных средств и методов воздействия на психику человека, что приводит к негативным последствиям для личности, общества и государства.

3. Средства воздействия специальной категории – технические и программные медиа средства, используемые для негативного информационно-психологического воздействия на человека или группу лиц.

Основная часть проекта нормативного акта, по мнению авторов, должна определять:

- основные задачи государственных и уполномоченных, выступающих от имени государства, органов по обеспечению информационно-психологической безопасности;
- структуру государственных органов, которые обеспечивают защиту, их внутреннюю подотчетность и подконтрольность;
- функции и принципы работы указанных органов, формы их взаимодействия;
- формы привлечения специалистов к проведению экспертиз на предмет установления степени негативного информационно-психологического воздействия;
- исключительные случаи применения информационно-психологического воздействия специально уполномоченными на то органами;
- финансирование этого вида государственной деятельности;
- меры юридической ответственности за негативное информационно-психологическое воздействие повлекшее наступление тяжких или особо тяжких последствий.

В заключительной части следует установить порядок вступления нормативно-правового акта в законную силу, переходные положения и порядок прекращения юридической силы нормативно-правового акта.

Как уже отмечалось, это далеко не все моменты, которые необходимо учесть при разработке нормативного акта, но уже тот факт, что проблема рассматривается и обсуждается парламентом и научным сообществом говорит о ее значимости. Поэтому разработка правовых норм должна проводиться постоянно, с привлечением специалистов в области психологии и социологии для того, чтобы защитить общество не только от видимых негативных явлений, но и явлений, которые не заметны, но создают не меньшую угрозу для умственно-волевого потенциала всего общества.

Выводы. Из вышеобозначенного следует сделать вывод о возможности создания нормативно-правовой базы, которая будет включать наработки политологической, социологической и психологической сфер знаний, определять степень воздействия негативной информации на индивидуальное, групповое и общественное сознание, и устанавливать меры юридической ответственности за данное противоправное деяние. При подготовке такого нормативного акта необходима целенаправленная законодотворческая инициатива органов государственной власти, выработка правовой концепции учёными-специалистами в данной отрасли знаний, а также заинтересованность общественных организаций, объединений граждан и физических лиц в подготовке и принятия такого нормативного правового акта. По мнению авторов, построение такой правовой основы создаст барьер для распространения неправдивой, потенциально-опасной информации или дезинформации, что с одной стороны обезопасит общественное сознание, а с другой стороны – поможет в выработке общегосударственной идеологической основы.

Список литературы

1. Аносов В.Д., Лепский В.Е. Исходные посылки проблематики информационно-психологической безопасности // Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского. – М.: Институт психологии РАН, 1996. – С. 7-11.
2. Закон ДНР «О безопасности» от 12 декабря 2014 г. // <http://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-bezopasnoste/>
3. Закон ДНР «Об информации и информационных технологиях» от 7 августа 2015 г. // <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/>
4. Лепский В.Е. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России / Г.В. Емельянов, В.Е. Лепский, А.А. Стрельцов // Информационное общество. – 1999. – № 3. – С. 49.
5. Егоров А. Это должен знать каждый. Негативное информационно-психологическое воздействие // Журнал прикладной психологии. – 2002. – № 3. – С. 52-55.
6. Лопатин В.Н. Информационное право: Учебник / И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин, М.А.Федотов. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 725 с.

УДК 330

Г.Н. Панчук

Кандидат исторических наук,
ГОУ ВПО «Донбасская
юридическая академия»

Д.А. Гончарова

Студент ГОУ ВПО «Донбасская
юридическая академия»

ИНСТИТУТ ТАЙНЫ КАК ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИНФОРМАЦИИ ОГРАНИЧЕННОГО ДОСТУПА

Одной из важнейших проблем правовой охраны информации ограниченного доступа является то, что в действующем законодательстве и исследованиях специалистов отсутствует единство в понимании феномена информации ограниченного доступа. Положение усугубляется отсутствием единообразия в содержательной трактовке и использовании взаимосвязанных понятий «тайна», «секрет», «конфиденциальная информация» и других.

В соответствии со ст. 2 Закона ДНР «О государственной тайне», государственная тайна – защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности ДНР.

Ключевые слова: *публичный интерес, коммерческий интерес, защита личных прав, коммерческая тайна, персональные данные, государственная тайна, служебная тайна.*

Panchuk G. N.

Goncharova D. A.

INSTITUTE OF MYSTERY AS A LEGAL REGIME FOR INFORMATION OF LIMITED ACCESS

One of the most important problems of legal protection of information of limited access is that in the current Russian legislation and research of specialists there is no unity in understanding the phenomenon of information of limited access. The situation is aggravated by the lack of uniformity in the meaningful interpretation and use of the interrelated concepts of "mystery", "secret", "confidential information" and others.

In accordance with Art. 2 of the Law of the People's Democratic Republic "On State Secrets", state secret is information protected by the state in the field of its military, foreign policy, economic, intelligence, counterintelligence and operative-investigative activities, the dissemination of which may damage security DNR.

Key words: public interest, commercial interest, protection of personal rights, trade secrets, personal data, state secrets, official secrets.

Постановка проблемы. В современном обществе информация является важным компонентом развития общества. Сегодняшний социум плавно превращается из информированного в информационное, по этой причине информация обретает глобальный характер; не имеется пределов для потока информации; она считается важной для государства и общества в целом; любой способен искать, получать, передавать, осуществлять и пропагандировать информацию различным законным способом.

В данной работе будут рассмотрены следующие проблемы: понятие информации, информации с ограниченным доступом (конфиденциальной информации), рассмотрены отдельные виды конфиденциальной информации.

Изложение основного материала исследования. Значимость данной темы обусловлена важностью вопросов, связанных с информационно-правовым регулированием порядка оборота информации с ограниченным доступом в ДНР.

При правовом регулировании применения информативных систем немаловажную значимость представляет проблема определения режима допуска к информации, функционирующая в разных видах тайн. Процедура доступа проводится органами государственного управления в согласовании с законодательством, а применение данной информации регулируется законными системами оборота информации секретного характера.

Правовым основанием считается закон ДНР «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Правовой режим информации – это порядок регулировки данными, выявленный в совокупности законных средств и базирующийся на взаимосвязи разрешений, запретов [1].

В случае если урегулирование информативных взаимоотношений обладавший критерием возрастания разрешений, то что равносильно мере уменьшения запретов, тогда можно сказать о поощрительном информативном режиме.

Значит, возможно реализовать классификацию законных режимов информации согласно причине их приспособления к режиму свободного либо ограниченного доступа.

Режим свободного доступа содержит:

- режим исключительных прав;
- режим информации, относящийся к общественному достоянию;
- режим массовой информации.

Режим ограниченного доступа составляют:

- режим конфиденциальной информации;
- режим информации, который относится к государственной тайне.

Законодательство ссылается на множество видов информации с ограниченным доступом. Понятия, которые часто встречаются: конфиденциальная информация, нераскрытая информация, деловой секрет, тайна исповеди, тайна нотариальных действий, врачебная тайна, коммерческая тайна, государственная тайна, служебная тайна, тайна личной жизни, тайна голосования, тайна телефонных переговоров, тайна почтовых отправлений.

В то же время нормативные акты никак не предоставляют точной систематизации данных видов, часто похожие определения в них наполняются разным содержанием [6].

С целью возведения системы информации с ограниченным доступом нужно отталкиваться от сути ее защиты, то есть заинтересованности, которая преследуется посредством защиты информации.

Логической представляется следующая градация интересов:

- публичный интерес – защита информативных ресурсов, которые обладают национальной значимостью;
- коммерческий интерес – интерес хозяйствующих субъектов согласно лимитированию допуска к информации с целью извлечения положительных сторон в конкурирующей борьбе;
- защита личных прав – неприкосновенность личной жизни и сопряженные с этим профессиональные секреты, а также неимущественные полномочия, никак не связанные с имуществом.

Виды режима ограниченного доступа.

Режимы конфиденциальной информации:

а) коммерческая тайна.

Коммерческая тайна – это информация, обладающая 3 признаками:

- имеет реальную либо потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее 3-им лицам;
- к ней не имеется беспрепятственного допуска;
- обладатель этих данных берет на себя мероприятия к охране её конфиденциальности.

Информация должна обладать коммерческой ценностью по причине неизвестности ее 3-им лицам. Это значит, то что коммерческой тайной не могут быть сведения, которые не обладают этой ценностью, т.к. считаются общедоступными.

б) персональные данные.

Персональные данные – это сведения, которые дают возможность распознать личность гражданина.

Информационные ресурсы, где находятся индивидуальные сведения, создаются зачастую с целью должностного применения, допуск к ним людей урезан (например, адресное бюро, контора). В независимом обороте находятся

неполноценные сведения, никак не разрешающие распознать субъект (например, телефонная книжка, в которой не указаны номера квартир).

В период сбора индивидуальные данные обязаны быть получены от личности, к которой они относятся (за исключением ситуаций, предусмотренных законодательством).

Использование персональных данных обязано реализоваться в пределах целей их созыва и размера нужд использования.

Передача данных индивидуального нрава допускается только в случаях и режиме, определенных законодательством.

Режим информации, отнесенной к государственным секретам.

Государственные секреты делятся на 2 категории:

- государственная тайна;
- служебная тайна.

Государственная тайна – муниципальные тайны, оглашение либо потеря которых способны спровоцировать тяжелые результаты, а кроме того сформировать опасность защищенности людей или их конституционным правам и независимостям [3]. Утаивание данных выполняется на основе последующих принципов (ст. 6):

1) принцип законности – определенные сведения обязаны отвечать списку данных, составляющих государственную тайну;

2) принцип обоснованности – рациональность отнесения отмеченных данных к общегосударственной тайне вводится посредством экспертного балла возможного вреда, увлечениям страны и сообщества и в основе равновесия актуально значимых заинтересованностей персоны, сообщества и страны;

3) принцип своевременности – засекречивание с этапа извлечения данных, засекречивание заранее;

4) принцип обязательной защиты – данные защищаются осведомленными на то органами.

Статья 5 Закона определяет ряд сведений, составляющих государственную тайну. К ним относятся: о содержании хитрых и своевременных проектов, бумаг военного управления согласно подготовке и проведению действий, хитрому, своевременному и призывному разворачиванию Вооруженных Сил ДНР, иных полков, армейских формирований и организаций, о их военной и призывной готовности, о формировании и о применении призывных ресурсов; о проектах постройки Вооруженных Сил, других войск ДНР, о направленностях формирования вооружения и армейской техники, о содержании и итогах исполнения целевых проектов, научно-экспериментальных и экспериментально-конструкторских трудов согласно формированию и модернизации стандартов вооружения и армейской техники; о разработке, технологических процессах, производстве, о размерах изготовления, о сохранении, о утилизации ядерных боеприпасов, их сложных элементов, делящихся ядерных использованных материалов, применяемых в ядерных боеприпасах, о промышленных медикаментах и способах охраны ядерных боеприпасов с неразрешенного

использования, а кроме того о ядерных энергетических и специализированных физиологических конструкциях оборонной значимости и т.д.[2].

Значит, Закон «О государственной тайне» определяет основной список данных, которые составляют государственную тайну (двадцать три вида сведений, которые объединены в 4 группы), затем данный список формируется в утвержденном Главой государства Перечне сведений, отнесенные к государственной тайне, которые состоят из 113 пунктов. Но непосредственно фактическая деятельность над засекречиванием данных в ведомствах и организациях проводится на основе не данных единых ассортиментов, а специальных детальных местнических ассортиментов, которые формально нигде не опубликовываются.

Закон «О государственной тайне» и Перечень сведений, которые относятся к государственной тайне, носят общий характер, и установить, какие непосредственно данные считаются тайными, а какие не считаются, можно если есть наличие развернутого перечня, который не носит межведомственного характера и не подлежит общегосударственной регистрации и опубликованию.

Закон о государственной тайне определяет также список органов, осуществляющие события согласно охране общегосударственного секрета. К ним принадлежат: Межведомственная госкомиссия согласно охране общегосударственного секрета, служба безопасности, Департамент защиты, Отдел наружного поиска, а кроме того другие аппараты общегосударственного правительства и их структурные подразделения.

Одна из составляющих института государственной тайны – это законная система лимитирования доступа к ней. Правительством ДНР подробно регламентирована процедура допуска официальных и других персон к общегосударственной тайне. При этом Законом о государственной тайне определена вероятность выполнения специализированных испытательных событий в взаимоотношении данных персон. В отсутствии выполнения подобных событий к общегосударственной тайне допускаются члены Совета, депутаты, адвокаты и судьи.

Нужно выделить, что государственная тайна закрепляется на физическом носителе с реквизитами, которые дают возможность ее распознать. Подобными реквизитами являются:

- уровень секретности; сведения об субъекте, реализовавшем засекречивание;
- регистрационный номер;
- дата либо требование рассекречивания информации.

Закон регламентирует процедуру оборота государственной тайны. Её обеспечение осуществляется уже после исполнения соответствующей экспертизы и создается особым договором. Самый новый хранитель данных, которые составляют государственную тайну, обязан придерживаться режима ограниченного доступа и защиты. Передача данных, составляющая государственную тайну, другим государствам, также детально регламентирована Правительством ДНР.

Срок засекречивания данных, составляющих государственную тайну, не должен превышать тридцати лет. В редких случаях такой срок может продлеваться по заключению Межведомственной комиссии по защите государственной тайны.

Защита государственной тайны – не только лишь законная (правовая), техническая, но и философская проблема. Разрешение ее зависит от уровня информативной культуры в обществе. Необходимой составляющей данной культуры считается понимание легитимности и обоснованности определения законных распоряжений в взаимоотношении информации узкого доступа, в том числе и общегосударственной тайны, а кроме того понимание того, что результативность функционирования института общегосударственной тайны – одно из условий деятельности самого государства, обеспечения его суверенитета, реализации его претензий на достойное место в мировом сообществе [4].

Служебная тайна – государственные секреты, разглашение или утрата которых может причинить существенный вред национальной безопасности, а также конституционным правам и свободам граждан.

Аспекты охраноспособности информации, которые составляют служебную тайну:

- 1) информация, которая составляет служебную тайну;
- 2) охраноспособная секретная информация, которая составляет коммерческую, банковскую, профессиональную тайну, тайну частной жизни других лиц – «посторонняя тайна»;
- 3) данные, которые не являются государственной тайной и доступ к которым не ограничен;
- 4) полученная информация при выполнении служебных обязанностей.

Объекты служебной тайны:

- военная тайна (сведения, которые не относятся к государственной тайне),
- тайна следствия,
- судебная тайна,
- налоговая тайна.

Можно отметить 2 вида служебной тайны: тайна деятельности соответствующего органа и профессиональная тайна. Профессиональная тайна часто может тесно пересекаться с личной, коммерческой, банковской и иными тайнами [5].

Таким образом, данные о проектах формирования торговой компании, образующие коммерческую тайну, ставшие популярными в легитимных основах официальным личностям организаций общегосударственной власти, станут охраняться в то же время институтами торговой и должностной тайны. Сведения о усыновлении либо удочерении, принадлежащая к индивидуальной тайне, будучи получена защитником в рамках его высококлассной работы, станут кроме того адвокатской тайной и т.д. Правовой режим отдельных видов информации,

составляющей служебную тайну, регулируется соответствующим законодательством.

Профессиональная тайна обладает тремя признаками:

- 1) профессиональная принадлежность;
- 2) конфиденциальная информация по собственной воле доверяется лицу, который исполняет соответствующие профессиональные обязанности, по выбору владельца этой информации;
- 3) у лица, к которому поступает такая информация, появляется обязанность обеспечить ее сохранность.

Значит, профессиональная тайна, это информация, которая защищается законодательством, уполномоченная либо ставшая известной лицу только в силу исполнения им профессиональных обязанностей, которая не связана с государственной или муниципальной службой. Следовательно, можно выделить такие критерии ее охраноспособности:

- информация становится известной в силу своих профессиональных обязанностей;
- держатель данной информации не состоит на общегосударственной либо муниципальной службе;
- не принадлежит общегосударственной либо коммерческой тайне[6].

В статье 9 «Об информации, информационных технологиях и защите информации» предоставлено легальное определение профессиональной тайны, информация, приобретенная гражданами при исполнении профессиональных обязанностей либо организациями при осуществлении определенных видов деятельности (профессиональная тайна), подлежит защите в случаях, если на эти лица законами возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности такой информации.

Анализ последних исследований и публикаций. В научно-исследовательских работах правоведов, как: А. Б. Агапов, Ю. М. Батулин, И. Л. Бачило, А. Б. Венгеров, Е. К. Волчинская, О. А. Гаврилов, В. П. Казимирчук, Д. А. Керимов, Г. О. Крылов, П. У. Кузнецов, В. Н. Лопатин, Г. В. Мальцев, А. В. Морозов, О. Ю. Мохова, Ю. Г. Просвирнин, Т. А. Полякова, И. М. Рассолов, М. М. Рассолов, А. А. Стрельцов, В. М. Сырых, А. А. Тедеев, Л. К. Терещенко и других ученых рассмотрены проблемы правового режима информации ограниченного доступа.

Вывод. Итак, мы: исследовали сущность понятия информация, информация с ограниченным доступом, тайна, а также определили их соотношение. Проанализировали природу информации конфиденциального характера, ее признаки, свойства, и ее оборот. Изучили особенности различных видов правовых режимов оборота информации конфиденциального характера.

Информация с ограниченным доступом определяется такими обязательными признаками:

1. Информация обладает действительной либо потенциальной ценностью для ее обладателя с целью неизвестности ее третьим лицам (государство, юридические и физические лица).

2. К данным отсутствует свободный доступ на законном основании.

3. Владелец данных берет на себя меры по ее защите.

На сегодняшний день отсутствует конкретная и единая классификация видов конфиденциальной информации, но несмотря на это определено больше 40 ее разновидностей, и, следовательно, создание такой классификации еще предстоит науке и законодательству.

Список литературы

1. Информационное право: учебник для вузов / под ред. Б.Н.Топорнина. – М.: Юрист, 2002. – 789с.
2. Ковалева Н.Н. Информационное право России: учебное пособие – Н.Н.Ковалева / М.: Дашков и К, 2007. – 341с.
3. Копылов В.А. Информационное право: учебник / В.А.Копылов – М.: Юрист, 2005. – 512с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И.Ожегов – М.: Русский язык, 1990. – 921с.
5. Рассолов М.М. Информационное право: учебное пособие – М.: Юрист, 1999. – 400с.
6. Информационно-правовой режим информации ограниченного доступа / С.Н. Шевердяев// Конституционное и муниципальное право. – 2007. –№1. – С.23–28.

УДК 34.01

А. А. Поправко

Аспирант ГОУ ВПО «Донбасская
юридическая академия»

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Развитые страны переживают новую революцию, которую многие учёные называют цифровой революцией. В связи с этим возникает вопрос защиты цифровых прав человека, который относится к «новому» поколению прав. Автор в статье акцентирует внимание на защите основополагающих цифровых прав: права цифровых денег, права цифровых операций, права цифровых споров, права цифрового государственного управления, права доступа к данным защиты при доступе.

Ключевые слова: цифровое право, цифровая экономика, охрана цифровых прав, цифровое государственное управление.

Popravko A.

TO THE CLASSIFICATION OF DIGITAL RIGHTS OF THE INDIVIDUAL

Developed countries are experiencing a new revolution that is often called the digital revolution by many scientists. As a result, the problem of protecting the digital human rights arises. It refers to the “new” generation of rights. The author focuses on the protection of fundamental digital rights: the rights of digital money, the rights of digital transactions, the rights of digital litigations, the rights of digital government, the right of access to protection data.

Keywords: digital law, digital economy, protection of digital rights, digital state management.

Современное человечество вступило в очень ответственную фазу своего развития, которая характеризуется острейшими противоречиями планетарного масштаба. Наиболее развитые страны вступили в период «цифровой экономики», основанной на новых методах генерирования, обработки, хранения, передачи компьютерных цифровых технологий, что предполагает обмен электронными товарами, услугами, информацией, что открывает перед человеком неограниченные возможности в плане материального и духовного потребления. В тоже время нельзя не увидеть проявления всемирного антропологического кризиса, усиливающийся экзистенциальный тупик, связанный с утратой гуманистического понимания смысла жизни, несоизмеримости, асимметричности, преобразовательной деятельности человека и изменений систем потребностей самого человека, что создает угрозу существования всего человечества.

Переход к цифровой экономике требует не только корректирования, но и создания целого свода законов, защищающих права и свободы граждан при обработке персональных данных, а также ставящий надежный заслон на пути компьютерной преступности.

Прежде всего, нуждаются в четкой классификации права в цифровом обществе. На II Всероссийской конференции «Право и Интернет: теория и практика» 28-29 ноября 2000 г. юристы Радченко М. И. и Горбунов В. П. в целом обозначили круг таких прав:

1. Авторское право.
2. Право цифровых денег.
3. Право цифровых операций.
4. Право цифровых споров.
5. Право программных роботов.
6. Право цифрового государственного управления.
7. Право цифрового государственного строительства.
8. Право доступа к данным и защиты при доступе.

Вопросы цифровых прав надо решить в контексте информационного права. Информационное право – системы правовых норм, регулирующих на комплексной основе дозволений, позитивных обязываний и запретов, область общественных отношений по поводу получения, передачи, производству и распространению информации и производных от неё продуктов, а также системы отношений, признанных действующим законодательством [2, с. 13].

Главная проблема цифровых прав – усиливающиеся противоречия между государственным интересом, государственной политикой, представляющей в целом интересы общества и интересы определенных бизнес-сообществ, отдельных частных лиц, стремящихся извлечь материальную выгоду, в первую очередь, коммерческую, не желающих иногда действовать в правовых рамках.

В РФ на основе Конституции действует Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях, и о защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ, который определяет взаимоотношения между государственными, муниципальными и местными информационными системами, где в статье 10, пункт 6 четко говорится о запрещении распространения информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигания национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также информации, за распространение которой предусматривается уголовная или административная ответственность [3, с. 10].

В УК РФ действует три статьи: ст. 272, 273, 274, а именно: неправомерный доступ к компьютерной информации; создание и использование и распространение вредоносных компьютерных программ; нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей [4].

Безусловно, необходимо в УК нашей республики обратить особое внимание на преступления в информационной сфере, ввести аналогичные статьи.

Новые информационные технологии подняли проблему авторских прав на новую ступень. Активное использование цифровой информации происходит в рамках трансграничных компьютерных сетей, охватывающих весь мир.

Существует международное законодательство, которое регулирует правовые аспекты авторского права в цифровой среде. Существует Директива ЕС 2007/24/ВС «О гармонизации авторских прав и смежных прав в интеллектуальном обществе. Директива 91/250 ЕС «О правовой охране компьютерных программ» Директива 96/6 ЕС «О правовой охране данных» [5, с. 19-22].

Защита авторских прав, как защитный механизм патентных прав интеллектуальной собственности, обеспечивается предусмотренными законодательством способами с учетом существа нарушения прав и последствий нарушения этих прав:

- охраны прав на домен;
- защиты компьютерных программ;
- юридической защиты сайта и контента;
- компьютерного пиратства.

За различные случаи нарушения авторских прав законодательством установлена различная ответственность:

- гражданско-правовая;
- административная;
- уголовная.

В РФ был принят от 02.07.2013 года №187 ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты РФ по вопросу защиты интеллектуальных прав в информационно-технических сетях», где к нарушению авторских прав принято относить контрафакцию или пиратство (видеопиратство, аудиопиратство, нелегальное использование программных обеспечений) [6]. Уровень нелицензионного программного обеспечения в РФ составляет 63%, в Японии 21%, в США – 19 %.

Правовые способы борьбы с нарушением авторских прав разнообразны: в США в отношении иностранных граждан, нарушающих авторские права, существует экстрадиция без права возврата в страну. В РФ это финансовые наказания.

Законодателям, борющимся с нарушением использования авторских прав, противостоят пиратские «партии», первая появилась в Швеции в 2006 году, их насчитывается более 10 в мире. Главное требование – недопущение цензуры в Интернете, снижение сроков авторских прав, отмена запрета негласного сбора информации о частной жизни.

В РФ предлагают приравнять сайты к средствам массовой информации, но отсутствует механизм данного решения.

Серьезные проблемы возникают на правовом поле цифровых денег (криптовалюты).

Сейчас в мире насчитывается свыше 100 криптовалют, самые высокие показатели капитализации имеют около 10 валют. Правовой режим криптовалют различается. Она рассматривается как товар, как инвестиционный актив,

используется в качестве денежной единицы (Япония, Германия). В Швейцарии биткоин рассматривается как иностранная валюта. В США биткоин считается виртуальной валютой, в ряде штатов (Техас) является валютой.

В РФ термин криптовалюта не используется, и нет запрета на проведение операций с криптовалютой. Однако существует ряд проблем, связанных с функционированием криптовалют:

- органы Прокуратуры РФ небезосновательно считают, что виртуальная валюта упрощает сделки, связанные с преступным сообществом;
- пресс-служба банка России, Росфин-мониторинг опубликовали информацию о том, что в связи с отсутствием юридической базы проведения сделок по «виртуальным валютам» являются спекулятивными, а зачастую и противозаконными.

Эту позицию сформулировала глава Банка России Э. Набиуллина: «Мнение Банка России не использовать криптовалюту как платежное средство. Мы против частных денег, в какой бы форме они не были – материальной или виртуальной. Криптовалюты – это частные деньги» [7].

Среди цифровых прав особое место занимают вопросы правового обеспечения кибербезопасности, противодействия кибертерроризму. На Южном форуме информационной безопасности, который состоялся в Севастополе 10-14 июля 2017 г. специальный представитель Президента РФ А. Крутских по вопросам информационной безопасности отметил, что в России осуществляется 70 млн. кибернападений только на государственные структуры. Он отметил, что если целенаправленно нарушать работу информационных ресурсов в банковской системе, как это было в Южной Корее или системе здравоохранения, как это было в Англии, то нанесенный ущерб вполне сопоставим с применением оружия массового поражения.

На основе Программы «Цифровой экономики Российской Федерации» до 2025 года сформулированы основные задачи цифрового государства, что предполагает:

- включить органы государственной власти, бизнеса, гражданского общества в развитие цифровой экономики;
- обеспечить прозрачность и подотчетность органов государственной власти;
- реализовать проектный подход к организации управления;
- определить 3 уровня управления – стратегический, оперативный, тактический.

Это позволит увеличить долю услуг, предоставленных органами государственной власти в электронном виде от общего количества предоставляемых услуг 50% в 2020 году до 20% в 2025 году, долю сферы отчётности предоставляемых однократно в электронном виде с 10% в 2020 году, до 100% в 2025 году [8].

Использование ИТ в области государственных услуг предполагает, что управленческие функции, на которые государство тратит много ресурсов, автоматизируются с помощью приложений, разрабатываемых как государством,

так и коммерческими компаниями и заинтересованными организациями. Право принятия решений будет предоставляться интеллектуальным агентам – программным системам, работающим на основе искусственного интеллекта. Интеллектуальные агенты могут обеспечить выполнение контрольно-надзорных функций при выполнении решений как стратегического, так и оперативного плана, существенно уменьшить правовые риски со стороны человеческого фактора.

В результате, государственный аппарат превращается в довольно малочисленную, высокопрофессиональную службу, принимающую решение в правовых рамках на основе анализа большого массива данных, что будет реально означать переход к правовому обществу.

Только цифровое государство может дать реальный шанс на построение правового общества. Прозрачность и доступность информации между государством и гражданами минимизирует бюрократизацию и заблокирует множество коррупционных схем, сможет учитывать интересы различных групп населения, в том числе и самозанятых, вывести их с теневой экономики.

Конкретным примером влияния цифрового госуправления на права рядовых граждан России наглядно продемонстрировала Т. Голикова – председатель Счётной палаты РФ. В интервью радио Спутник под рубрикой «Цифровизация напрямую влияет на качество управления» 17.01.2018 года она поставила проблему прав граждан на доступность и прозрачность внебюджетных фондов. Например, больничные листы и выплаты выплачивает Фонд социального страхования, но за здравоохранение отвечает Фонд обязательного медицинского страхования. Данные между ними не корректируются. Как предложение: создать единый бюджетный фонд на информационной базе налоговой службы, которая отвечает современным требованиям и могли осуществлять также запись актов гражданского состояния [9].

В РФ разработана дорожная карта реализации программы «Цифровая экономика», которая предусматривает создание автономной некоммерческой организации «Цифровая экономика». Среди направлений хочется особо выделить выделение 220 млн. рублей на реализацию плана «Нормативное регулирование цифровой экономики».

Основной целью направления, касающегося нормативного регулирования, является формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, что потребует изменений в ГК РФ, АПК РФ, ТК РФ. Это даст возможность создать новые правовые акты по реализации программы цифровой экономики, разработать меры, направленные на стимулирование экономической деятельности, связанной с использованием современных технологий, подготовить кадры юристов в области цифровой экономики, определить механизм электронного взаимодействия между участниками процесса, создать службу судебных приставов, совершать нотариальные действия путем электронных нотариусов, создать электронные системы альтернативных механизмов разрешения споров (электронная медиация и онлайн-разрешение споров).

В сфере транспорта целесообразно использовать электронный паспорт транспортного средства. Необходимо будет разработать понятия: «электронный документ, электронный дубликат, единица электронного архива». Все эти меры помогут обеспечению эффективного электронного гражданского оборота. Потребуется изменения в Гражданском кодексе, в части определения автоматизированных договоров.

Цифровая экономика, безусловно, затрагивает сферу трудовых отношений: заключение электронных трудовых договоров, использование электронной подписи.

Необходимо перейти на новую систему персонифицированного учета данных граждан, их трудового стажа, трудовой деятельности.

Безусловно, реализация программы цифровой экономики высвободит огромное количество работников, вследствие чего возникает проблема решить в правовых рамках проблему переобучений, переквалификации.

Основным модератором становления и развития цифрового общества выступает электронное правительство. Например, в России разработана Государственная программа «Информационное общество 2011-2020 г.», в которой указано, что в 2018 году 70% государственных услуг должны оказываться в электронном виде. Определена структура электронного правительства, программные решения (ЦОДы), аренда электронного правительства для регионов, единая сеть передачи данных (ЕСПЧ), единая структура государственных данных, система межведомственного электронного документооборота.

Эффективность цифровой экономики, а значит цифровых прав, должна привести к серьезному сокращению сектора теневой экономики, но этого не происходит.

Россия занимает, увы, далеко не последнее место в списке стран с теневой экономикой. Теневой сегмент оценивают от 15% до 30% ВВП.

Теневую экономику оценивают как экономическую деятельность и полученный доход, который находится за пределами системы государственного регулирования.

Бюрократический аппарат использует различные способы, чтобы дискредитировать создание электронного правительства, которое должно осуществлять мониторинг и выявлять незаконные предприятия и незаконную деятельность.

По данным Росстата, теневая экономика колеблется в различных сферах экономики в следующих пределах:

- личные подсобные хозяйства – почти 50%,
- операции с недвижимостью – 50%,
- торговля – 10-11%,
- строительство – 16-18%,
- образование – 5-6%.

В состав теневой экономики, по мнению специалистов, входит:

- неформальная экономика (серый рынок, заполненный экономическими операциями, масштаб которых скрывается или занижается, трудовой найм без оформления);

- криминальная экономика (экономика, запрещенная законом: наркобизнес, рэкет, финансовый терроризм);

- фиктивная экономика (предоставление льгот, субсидий, взятых с целью создания фиктивных предприятий, с целью вывоза капитала за рубеж).

Если с неформальной экономикой бороться трудно, она будет всегда существовать, например, рэкет, то электронное правительство должно реально свести до минимума сложности регистрации бизнеса, уровень уплаты налогов, коррупционные действия под видом проверок и контроля. Электронному правительству необходимо проводить мониторинг занятости трудоспособного населения.

Таким образом, деятельность электронного правительства, тем более электронной демократии, невозможна без решительного перелома в борьбе с теневой экономикой, иначе трагедии, аналогичные кемеровской, в которой много составляющих теневой экономики, будут регулярно повторяться.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

- необходимо обсудить и утвердить правовые основы электронного государства. Сюда следует отнести вопросы функционирования электронного правительства, электронного судопроизводства, обеспечения прав граждан при разработке и использовании государственных информационных систем, электронной системы выборов в различные органы власти;

- переход к цифровому обществу требует свода законов, регламентирующих и охраняющих цифровые права, как граждан, так и государства;

- необходимо создать единый стандарт в сфере информационной безопасности;

- необходимо создать консолидирующий орган, отвечающий за комплексную систему информационной безопасности;

- особое внимание необходимо уделить противодействию кибертерроризму на основе консолидации национальных усилий и международного права;

- уделить пристальное внимание подготовке квалифицированных специалистов в сфере кибербезопасности;

- наименее разработанной частью концепции цифрового общества является социальная составляющая, высвобождение значительного количества работников, особенно государственного аппарата, что может сопровождаться социальными потрясениями, поэтому необходимо заранее обеспечить переобучение, переквалификацию работников с предложением привлекательной и высокооплачиваемой работы;

- необходимо повышать информационную культуру для всех слоёв населения в вопросах цифрового общества и цифровых прав.

Список литературы

1. Радченко М. И. Горбунов В. П. Цифровое право будущего. Материалы II Всероссийской конференции Право и интернет: теория и практика. 28-30 ноября 2000 г. URL: <http://www.ifap.ru/pi02/index.html>
2. Городов О. А. Основа информационного права России. СПб: Из-во Юр. центр. 2003 – 305 с.
3. Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ / ст. 10.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ / ред. от 19.02.2018 г. / ст. 272, 273, 274.
5. Шакель Н. В. Авторское право в цифровой среде: тенденции международного и национального правового регулирования. Юридический журнал. №4. 2009. С 19-22.
6. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. N 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях».
7. Набиуллина Э. Центробанк выступает против легитимизации криптовалют в России. Сочинский форум инновационных финансовых технологий. РИА Новости 05.10.2017 г.
8. Программа «Цифровая экономика». Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. №1632.
9. Голикова Т. Интервью радио Спутник от 17.01.2018 г.

УДК 342.553

Я.Н. Семеняка

Аспирант ГОУ ВПО «Донбасская
юридическая академия»
(e-mail: yana.semenyaka@mail.ru)

ПРАВОВОЕ СТАНОВЛЕНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Статья посвящена рассмотрению вопросов деятельности института местного самоуправления в непризнанных государствах. Автор исследует правовое формирование и развитие местного самоуправления в Южной Осетии, Республике Абхазия и Нагорно-Карабахской Республике.

Доказано, что нормативно-правовая база деятельности местного самоуправления в указанных государствах соответствует нормам международного права и демократическим стандартам. В то же время это не способствует международному признанию этих государственных образований.

Ключевые слова: *местное самоуправление, непризнанное государство, правовой статус, государственные образования, общество.*

Y.N. Semenyaka

LEGAL FORMATION OF LOCAL GOVERNMENT IN AN UNRECOGNIZED STATES

The functioning of local government in an unrecognized states is analyzed in the article. The author researches the formation and development of local government in the Republic of South Ossetia, Republic of Abkhazia, Nagorno-Karabakh Republic.

It is proved that the regulatory framework of local government in this states are in line with international law and democratic standards. At the same time, this does not contribute to the international recognition of the state.

Keywords: *local self-government, unrecognized republic, legal status, state formations, society.*

Местное самоуправление является одним из составляющих элементов конституционного строя цивилизованного правового государства, предоставляющее возможность устранения иерархии руководства в аппарате управления, урегулирования вопросов местного уровня с учетом интересов территориальных общин.

Следует указать, что на современном этапе развития правовых институтов мирового сообщества одной из важнейших задач для непризнанных государств является развитие местного самоуправления, поскольку оно придает легитимности политическим режимам как внутри страны, так и на международной арене; способствует демократическим трансформациям в обществе и устойчивому развитию публичной политики.

С целью создания эффективного законодательного механизма обеспечения деятельности института местного самоуправления в непризнанных государствах считаем целесообразным провести более детальное изучение структуры и отдельных элементов правового механизма обеспечения деятельности института местного самоуправления в таких непризнанных государствах, как Южная Осетия, Республика Абхазия, Нагорно-Карабахская Республика. В последующем полученные результаты и наработанный опыт может быть использован применительно к Донецкой Народной Республике.

Актуальность. Вопросы всестороннего обеспечения деятельности института местного самоуправления в непризнанных государствах все еще остаются недостаточно изученными и исследованными, что обуславливает проведение дальнейших разработок в этом направлении.

Целью этой работы является установление специфики организации и функционирования механизма нормативно-правового обеспечения деятельности института местного самоуправления во всех его направлениях в указанных непризнанных государствах.

Основные направления исследования. Следует отметить, что в большинстве научных трудов по указанному вопросу отсутствует информация по исследованию местного самоуправления в непризнанных государствах. Указанную проблему своих работах затрагивали Делия Ю.В., Чиркина В.П., Коркунова К.М., Лазаревского Н.И., Васильчикова А.В. и ряд других ученых, но рассматриваемый вопрос все еще остается проблемным и недостаточно изученным.

Изложение основного материала. Основная цель деятельности органов местного самоуправления заключается, прежде всего, в улучшении уровня и качества жизни местного населения. При этом муниципальная власть нацелена на правовое содействие в реализации его потребностей, на разрешение собственными возможностями проблем местных сообществ, что позволит гражданам государства увеличить свою численность, и будет являться фактором по привлечению капитала в конкретно взятую административно-территориальную единицу государства.

В связи с этим считаем целесообразным более подробно рассмотреть отдельные аспекты деятельности властных структур на местах в непризнанных государствах.

Следует акцентировать внимание на том, что в настоящее время общественно-политическая ситуация в мире характеризуется стремительным увеличением количества движений за независимость в среде этнонациональных групп и сообществ. При этом необходимо отметить, что право народов на самоопределение зафиксировано в ст. 2 Устава ООН, ст.1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Декларации ООН о правах коренных народов.

Так, в 1992 году в результате вооруженного конфликта, возникшего по причине резких межнациональных разногласий между центральным

руководством Грузии и осетинским населением Южной Осетии была провозглашена независимость Республики Южная Осетия (РЮО).

Этому событию предшествовало предварительное административно-территориальное деление государства. Парламент Грузии устанавливает, что территория, на которой расположена РЮО, относится к части территорий краёв Грузии: Шида-Картли, Мцхета-Мтианети, Имерети и Рача-Лечхуми и Нижняя Сванетия. В Конституции Грузии территория государства именуется как «бывшая Юго-Осетинская автономная область», в ряде других документов – как «Цхинвальский регион».

На сегодняшний день РЮО является частично признанным государством в Закавказье. Её независимость признали такие страны-члены ООН как Россия, Никарагуа, Венесуэла, Науру, а также непризнанные и частично признанные государства: Приднестровье, Абхазия, Донецкая и Луганская Народные Республики.

Отметим, что к частично признанным государствам относят государственные образования, которым свойственны общие признаки государственности: факт наличия населения, контроля над территорией, системы управления и фактического суверенитета, но в то же время эти государства не имеют абсолютного международного дипломатического признания, в связи с чем в юридическом ключе не имеют права выступать от своего имени в качестве субъекта международных отношений. Они, в основном, образуются в результате революций, послевоенного разделения, сепаратизма и получения независимости бывшими колониями от метрополий [1].

Согласно ч. 1 ст. 1 Конституции Республика Южная Осетия – «суверенное демократическое правовое государство, созданное в результате самоопределения народа Республики Южная Осетия» [2].

В свою очередь, статья 6 Основного Закона гласит, что в Республике Южная Осетия признается и гарантируется местное самоуправление [2]. Примечательно, что на местном уровне граждане сталкиваются с различными по актуальности и значимости для них вопросами: жилищно-коммунальные, общественный порядок, здравоохранение, проведение досуга и другие, поэтому эти проблемы следует разрешать на местном уровне.

Отметим, что глава 8 Основного Закона РЮО посвящена местной власти, из которой можно выделить такие принципы:

- местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, сходов, других форм прямого волеизъявления через выборные и другие органы местного самоуправления;
- органы местного самоуправления наделяются муниципальной собственностью, которой самостоятельно управляют в пределах своих полномочий;
- органы местного самоуправления формируют и исполняют местный бюджет, а также решают иные вопросы местного значения;
- местное самоуправление обладает правом судебной защиты в целях обеспечения беспрепятственного осуществления своих полномочий [2].

При этом, необходимо отметить, что местное самоуправление в Республике также регулирует Закон РЮО «О местном самоуправлении в Республике Южная Осетия», который содержит: территориальные основы местного самоуправления; требования, предъявляемые к должностным лицам местной власти; полномочия администрации местного самоуправления; гарантии и ответственность; финансово-экономическую основу местного самоуправления; формы прямого волеизъявления граждан и другие формы осуществления местного самоуправления [3].

Далее считаем целесообразным более подробно раскрыть нормативно-правовую базу Республики Абхазия.

Так, Республика Абхазия – государство, частично признанное Российской Федерацией, Никарагуа, Венесуэлой, Науру, Южной Осетией, Приднестровьем, Нагорно-Карабахской Республикой (далее – НКР), находящееся в западной части Южного Кавказа, на Северо-Восточном побережье Черного моря [4].

Согласно ч.1 ст.1 Конституции Республика Абхазия является суверенным, демократическим, правовым государством, где основой государственной власти выступает народовластие. Государство, исторически утвердившееся по праву народов на свободное самоопределение. Она состоит из семи исторических областей: Малой Абхазии, Бзыпын, Гумы, Абжуа, Самурзакан, Дал-Цабал, Псху-Аибга [5].

Следует акцентировать внимание на том, что Абхазия в нормативно-правовых актах Парламентской Ассамблеи, Совета Европы, Европейской комиссии, США рассматривается как территория Грузии, оккупированная Россией.

Отметим, что одним из древних и универсальных принципов, применяемых в управлении, является принцип самоуправления. Он в прошлом отвечал потребностям человеческого общества как в те времена, так и на сегодняшний день он остается единственным средством социальной организации. В процессе развития общества увеличивается его взаимное отчуждение с государством, и усложняются задачи управления. Роль самоуправления и способы его оформления существенно меняются, попадая во все большую зависимость от форм и методов управления.

Примечательно, что именно на местном уровне население непосредственно сталкивается с наиболее актуальными и жизненно важными для них вопросами, среди которых особое место занимают коммунальные проблемы, общественный порядок, проведение досуга и многое другое, поэтому решаться эти проблемы должны на местном уровне.

В ст. 6 Конституции закреплено, что государственным языком в государстве признается абхазский, наряду с русским. Ст.8 Конституции устанавливает местное самоуправление самостоятельное в пределах своих полномочий. Глава 6 Основного закона посвящена местной власти, из которой можно выделить следующие принципы:

- местное самоуправление осуществляется гражданами путем прямого волеизъявления и через выборные органы местного самоуправления;

- государственные органы не могут ограничивать права местного самоуправления;

- органы местного самоуправления утверждают местный бюджет, налоги и сборы, имеют финансовую основу для осуществления своих полномочий;

- местное самоуправление обладает правом судебной защиты в целях обеспечения беспрепятственного осуществления своих полномочий [6].

Местное самоуправление в Республике также регулирует закон Абхазии «Об управлении в административно-территориальных единицах Республики Абхазия», который, в частности, предусматривает: систему органов управления в административно-территориальных единицах, принципы управления, государственную поддержку местного самоуправления, земельные отношения на территории местного самоуправления, структуру и организационные основы деятельности органов местного самоуправления, правовые гарантии местного самоуправления, местные органы государственного управления [6].

Следует акцентировать свое внимание на том, что на современном этапе развития Республики Абхазии как самостоятельного демократического государства ей присущи достаточно высокие показатели в государственной сфере, а именно местной власти. В связи с чем, на наш взгляд, возникает необходимость разворота вектора законодательной деятельности государственного аппарата касательно местного управления в сторону усовершенствования правового механизма поэтапного разрешения как существующих, так и возникающих вопросов, преимущественно субъективного характера, по местным потребностям народа (общества).

Отметим, что история международных отношений еще с древних времен характеризуется возникновением, исчезновением государств с мировой арены, их преобразованием, сменами правительств, форм правлений в результате чего вспыхивают всевозможные асоциальные конфликтные явления (революции, восстания, войны и т.п.) [7, с.139].

Так, в 1991 году между НКР и Азербайджаном возник вооружённый конфликт. Он разгорелся между армянским населением и правительством Азербайджана, поскольку еще в начале XX века Нагорному Карабаху предоставили право на самоопределение, но де-юре территория продолжила подчиняться властям Азербайджана. С того времени в регионе периодически вспыхивали не только массовые беспорядки, но и вооруженные столкновения.

НКР или Республика Арцах по состоянию на сегодня является непризнанным государством, которое расположено на юго-восточной части армянского нагорья, граничащее с западной стороны с Арменией, с северной и с восточной – с Азербайджаном, с южной – с Ираном. Охватывает восточную часть карабахского плато, простираясь с Запада на Восток, переходя в равнинный Карабах, большая часть которого формируется долиной рек Кура и Аракс [8].

Следует указать, что к непризнанным государствам относятся регионы, провозгласившие себя суверенными государствами и обладающими такими признаками государственности, как: наличие населения, контроль над территорией, система права и управления, но в то же время они лишены

дипломатического признания со стороны государств–членов ООН, а их территория, как правило, расценивается государствами–членами ООН как находящаяся под суверенитетом одного или нескольких государств–членов ООН [9, с. 408]. Именно в связи с этим согласно административно-территориального деления Азербайджанской Республики территория, контролируемая НКР, является частью Азербайджана.

В соответствии ч. 1 ст. 1 Конституции НКР [10] эта территория является суверенным, демократическим, правовым, социальным государством, в котором народовластие выступает основой государственной власти. В своей сущности она представляет собой государство, исторически утвердившееся по праву народов на свободное самоопределение, и состоящее из 7 регионов и столицы – города Степанакерт.

Также укажем, что одним из универсальных принципов, применяемых в управлении, является принцип самоуправления, отвечающий потребностям человеческого сообщества во всех сферах его жизнедеятельности. При этом именно на местном уровне жители зачастую сталкиваются с наиболее актуальными для них вопросами повседневной жизнедеятельности, в частности: касательно жилищно-коммунального хозяйства, общественного и правопорядка, здравоохранения, проведения досуга и ряд других, что позволяет сделать вывод о целесообразности разрешения их на местном уровне.

Отметим, что в статье 13 Конституции НКР гарантируется местное самоуправление, а ее глава 10 полностью посвящена указанному вопросу, из текста которой можно выделить такие основные характеристики местной власти:

- на местном уровне установлены муниципалитеты, под которыми стоит понимать общность населения одного или нескольких населённых пунктов, обладающие муниципальной собственностью;

- муниципалитеты формируют свой бюджет самостоятельно из муниципальных доходов, местных налогов, пошлин и платежей, установленных законом;

- свое право на самоуправление муниципалитет осуществляет посредством органов местного самоуправления – муниципального совета и руководителя муниципалитета, которые в установленном законом порядке избираются сроком на четыре года;

- муниципальный совет принимает правовые акты, подлежащие обязательному исполнению на территории муниципалитета;

- в целях обеспечения легитимности деятельности органов местного самоуправления в установленном государством порядке осуществляется правовой надзор;

- за реализацией полномочий, делегированных органам местного самоуправления, в предусмотренном законом порядке установлен государственный контроль;

- исходя из интересов общества муниципалитеты законом могут быть объединены либо отделены [10].

Кроме того, местное самоуправление в НКР регулируется также Законом НКР «О местном самоуправлении» от 28 января 2009 года, в котором предусмотрены: система органов управления в административно-территориальных единицах, принципы управления, характеристика полномочий органов местного самоуправления, источники формирования муниципального бюджета, собственность органов местного самоуправления, основы деятельности органов местного самоуправления, государственный и административный контроль за деятельностью местной власти [11].

Выводы.

1. На сегодняшнем этапе своего развития Республика Южная Осетия имеет достаточно высокие показатели в государственной сфере, а именно местной власти. Поэтому, на наш взгляд, необходимостью является направленность законодательства о местном управлении на усовершенствование правового механизма разрешения населению вопросов местного значения.

2. Органы местного самоуправления в Республике Абхазия имеют следующую вертикаль:

- Собрание поселка и села;
- Собрание города в районе и города- районного центра;
- Собрание района и города;
- Собрание столицы Республики.

Такое построение органов местного самоуправления предоставляет возможность распределять полномочия и компетенцию в зависимости от круга вопросов, подлежащих разрешать на конкретной юрисдикционно подвластной территории.

3. В современных условиях НКР имеет достаточно высокие показатели в государственной сфере, а именно, что касается местной власти. В связи с этим, на наш взгляд, необходимостью является направленность законодательства о местном управлении на улучшение разрешения вопросов-местных потребностях народа (общества).

Сообщество реализует своё право на самоуправление через органы местного самоуправления: общинный совет и общинный руководитель.

Общиной в НКР принято считать административно-территориальную единицу одного или нескольких поселений.

Поэтому, на наш взгляд, на современном этапе развития мирового сообщества принципиальной необходимостью является направленность законодательства о местном управлении на улучшение разрешения вопросов-местных потребностях общества а именно: расширение гарантий для граждан в разрешении вопросов местного значения со всех сферах жизнедеятельности.

4. Институт местного самоуправления в рассматриваемых непризнанных государствах создавался и реформировался с последующим его становлением, и в настоящее время основывается на международно-правовых нормах, регламентирующих деятельность местного самоуправления, что подтверждается нормативно-правовой базой института местной власти. Однако это не

предоставило возможности государствам выйти на новый международный уровень признания.

Рассматриваемая тематика весьма актуальна на современном этапе развития мирового сообщества в связи со значительным увеличением количества государственно-территориальных образований с перспективными намерениями стать полноправными субъектами мирового сообщества

Список литературы

1. Государства и территории мира. Справочные сведения // Атлас мира / сост. и подгот. к изд. ПКО «Картография» в 2009 г.; гл. ред. Г.В. Поздняк. – М.: ПКО «Картография»: Оникс, 2010. – С. 14. – ISBN 978-5-85120-295-7 (Картография). – ISBN 978-5-488-02609-4 (Оникс).

2. Конституция Республики Южная Осетия от 8 апреля 2001 года. [Электронный ресурс]: <http://cominf.org/node/1166488810>

3. Закон «О местном самоуправлении в Республике Южная Осетия» от 18 февраля 2004 г. № 44. [Электронный ресурс]: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31555524#pos=0;116

4. Государства и территории мира. Справочные сведения // Атлас мира / сост. и подгот. к изд. ПКО «Картография» в 2009 г.; гл. ред. Г.В. Поздняк. – М.: ПКО «Картография»: Оникс, 2010. – С. 14. – ISBN 978-5-85120-295-7 (Картография). – ISBN 978-5-488-02609-4 (Оникс).

5. Конституция Республики Абхазии. Принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия 12-го созыва 26 ноября 1994 г., одобрена всенародным голосованием 3 октября 1999 г. с изменением, принятым на всенародном голосовании (референдуме) 3 октября 1999 г. [Электронный ресурс]: http://www.emb-abkhazia.ru/respublika_abhaziya/konstituciya_respubliki_abhaziya/

6. Закон Республики Абхазия «Об управлении в административно-территориальных единицах Республики Абхазия» от 06 июля 2009 г. № 2410-с-IV; 02 марта 2010 г. № 2567-с-IV) [Электронный ресурс]: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:kdWxVF3iY5cJ:presidentofabkhazia.org/upload/iblock/4ec/12-...25A1.pdf+&cd=4&hl=ru&ct=clnk&gl=ua>

7. Международное право. МГИМО МИД России. Учебник. Под ред. А.Н. Вылегжанина. Москва, ЮРАЙТ, 2011. – с.1003.

8. Шаген Авакян Нагорный Карабах. Правовые аспекты. – Режим доступа: http://www.mfa.am/u_files/file/nk-rus_2014.pdf

9. Большой юридический словарь/ А.В.Малько [и др.]; под ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2009. – 703 с.

10. Конституция НКР от 10 декабря 2006 года– Режим доступа: <http://gov.nkr.am/ru/chapter1/>

11. Закон НКР «О местном самоуправлении» от 28 января 2009 года. – Режим доступа: <http://www.nankr.am/hy/1141>

УДК 351.743

В.В. Чамлай

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории
государства и права ГОУ ВПО
«Донбасская юридическая академия»
(e-mail: tigr_dua@mail.ru)

**ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР ПЕРИОДА 30-Х
НАЧАЛА 60-Х ГГ. XX СТ.**

В статье рассматриваются проблемные вопросы правовой и социальной защиты сотрудников органов внутренних дел СССР в период 30-х начала 60х-х годов XX столетия

Ключевые слова: *сотрудники милиции, социальное положение, права и полномочия сотрудников органов внутренних дел, послевоенный период.*

Chamlay V.V.

**THE PROBLEM OF LEGAL AND SOCIAL PROTECTION OF
EMPLOYEES OF ORGANS OF INTERNAL AFFAIRS OF THE USSR OF THE
PERIOD OF THE 30TH HAS STARTED 60THY. XX CT.**

The article deals with the problematic issues of legal and social protection of employees of the USSR internal affairs bodies during the 30s of the early 60s of the 20th century

Key words: *militia employees, social status, rights and powers of employees of law enforcement bodies, post-war period.*

Сотрудники органов внутренних дел во все времена обладали особым государственным статусом, пользовались почетом и уважением среди правознательных граждан, и испытывали угрозу и не приязнь со стороны лиц, находившихся по ту сторону закона, осужденных и заключенных.

Сущность работы милиционера заключается в функциях охранительного плана, т.е органы внутренних дел на протяжении своего существования были и есть рычагом управления в государстве, с помощью высшие чиновники, а также первые лица нашей страны осуществляют управление различными процессами. Не зря категория сотрудников ОВД является органом исполнительной власти. В ходе рассмотрения проблемы напрашивается вопрос: «Каким образом милиция стала единым силовым органом, какой правовой базой она руководствовалась, и обладала ли социальной защитой на протяжении своего существования? ».

Особый интерес для исследования представляет период развития органов внутренних дел, связанный с укреплением власти государственного аппарата, а

также изменения степени социальной и правовой защиты сотрудников органов внутренних дел в разные исторические периоды развития нашей страны:

- * Предвоенный период, конец 30-х гг;

- * В годы войны 1941-1945 гг;

- * Послевоенный период 1946-1953 гг;

- * Период перехода от жесткой тоталитарной системы И. В. Сталина к началу «Оттепели».

Рассматривая данную проблему в таком контексте, мы предпримем попытку в сравнительном ключе рассмотреть изменения в социальном и правовом статусе сотрудников органов внутренних дел. В данной статье мы постараемся выявить положительные и негативные стороны в формировании имиджа правоохранителей. В настоящее время данная тема приобрела особую актуальность, так как формирование нового государства: Донецкой Народной Республики, требует реформирования системы органов внутренних дел. Прежде всего, кардинальные изменения должны коснуться вопросов социального статуса и правовой защиты сотрудников органов внутренних дел, дабы последние соответствовали модели развития правового государства, пользовались авторитетом и доверием у общества.

Не смотря на довольно большой хронологический период времени, мы поднимем к рассмотрению вопросы социального статуса правоохранителей, а также затронем аспект отношения граждан, их степень доверия к органам исполнительной власти, в охваченный нами исторический период.

Характеризуя предвоенный период развития нашей великой Родины, стоит упомянуть, что 20-30 е годы XX столетия стали трудным испытанием для нашего народа. Окончание Гражданской войны привело к упадку все без исключения сферы жизни в стране, повысился уровень преступности, действовали подпольные организации с антибольшевистскими настроениями. В таких условиях руководство страны приняло решение усилить контроль над сложившейся был избран курс противоречащий демократическим настроениям, и революционным лозунгам Октябрьской революции 1917 года. На территории всей страны была выбрана политика тоталитаризма, которая являлась радикальной и новой для СССР. Тоталитаризм, обозначающий (с лат.) [totalize], что переводится как целостность. Привел государство к всеобщему контролю всех сфер деятельности человека¹¹.

«Внедренное понятие «революционная законность» не признавала существование законности как самостоятельной ценности, считая это «буржуазной идеологией», вследствие чего положение «законы» для «человека» трансформировалось в противоположное понятии – «человек» для «законов». Такая метаморфоза ставила сотрудников ОВД в интересную ситуацию, когда они становились частью сложного механизма, карательной системы возглавляемой И. Сталиным.

Повышении круга полномочий сотрудников органов внутренних дел припало на 1927 г., это год укрепления положения на политической арене И.В.

Сталина. Именно с приходом к власти «отцу народов», деятельность органов внутренних дел позволила прибегать все чаще к использованию императивных методов и примусных мер. Результатами расширения данных полномочий стало проведение ряда антидемократических акций: «Шахтинское дело», в результате которого были выявлены лица, якобы подрывавших могущество нашей державы, а также аграрная реформа И. Сталина, позволившая в соответствии с требованиями ст. 107 УК РСФСР привлекать к уголовной ответственности лиц виновных в спекуляции, конфисковать имущество, изымать хлеб, который был на хранении у людей.

Тем не менее не все сотрудники силовых структур смогли безоговорочно пойти на противозаконные действия в отношении своего народа, чем вызвали волну негодования со стороны правительства и были обвинены генсеком в непрофессионализме и потакании кулачеству, после чего поступило предложение о «замене негодяев честными и добросовестными советскими людьми». Данная чистка кадров привела к снятию с руководящих постов людей и их репрессированию, после чего были найдены новые единомышленники¹².

Таким образом, напрашивается вывод, что сотрудники ОВД изначально были не защищены законом как в большей степени и иные категории советских граждан. Уровень социальной защиты сотрудников милиции был на низком уровне, хотя бы потому, что понятие социума как самостоятельной ячейки общества не было, т.к. и не было свободы слова в тот период. Государство работало, как сложная машина для достижения единого результата, а люди были сырьём для достижения «высоких» целей.

Реформы 1929 г. Привели к истреблению кулачества как класса, при этом милиция снова стала оружием для реализации этой политики И. Сталина. 1930г. Являлся годом «взрыва» и провозглашения коллективизации, контролирующую функцию осуществляли «тройки» в состав которых входили бывшие сотрудники ОВД. Приказ от 8.04. 1931 г. ОГПУ регламентировал, что дела будут рассматриваться под руководством глав оперативных подразделений¹³. Статус местных «троек» наделял их широким кругом полномочий. Расширилось правовое поле деятельности сотрудников внутренних дел, что в какой-то мере давало им социальную защищенность, хотя действия за рамками «тоталитарной системы» были недопустимы, и жестко пресекались государством.

Полномочия «троек» время от времени менялись 10.03. 1933 политическое бюро ЦК ВКП(б) расширило полномочия ОВД, давая возможность рассматривать дела, касающиеся повстанческих и контрреволюционных действий в Украине, с применением высших мер социальной защиты «троек», хотя 7.05.1933 были данные полномочия снижены, а в августе снова расширены. Исходя из этого

¹² Об освобождении ратников милиции от обязанностей, влияющих на их прямые функции: сборник НКВД и НКФ УССР от 2 июля 1928 г. / Сборник приказов рабоче-крестьянской милиции УССР. — 1928. — июль. — С. 15–16.

¹³ История милиции Украинской ССР. В документах и материалах / Под ред. П. П. Михайленко: В 2-х т. — Т.1: 1917-1937 гг. —К.: Изд-во КВШ МВД СССР, 1969. —883 с.

можно сказать, что распространенные в то время «зачистки инакомыслящих» были годами «красного террора», в жернова которого мог попасть любой человек.

В июне 1934г. И Сталиным было принято решение о создании НКВД, произошло реформирование милиции, важную роль в реформировании сыграл одиозный руководитель данной службы Г. Ягода. Вследствие реформирования милиция была лишена "юридических полномочий", а также права выносить смертные приговоры. Деятельность ОВД контролировалась прокурорским надзором, для принятия решений по делу возникла необходимость выдачи прокурорских ордеров на обыск, арест осуществлялась лишь с санкции прокурора¹⁴. Данная реорганизация правоохранительных органов повлекла и смены в руководстве органов внутренних дел, на смену Г. Ягоде в 1935 году пришел новый Нарком внутренних дел М. Ежов. Его период руководства ознаменовался рядом чисток и репрессий в рядах правоохранительных органов. Вновь стали проводиться показательные судебные дела, аналогичные «Шахтинскому делу». Одно из таких «представлений» произошло в начале 1937 года и вошло в историю под названием «Московский процесс». Истинная причина данного дела была сокрыта в обвинении и преследовании оппозиционного Троцкистского блока, но все было представлено, как саботаж работников на производстве. Понятие саботажа позволяло обвинить в не добропорядочности любого работника и применить к нему характерные меры воздействия.

Выше указанные обстоятельства вновь ставили сотрудников ОВД в сложное положение, когда, поддерживая политику Сталина, они вынуждены были избавиться от того особенного статуса, которым владели раньше. Репрессии охватили широкие слои населения страны, расширилась политика доносов в рядах НКВД. Стиль управления М. Ежова требовал от сотрудников проведения наступательных акций в борьбе с партийными кадрами и выявлению инакомыслящих лиц. В обиходе появилось новое понятие «враг народа»¹⁵.

Наступательные действия проходили в два этапа. В марте и апреле было переизбрание местных и рабочих комитетов партии. Рядовым чиновникам приписывались действия, связанные с злоупотреблениями руководителями местного характера. Это дает возможность сделать выводы о необходимости мер "чистки" в НКВД и управленческих структурах. После очередного реформирования НКВД должно было получить статус «карательного меча диктатуры пролетариата». Будучи основным оружием тоталитаризма, наделенная властными полномочиями милиция вплоть до 1939 года не владела особенной социальной защищенностью. Возможно, что при тоталитарной политике И. Сталина, следует понимать, что понятие социальной защищенности при таком руководстве не могло существовать, как таковое.

Тоталитарный режим, существовавший в СССР оставил особый след в формировании и развитии подразделений НКВД. Свидетельством этого является

¹⁴ Березовская С.Г. Прошлое и настоящее общего надзора // Социалистическая законность /С.Г. Березовская – 1937. - №6. – С.24-27

¹⁵ Ивин А.А. Философия истории / Учебное пособие. - М.: Гардарики, 2000. - 528 с.

то, что бывшие руководители НКВД были репрессированы и расстреляны, Г. Ягода арестован в 1937 году, М. Ежов, который взял страну в "ежовые рукавицы" арестован в 1939 году, позднее в 1940 году расстрелян.

Тем не менее, вторая половина 30-х годов ознаменовалась реформированием правоохранительной системы и появлением новых подразделений в рядах ОВД: управления НКВД было реорганизовано в Главный отдел НКВД СССР, который состоял из политического отдела, уголовного розыска, подразделений служебной и боевой подготовки, ГАИ, железнодорожной милиции¹⁶.

Необходимость создания этих подразделений была выражена повышением количества преступлений, связанных с разворовыванием социалистической собственности. В 1937 году было создано подразделение БРСВС, на которое были положенные функции борьбы со спекуляцией и разворовыванием государственного имущества. Произошли изменения в правоохранительных органах регулирующих дорожное движение, было создано подразделения ГАИ в 1937 году.

Подводя короткий итог, можно констатировать факт, что расширение полномочий органов внутренних дел, позволило провести ряд реформ и возложить новые функций на отдельные подразделения, что послужило результатом повышения эффективности правоохранительной системы в целом и позволило милиции занять место контролирующего органа во всех сферах деятельности государства. Применение репрессивных мер воздействия естественно не увеличило степень «любви» и «уважения» к правоохранителям, но ставило их в итоге в «особый» более защищенный статус в сравнении с другими категориями населения страны. Конец 30-х обусловлен активным реформированием правоохранительных органов, обусловленное в 1939 приходом нового руководителя НКВД Л. П. Берии, назначенного на должность взамен М. Ежова¹⁷.

Приход к власти Л. Берия "отметил" очередной чисткой и репрессиями в отношении сотрудников ОВД, которые были разменной монетой для государства. Формирование новой службы НКВД пришлось за 1939 год, милиция уже имела четко выраженные функции, а также широкий круг полномочий. В условиях тоталитарного режима милиция фактически стала "государством в государстве", насчитывая около 40 управлений и подразделений, при этом только одна из них - Главное управление рабоче-крестьянской милиции выполняло функции охраны общественного порядка.

Начало Второй мировой войны, обусловил четкую направленность И.В. Сталина на курс милитаризации, что не могло не отразиться на деятельности подразделений ОВД. Будучи внутригосударственным регулятором милиция вследствие военных действий в Европе переживала очередное реформирование.

¹⁶ Полиция и милиция России: Страницы истории. – М.: Наука, 1995. – 318 с.

¹⁷ История милиции Украинской ССР. В документах и материалах / Под ред. П. П. Михайленко Я.Ю. Кондратьева : В 3-х т. – Т2: 1926-1945 гг. –К.: Изд-во Генеза, 1997. – 412с

15.09.1939 года ЦК ВКП (б) утвердило положение о политическом отдел Главного управления милиции НКВД СССР и соответствующих подразделениях в республиках. Данное подразделение должно было усилить бдительность в стране связанную с охраной государства от проникновения иностранного элемента, который мог пойти на провокационные действия. Кроме того заметим, что 1940 год характеризовался усилением паспортного режима, а также борьбы милиции с фактами детского бродяжничества. В этом же году была принята во внимание необходимость повышения специальной подготовки сотрудников милиции, было проведено ряд сборов по тактико-специальной, строевой и огневой подготовке.

Причины усиления контролирующих функций милиции были обусловлены урегулированием положения страны, находившейся на грани военного взрыва. Реформирование милиции 25.02.1941 года, было вызвано предчувствиями руководства страны о начале военного конфликта с гитлеровской Германией. Сталин понимал, что милиция должна будет стать плечо о плечо с армией и противостоять действиям фашистской Германии. Именно 1941 год стал по мнению автора переломным в реформировании и дальнейшей судьбе органов милиции.

Следует отметить значимость нормативной базы сначала Великой Отечественной войны. Конституция предусматривала введение "военного положения" в стране, при котором особое значение уделялось иерархической структуре государственных органов, а также выражению приоритетных форм ее деятельности. Перестроение аппарата происходило с созданием ЦК ВКП (б) и Президиумом ВС СССР. Увеличение объемов работы милиции было связано с привлечением 25% личного состава на фронт, был создан отдельный полк НКВД. Как и до войны высшим органом милиции было Управление НКВД СССР, в его состав входило управления милиции, а его начальники были заместителями руководителя НКВД. Расширение правового поля деятельности милиции привело к созданию отдела по борьбе с бандитизмом от 30 сентября 1941 года, из-за повышения уровня преступности, выраженные в дезертирстве, диверсионных действиях, мародерстве.

При этом мы указывая расширения полномочий милиции укажем на приоритетные направления в деятельности милиции:

- участие в боевых действиях на линии фронта;
- участие в боевых действиях в тылу;
- охрана тыловой части;
- обеспечение общественного порядка;
- борьба с проявлениями криминального элемента;
- участие в партизанских формированиях;
- организация охраны хозяйственных объектов и военных объектов;
- рассредоточение граждан в бомбоубежищах;
- обеспечение эвакуации мирного населения в случае необходимости;
- осуществление сопровождения грузов различного характера;
- выполнение всевозможных контролирующих функций внутри государства;

- охрана мест нахождения снарядов и авиабомб;
- оказание помощи раненым в ходе военных действий;
- обеспечение сохранности важной документации и ценностей государственного значения¹⁸

Исходя из вышеперечисленных обязанностей мы видим, что внутренние задачи государства были возложены на милицию. Полномочия милиции в годы войны были максимальны. Милиция в борьбе с фашистскими захватчиками проявила себя как единственная организованная система, которая не впала в панику в первые месяцы войны, а сумела сконцентрировать резервные силы перевести их на военный лад.

Таким образом, можно сделать вывод, что 1941 год стал периодом реорганизации милиции он, по сути, определил дальнейшую направленность действий органов внутренних дел в период военных действий 1942-1945 годов. Чреда событий на военных фронтах позволила стабилизировать ситуацию в стране лишь в 1942 году после победы под Сталинградом. Переходя к следующему периоду, мы отмечаем значимость милиции в ходе военного времени, как составляющей общего успеха в борьбе с захватчиками, после чего переходим к не менее важному периоду послевоенного положения милиции.

Исследуя проблему, социальной и правовой защиты правоохранительных органов нужно заметить, что после смерти И.В. Сталина в 1953 году мы произошло столкновение, каждая из которых хотела видеть правоохранительный аппарат на своей стороне.

Послевоенный переход к мирному развитию экономики требовал ряда усилий к возврату страны в мирное русло. Данные обстоятельства беспокоили руководство СССР, в результате чего была проведена реорганизация в системе НКВД. Период 1946 -1953 годов был тяжелым для государства в силу различных факторов, в том числе из-за повышения активности подразделений ОУН-УПА во главе с Романом Шухевичем, которые активно противостояли Сталинскому режиму. Другим негативным фактором стал не урожай 1946-1947 года, повлекший голод, в связи с этим милиция вновь должна была занять центральное место во внутренней политике государства, осуществляя контролирующие функции. Также указанный период обусловлен повышением уровня преступности, отходящих параллельно с упадком и кризисом в экономике положении, снижением уровня жизни на территории СССР.

Усиление оперативной работы в связи с ухудшением оперативной обстановки регламентировалось приказом НКВД от 17 октября 1945 года, при этом следующее реформирования милиции коснулось всей структуры НКВД, от 18 марта 1946 года на Первой сессии второго созыва Верховного Совета СССР НКВД переименована в МВД СССР, и соответствующее реформирование в республиках. В июне 1946 года ГУМ уступил место паспортному отделу и его территориальным подразделениям.

¹⁸ Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк, Объединённая редакция МВД России, Москва 1996, 462 с

Усиление паспортного контроля на территории СССР, связанное с притоком сельского населения в города, а также повышением уровня преступности, требовало расширения полномочий милиции. В феврале 1947 года был создан отдел кадров в подразделениях милиции, функции которой были направлены на повышения уровня психологической устойчивости и профессиональной подготовки.

Отдел БРСВС ГУ милиции сосредоточил борьбу с фальшивомонетничеством и спекуляцией. Параллельно с этим в сороковые годы значительно расширились полномочия подразделений ГАИ, особое уделялось техническому состоянию транспортных средств, их регистрации, документации а также установлению государственного номера на авто. Данные действия проводились в виде увеличения количества автомобилей по сравнению с довоенным периодом, чаще всего этому способствовала наличие "трофейных автомобилей" которые остались от немецких оккупантов

В 1952 Устав ППСМ определил порядок несения службы при охране общественного порядка, а также определял полномочия постового милиционера, повышая его социальную защищенность, согласно новых требований к подразделениям МВД¹⁹

Таким образом, благодаря деятельности милиции происходил переход страны "на мирный лад", в тоже время в стране сохранялся контроль во всех направлениях деятельности человека, что соответствовало тоталитарной политике И.В. Сталина. Идеологическое воздействие на граждан страны, а также реформирования милиции позволило создать крепкий фундамент для дальнейшей деятельности правоохранительных органов. Неожиданная смерть И.В. Сталина в 1953 году, стала новым витком в развитии государства, прежде всего она обусловила борьбу за власть, при которой наиболее выгодное положение занимал руководитель подразделений МВД Берия. Арест Л.П. Берии позволил провести ряд важных реформ в правоохранительной системе. После смерти лид, ссылаясь на то, что органы государственной безопасности осуществляли незаконные действия, а партия разоблачила и противоправные действия.

Руководителем МВД стал Круглов, под его начальством произошла реорганизация "троек", а политическая полиция была преобразована в марте 1954 года в КГБ. В ходе реформы уменьшились права милиции. Проводилась своеобразная чистка в виде массового сокращения, при этом учитывалась оперативная обстановка районов. Интересно заметить, что сужение компетенции органов милиции не отыграло негативную роль в степени их социальной защищенности.

В октябре 1956 года было признано целесообразным в очередной раз реорганизовать руководство МВД и управления милиции в областях в единые управления внутренних дел исполкомов областных Советов депутатов, то есть возобновлялось двойное подчинение милиции - местным Советам и соответствующим учреждениям МВД повысилась популярность милиции,

¹⁹ История государства и права СССР. Часть 2 (Советский период) / Под ред. Г. С. Калинина, Г. В. Швекова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., 1981. –519 с

численность сотрудников до 1958 года составляла 2 млн. Человек, также появились народные дружины в ноябре 1958 года. В результате данного реформирования, увеличилось количество сотрудников милиции, также принято было решение об "отмене Министерства внутренних дел СССР" от 13 января 1960 года. Несмотря на различные статистики вровень преступности был высок и Хрущев способствовал деятельности подразделениям милиции по личной инициативе дополнил Уголовный Кодекс новыми статьями за хозяйственные преступления и изнасилования, восстановил меру наказания - смертная казнь. В 1962 году появилось принципиально новое Положение "О милиции", определившая задачи, права и обязанности сотрудников милиции, подчеркнув необходимость соблюдения законности, а также учета при подборе кадров высоких моральных и профессиональных качеств. В начале 60-х годов милиция приняла внешность сходную с современной. А министр внутренних дел РСФСР В. Тикунов приказом Верховного Совета СССР от 26 сентября 1962 утвердил ежегодное празднование Дня милиции, который отмечался 10 ноября²⁰

Исследуя период становления милиции мы можем сравнить ее положение и социальный статус с временами ее становления как НКВД, обнаружив преимущества и недостатки обеих систем, а также сделать определенные выводы в ходе исследования.

За последние десятилетия милиция сделала безусловно "шаг вперед" в развитии прав, как и все государство. Несмотря на различные трудности удалось сформировать нормативно правовую базу, регламентирующую правовой и социальный статус сотрудников теперь уже полиции. Наряду с ними четко закреплена и ответственность сотрудников в случае превышения служебных полномочий, или различных злоупотреблений.

Сейчас наше государство находится на новом этапе своего развития, когда проходит реформирование подразделений МВД, возможны изменения и в законодательстве, так как многие нормы социальной защиты, касающиеся, является лишь формальностью, что создает ряд проблем и неудобств для правоохранительных органов в ходе выполнения служебной деятельности. Вывод по нашему мнению напрашивается один, что полиция была, есть и будет важнейшим внутренним регулятором в государстве. Любые изменения власти ее политической направленности связаны на протяжении всей истории ее существования с различными видами реформирования, ее реорганизации. Это единственный силовой орган, в течение всего своего существования не предал политиков, поддерживая их в разное время, стабилизируя политическую обстановку в стране. Поэтому повышение именно социального обеспечения является первоочередной задачей в ходе нынешнего реформирования правоохранительной системы.

²⁰ История милиции Украинской ССР. В документах и материалах / Под ред. П. П. Михайленко Я.Ю. Кондратьева : В 3-х т. – Т2: 1926-1945 гг. –К.: Изд-во Генеза, 1997. – 412с.

Список литературы

1. Бжезинский Збигнев Большой провал : Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке // Квинтэссенция : Филос. Альманах /З. Бжезинский – М., 1990. – 258с.
2. Об освобождении ратников милиции от обязанностей, влияющих на их прямые функции: сборник НКВД и НКФ УССР от 2 июля 1928 г. / Сборник приказов рабоче-крестьянской милиции УСРР. — 1928. — июль. — С. 15–16
3. История милиции Украинской ССР. В документах и материалах / Под ред. П. П. Михайленко: В 2-х т. – Т.1: 1917-1937 гг. –К.: Изд-во КВШ МВД СССР, 1969. –883 с.
4. Березовская С.Г. Прошлые и настоящее общего надзора // Социалистическая законность /С.Г. Березовская – 1937. - №6. – С.24-27
5. Ивин А.А. Философия истории / Учебное пособие. - М.: Гардарики, 2000. - 528 с
6. Полиция и милиция России: Страницы истории. – М.: Наука 1995.– 318 с.
7. История милиции Украинской ССР. В документах и материалах / Под ред. П. П. Михайленко Я.Ю. Кондратьева : В 3-х т. – Т.2: 1926-1945 гг. –К.: Изд-во Генеза, 1997. – 412 с.
8. Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк, Объединённая редакция МВД России, Москва 1996, 462 с.
9. История государства и права СССР. Часть 2 (Советский период) / Под ред. Г. С. Калинина, Г. В. Швекова. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрид. лит., 1981. –519 с.
10. История милиции Украинской ССР. В документах и материалах / Под ред. П. П. Михайленко Я.Ю Кондратьева : В 3-х т. – Т.3: 1946-1990 гг. –К.: Изд-во Генеза, 2000. – 616 с.

НАШИ АВТОРЫ

Гончаров С.П. – ректор Донбасской юридической академии (г. Донецк)

Бэкман Й. – доцент Университета г. Хельсинки (Финляндия), доктор общественно-политических наук.

Нассис К. – старший сотрудник Окружного административного суда г.Реджо-ди-Калабрия, доктор наук в области европейского административного права.

Броварь А.В. – заведующий кафедрой государственного и международного права ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», доктор исторических наук, доцент.

Головченко И.К. – специалист отдела профориентационной работы и повышения квалификации ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Гончарова Д.А. – студент ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Гордеева А.Ю. – преподаватель кафедры государственного и международного права ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», магистрант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Грабельников В.А. – декан факультета заочного обучения ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент.

Журба В.В. – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Кудokoцева А.Н. – аспирант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Малёткина О.И. – начальник учебно-методического отдела ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», аспирант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Мироненко С.Ю. – доцент кафедры уголовного права и криминологии ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат юридических наук.

Окорокова А.И. – аспирант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Павленко П.И. – заведующий кафедрой теории и истории государства и права ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат юридических наук.

Панчук Г.Н. – заведующая кафедрой специальных дисциплин и профессиональной подготовки ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат исторических наук.

Поправко А.А. – преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», аспирант кафедры теории государства и права ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Семеняка Я.Н. – аспирант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Чамлай В.В. – доцент кафедры теории и истории государства и права ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат юридических наук.

Щербань Г.О. – студент ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Ярошенко Д.Г. – аспирант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».